

Живая память.

*Шел по пескам
караван.*

**ЧАС ЗАНЯТИЙ—
ГОД
ЗДОРОВЬЯ.**

№ 9 (1367) МАЙ 1984

СМЕНА

ISSN 0131-6656

ВЕНОК ПОБЕД

Инна ЛОСЕВА,
учитель, ветеран
Великой Отечественной
войны,
Москва

*Девчонки в юбчонках
прошли по войне.
В шинелях до пят,
в сапогах без размера.
Сиротство войны болело во мне,
но наполнило душу наивною верой,
что приторной гарью дымящая мгла
меня, как иных,
разметать не могла.
Бывалый солдат
даже крепким словцом
к земле не заставил
прижаться лицом.
Бесстрашие детства!..
Теперь страшно мне
за хрупкость подростка
в минувшей войне...*

Елена НАУМОВА,
библиотекарь,
г. Киров

*Старуха у военкомата
На молодых глядит ребят.
Уходят мальчишки в солдаты,
Как те, что сорок лет назад.
Безусые мелькают лица..
Она все ждет, хоть вышел срок.
Ей каждый в правнуки годится,
Она же каждому: «Сыночек...»*

Олег МЕТЯЕВ,
заведующий клубом,
Челябинск

Кино

*Просыхает асфальт,
И девчонка уменьшается тень,
торопится в школу:
Довоенный трамвай,
Все теперь повторяется снова.
Я в отцовских ботинках,
в отцовских часах,
Замирая, смотрю без прищура,
Как в прозрачных,
спокойных,
тугих небесах
Самолетик рисует фигуры...
Отмелькала беда, будто кадры кино,
В черно-белых разрывах фугасных.
И в большом кинозале эпохи темно,
И что дальше покажут, неясно.
Я не видел войны,
я смотрел
только фильм,
Но я сделаю все непременно,
Чтобы весь этот мир
оставался таким
И не звался потом довоенным.*

Георгий КОЛЬЦОВ,
газоспасатель,
г. Кашира
Московской области

*В огне бомбежки,
В адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма кромешная
Его обыкновенный слух,*

*Что научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле—по шуршанью колоса,
Сентябрь—по шелесту берез.*

*Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал—
Гремел во все колокола.*

*Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.*

*Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне, как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.*

Леонид ЛЕОНТЬЕВ,
журналист,
Ростовская область
Там, на войне

*Там, на войне,
во дворе медсанбата,
найден последний приют.
Стихла заря, и отдали солдаты
брату прощальный салют.*

*В боли и жалости бывшая школа
молча глядит из окон.
Похоронив его, дядька Микола
маме привозит поклон.*

*Пьет он вино и молчит виновато,
старый усатый солдат,
словно в той нашей тяжелой утрате
он больше всех виноват.*

*День разливается в небе веселом,
птицы щебечут с утра.
Мимо двора в двухэтажную школу
шумно спешит детвора.*

*Тяжко овес наливаются в поле,
солнце стремится в зенит.
Незатихающей, ноющей болью
мамино сердце болит.*

*Мамина боль во дворе медсанбата,
где в предраассветной дали
дядька Микола вонзает лопату
в черное тело земли.*

Эти поэтические строки читателей «Смены» посвящены поколению победителей — тем, кто в годы сражений отстаивал честь и независимость родной земли, тем, кто ценой собственной жизни спас мир от фашизма, тем, кто прошел сквозь испепеляющий и очистительный огонь Великой войны.

Ы

Валерий ПОЛЯКОВ,
следователь,
г. Чкаловск

*Я двух шагов не сделал на войне.
Все за меня отхожено отцом.
Он не был трусом,
Не был храбрецом —
Он просто был солдатом на войне.*

*Я двух шагов
не сделал на войне...
За солнца свет,
За нежную зарю,
За этот мир
Я тех благодарю,
Кто просто был солдатом на войне.*

Анатолий СУТУЛА,
инженер, Алма-Ата

*Нынче вьюга, от стужи хмелея,
Все кружит и кружит у ворот.
У окна моя мать Пелагея
На заплату заплату кладет.
К ночи вьюжит все злее и злее,
Засугробило хату и сад.
— Открывай! Открывай, Пелагея!
Это я, твой убитый солдат.
Мама вздрогнет: почудилось снова,
Не сбываются вещи сны,
Затерялась вдовья подкова
На дороге проклятой войны.
Ухнул ветер в трубе угорелой,
Будто филин к несчастью кричит.
— Открывай!*

*Открывай, Пелагея!
Для тебя
Я войной
Не убит.*

Рисунок
Игоря СУСЛОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 9 (1367) МАЙ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
«Равнение
держим на героев».
Герой Советского Союза
генерал-лейтенант
в отставке
М. Г. МАЧИН —
частый гость пионеров.

Фото
Сергея
ВЕТРОВА

1 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ВЕНОК ПОБЕДЫ».

2 Герой Советского Союза,
маршал авиации Сергей РУДЕНКО.
«ЖИВАЯ ПАМЯТЬ».

6 Владимир ЧЕРКАСОВ. «НЕПОБЕЖДЕННЫЙ».

8 ОНИ НАЧИНАЛИ В «СМЕНЕ».
Константин ВОРОБЬЕВ. «ВЕРНОЕ СЕРДЦЕ».
Виктор АСТАФЬЕВ. «Я ЛЮБЛЮ ЕГО КНИГИ».

12 СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ.
Игорь МАСЛЕННИКОВ. «НЕ ПРОМАХНИСЬ, СТРЕЛОК!»

14 НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Станислав ШЕВЕРДИН. «ОПАСНОЕ ПРИСТРАСТИЕ».

16 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНИ».
Александр ГРЕКОВ. «ЛИЦА СТАРОГО ГОРОДА».

18 ПИСЬМО МОЛОДОГО РАБОЧЕГО.
«ИСПЫТАНИЕ ДЛЯ СОВЕСТИ?»
Борис КУТЫРЕВ. «ИСКАТЬ СОГЛАСИЕ В БРИГАДЕ».

20 Николай НЕПОМНЯЩИЙ. «ШАГИ ПО ПЕСКУ».

21 МОЛОДЕЖНАЯ МОДА.
Вероника КАМАЛЯН, искусствовед. «ПЛЮС ФАНТАЗИЯ».

22 Стихи Феликса ЧУЕВА.

23 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

24 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

26 КРУГЛЫЙ СТОЛ «СМЕНИ».
«УРОКИ ЗДОРОВЬЯ».

29 Повесть Льва ПРОЗОРОВСКОГО
«ОХОТНИКИ ЗА ПРОШЛЫМ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИ-
КИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБ-
ЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ,
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (замести-
тель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

Герой Советского Союза, маршал авиации,
председатель Центрального штаба Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи
по местам революционной, боевой и трудовой славы
Коммунистической партии и советского народа
Сергей РУДЕНКО
отвечает на вопросы журнала «Смена»

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

— Товарищ маршал, вы руководите штабом Всесоюзного похода, своего рода патристическим фронтом советской молодежи, который не имеет аналогов в мире ни по масштабам, ни по диапазону

рой уже началась. В ходе этой акции молодежь страны будет рапортовать о своих делах перед реликвиями ратной славы. Лучшие из лучших удостоятся чести сфотографироваться у развернутых бое-

извлечь немало прекрасных уроков мужества, самоотверженности, преданности долгу. Ну, и обращаясь к ветеранам, прибавлю: наш гражданский, наставнический, если хотите, отцовский долг — воспитывать

действия. И что удивительно, чем дальше отодвигает от нас время последние военные залпы, тем больше юношей и девушек встают в ряды патристического движения, тем содержательнее, разнообразнее его формы.

— А по-моему, это процесс закономерный. Больше половины советских людей, живущих сегодня, родилось после войны. Если первое послевоенное поколение еще ощущало ее материальные, психологические последствия, то есть воспитывалось под непосредственным влиянием войны, то для современных молодых людей, школьников война — уже далекая история. Они знают о ней в основном по учебникам, книгам, фильмам. Но интерес к героическому прошлому своего народа побуждает молодых людей искать более глубокие непосредственные связи с ним. Молодежь хочет знать, как все было, из первоисточников: от самих вершителей тех уже далеких событий. Участие во Всесоюзном походе помогает молодым людям в этом. Они видят возможность почерпнуть для себя необходимые знания, понять историческую связь нашего прошлого и настоящего, находят ответы на тысячи вопросов, связанных с такими понятиями, как долг, совесть, честь, товарищество.

Здесь проявляется и гражданская позиция молодых людей: они ищут активные формы сопричастности с героическим прошлым, способы выражения своей признательности павшим и живым. И находят их в практических делах, окружая ветеранов вниманием и заботой, увековечивая память героев, собирая по крупицам новые свидетельства их подвига.

Думаю, что большое значение в пропаганде похода, увеличении числа его участников будет иметь задуманная комсомолом Всесоюзная акция — «Равнение на знамена Победы!», подготовка к кото-

рых знамен. Право это можно заслужить самоотверженным трудом, отличной учебой, добрыми делами.

— Сергей Игнатьевич, как ни горько это признавать, но жизнь есть жизнь: тех, кто вынес на своих плечах самые тяжкие испытания, остается все меньше. А ведь именно они — живые вершители военного и трудового подвига, они были и остаются проводниками молодежи в нашу великую историю. Их судьбы — источник героизма, жизненной мудрости.

Вы работаете с этими людьми, знаете многих из них. Скажите откровенно, все ли ветераны осознают меру своей ответственности за воспитание молодежи, находят время общаться с ней, влияя на ее формирование?

— Прежде всего низкий поклон мой тем ветеранам войны и труда, которые щедро отдают свое время, энергию, знания, человеческий талант молодежи. Тем, кто пронес через годы память о нашем трудном, но прекрасном прошлом и передает эстафету памяти грядущим поколениям.

Многие ветераны продолжают трудиться, им порой физически трудно лишиться раз прийти в школу или на завод, чтобы поговорить с молодежью. Далее, среди ветеранов есть просто люди по характеру стеснительные. Знаю таких. Просят их пионеры что-нибудь рассказать о себе, о войне. А они в ответ: «Воевал, мол, как все». Вот и весь сказ. А у самого полна грудь боевых наград.

Тут я хочу заметить, что, конечно же, надо уметь разговаривать таких людей. Для этого следует запастись и терпением и вниманием. И тогда из самой, казалось бы, обычной человеческой жизни можно

молодежь. Никакая скромность не оправдывает бездействия.

— Товарищ маршал, мы говорим о людях, чья биография неразрывно связана с нашей историей, с военным и трудовым подвигом советского народа. Но ведь и ваша жизнь — своего рода поход через многие испытания, выпавшие на долю старших поколений. Расскажите, пожалуйста, о себе. Вы прошли войну от начала и до конца и потом, на командных постах, занимались укреплением обороноспособности нашей страны. Да и продолжаете этим заниматься.

— Что ж, считаю себя не вправе отказываться. Пожалуйста, жду вопросов.

— А если я попрошу вас проявить инициативу, Сергей Игнатьевич. У меня, конечно же, составлены свой, пусть условный, план нашей беседы и перечень вопросов. Но заданность иногда мешает. Словом, я предлагаю вам самому решить, с чего начать рассказ о себе.

— В таком случае я начал бы с воспитания самостоятельности. Устраивает?

— Конечно. Если свои концепции подкрепите личными воспоминаниями.

— Договорились. Начну с признания: военным быть не собирался до тех пор, пока не надел армейскую форму. Но по порядку. В 1910 году умер мой отец, семья осталась без всяких средств. Представьте, у матери нас трое, мне, старшему, семь лет, младшему брату четыре месяца. Трудно пришлось. Мать тянула поденщину, приработывала где могла, уходила с рассветом, приходила с темнотой, а все хозяйство и брат с сестрой в ее отсутствие — на мне.

Но в школу все-таки ходил, очень уж хотелось учиться. И занимался неплохо, считался первым учеником в классе. Правда, и первым сорванцом тоже. Был грех. Хотя, надо сказать, проказничали по-ребячьи, а не со зла.

Будущее мое было более или менее определено, на семейном совете решили, что пойду по отцовскому делу, в саложники.

1917 год — грянула революция. Миллионами человеческих жизней она распорядилась по-своему. И моей тоже. Помню, как громили полицейский участок, как воевали с барчуками и лавочниками. Революция закружила нас в водовороте новых дел и задач. Сейчас и вообразить себе трудно молодого человека в 17 лет на ответственной должности. А тогда это было в порядке вещей.

Кем только не довелось мне работать в ту пору: писарем в комитете бедноты, десятником геодезической группы, уполномоченным по подразверстке, а затем и продналогу, техническим секретарем волостного комитета партии, секретарем сельсовета. В общем, биография моя юношеская, как видите, довольно пестрая...

Очень мне хотелось поступить на физмат, нравились точные науки. Наконец в 1923 году поехал в Киев. Но оказалось, что к экзаменам опоздал. Пришел в обком комсомола: «Что делать, братва, посоветуйте». Думали вместе, гадали... И вдруг кто-то из обкомовцев спрашивает:

— А ты, Руденко, хочешь пользу революции принести?

— Конечно, хочу, — отвечаю, — какой разговор!

— Тогда иди, парень, в военное училище, сам знаешь, сколько еще кругом недобитой контры шевелится, и нашей и иноземной.

Так я и попал по своему выбору в военное летное

вспоминают войну. Вы были на самом острие этой величайшей и труднейшей из битв, ваши свидетельства особенно ценны. Поделитесь, пожалуйста, пережитым.

Итак, где вас застала Великая Отечественная?

— На Дальнем Востоке. Командовал 31-й смешанной авиадивизией. Из-за напряженной обстановки, нагнетаемой японскими милитаристами в приграничных районах, нам приходилось держать там значительные силы. Но уже 15 июня 1941 года я получил приказ срочно готовиться к перебазированию на западную границу, в Белоруссию. Мы так и не успели получить обещанную нам по плану перевооружения новую технику — пикирующие бомбардировщики Пе-2, скоростные истребители ЛаГГ-3 и ЯК-1. Пришлось готовиться к переброске имевшихся в дивизии самолеты, преимущественно старых типов. Забегая вперед, скажу, что наши летчики, проигрывая на них противнику в скорости, тем не менее дрались с величайшим мужеством. И даже порой ухитрялись обратить разницу в скорости в свою пользу, выигрывая бои за счет маневра.

В общем, война застала нашу дивизию, как говорится, на взлетных полосах.

— Вам предстояло встретиться в поединке с гитлеровскими асами, имевшими опыт воздушных сражений в небе Европы. Насколько подготовленными чувствовали себя к боевым действиям наши летчики?

— Прежде всего многие из них участвовали в боях с японскими пилотами. И показали при этом подлинное мастерство.

Если говорить конкретно о дивизии, то ее боевые

как драться приходилось много, особенно в первые месяцы войны, то и взрослела молодежь быстро. К тому же на войне возраст — понятие относительное. Девятнадцатилетние порой выходили из боя седыми; на счету иных летчиков, провоевавших считанные недели, было по нескольку личных побед. Люди, не умевшие завязать галстук, еще не пользовавшиеся бритвой, носили на груди боевые награды, а на лице — шрамы, полученные в поединках. Я, тридцатипятилетний комдив, считался в их среде чуть ли не стариком по жизненному опыту, но равным по пережитым военным испытаниям.

Расскажу о двух таких офицерах — Попове и Муравицком. Они были едва ли не самыми юными среди летчиков-истребителей. И мы, командиры, грешным делом, побаивались доверять им серьезные задания. Мальчишки! Помню, даже при перегоне самолетов на фронт я не разрешил Муравицкому лететь, уж очень смущала молодость пилота. И вот в первых же боях ежедневно «гремят» фамилии Муравицкого и Попова. За полтора месяца боев Попов 150 раз поднимался в небо, сбил лично и в составе группы 14 вражеских самолетов. Муравицкий совершил 105 вылетов, сбил 10 самолетов. Морозов, тоже молодой летчик, имел на своем счету 12 уничтоженных машин врага... Они первыми в дивизии были удостоены звания Героев Советского Союза. Вот тебе и мальчишки! Анализируя их победы, я приходил к выводу, что смелость, дерзание, хорошая техника пилотирования и огромное, неумное желание победить были для них главными. Молодость не рассуждала, а действовала, а мы это поощряли.

— Ну, а дальше, Сергей Игнатьевич. Как складывались ваши военные дороги?

— Как? Как и у всех, наверное. Сначала было

училище. Прошел медкомиссию, сдал экзамены и спустя две недели стал курсантом.

— Несколько неожиданный поворот. Согласитесь, в выборе вами жизненного пути значительную роль сыграл случай. Сдай вы экзамены на физмат, все обернулось бы в вашей судьбе иначе.

— Возможно. Не стал бы я летчиком, хотя сейчас просто не могу себе этого представить, стал бы, как вы говорите, ученым. Не в том дело. Главное — у меня была возможность самостоятельного выбора. А когда человек выбирает свою судьбу сам, он, как правило, не ошибается. И потом при всей кажущейся случайности мой выбор был предопределен самим временем: мы рвались к неизведанному, трудному. Отечественная авиация только начиналась как род войск, все было ново. Так кому же было братья за это новое, если не нам, комсомольцам!

Поэтому я и начал наш разговор с воспитания самостоятельности. Считаю, что молодого человека не к чему опекать, ограждать его от трудностей, решать за него, кем ему быть. Пусть с самых ранних лет узнает труд, поймет, почему фунт лиха, тогда выбор жизненного дела будет им осознан, он окажется нравственно готовым к преодолению преград. Нужно помогать молодым в выборе, но, повторяю, не навязывать готовые рецепты... Однако чувствую, что мы увлеклись, хотя тема воспитания подростков и заслуживает самого обстоятельного разговора. Надеюсь, что мысль моя ясна.

— Сергей Игнатьевич, мы встретились накануне одного из самых прекрасных и дорогих каждому советскому человеку праздников — Дня Победы. Так уж повелось, что в эти дни мы вспоминаем наших близких, павших на фронте, чествуем тех, кому мы обязаны Победой. Ну, а фронтовики

качества во многом предопределялись уже тогда сложившимися у нас прекрасными традициями. Первая из них — неустанная летная тренировка. Летали все — от комдива до недавнего выпускника училища. Летали много. Проигрывали в воздухе самые разные варианты боя, совершенствовали летную тактику, слетанность. В состав дивизии входил 29-й Краснознаменный истребительный полк, чья история берет начало в грозные годы гражданской войны с первого авиадивизиона истребителей. Боевое мастерство пионеров советской военной авиации передавалось вместе с традициями от одного поколения другому. И молодежь не отставала от ветеранов.

И, наконец, главное. Война — это не просто поединок людей и техники. Война — испытание духа народа, его стойкости, сплоченности. К такому испытанию мы, преодолевшие разруху, создавшие за кратчайший срок могучую индустрию, крепкую, боеспособную армию, были готовы.

Первые же схватки с фашистскими асами продемонстрировали превосходство советских летчиков именно в духовном противоборстве. Наши воздушные бои не уходили от боя, шли в нем до конца даже при самых критических ситуациях, при значительном численном преимуществе врага. Гитлеровцы же, едва создавалась угрожающая для них обстановка, тут же выходили из боя или не принимали его вовсе.

— Давайте вспомним их, ваших боевых товарищей, первых героев военного неба. Вспомним, как сражалась молодежь, комсомольцы. Ведь в вашей дивизии было и немало, как говорится, необстрелянных летчиков.

— Отлично сражалась. Отважно. Каждый вылет, каждый бой прибавляли молодым пилотам мастерства, а гибель товарищей — ненависти к врагу. А так

трудно. Остро переживал каждую потерю в дивизии, неудачи на фронтах. Как бы храбро ни дрались наши летчики, но мы отступали: не хватало самолетов. Доходило до того, что в полках оставалось всего по нескольку исправных машин. Бывало, локти хотелось кусать от собственного бессилия. Стоишь на НП и видишь, как идут над тобой «мессеры», а атаковать их, остановить нечем. Но никогда не падал духом. Понимал: наши неудачи временные. Верил — наступит перелом, погоним фашистов со своей земли.

Ну, что еще? Командовал дивизией, потом ВВС армии, вскоре был назначен заместителем командующего, а затем командующим ВВС Калининского фронта. Воевал, учился сам, учил других, под Сталинградом формировал 16-ю воздушную армию и стал ее командующим. Ищали новые, более эффективные методы применения авиации, ее взаимодействия с другими родами войск. Когда удавалось задуманное, был счастлив.

— Авиасоединения, которыми вы командовали, участвовали во всех решающих сражениях Великой Отечественной войны. Когда впервые обозначилось превосходство нашей авиации над авиацией противника?

— В какой-то мере еще в битве под Москвой, затем под Сталинградом, на втором этапе битвы, нам удалось завоевать господство в небе. Если в период обороны волжской твердыни фашисты имели численное превосходство в два раза, то в период контрнаступления у нас уже было больше машин, чем у врага. Неизмеримо вырос по сравнению с первым годом войны и уровень управления войсками.

Всего за период боев в районе Сталинграда наша авиация уничтожила 3567 самолетов противника, эту потерю врагу восполнить было практически невоз-

можно. Но решающий перелом в воздушной битве произошел позднее...

— На Курской дуге?

— Да. Тогда мы взяли инициативу полностью в свои руки. В оборонительный период Курской битвы врагу противостояли две наши воздушные армии, имевшие 2172 самолета против 2050 гитлеровских. Зато в контрнаступлении действовали уже пять наших воздушных армий, в составе которых сражалось более 5 тысяч самолетов. Противник мог нам противопоставить только 2200 машин. 16-я воздушная армия, которой я командовал, имела 1034 машины. Мы могли планировать и осуществлять крупные воздушные операции, сосредоточивать в нужный момент и на нужном направлении мощный авиационный кулак, имели возможность держать в резерве далеко от линии фронта целые авиаполки. Одну из успешных воздушных операций наша авиация провела еще в начале мая 1943 года: силами шести воздушных армий были нанесены удары по 17 вражеским аэродромам на фронте от Смоленска до Азовского моря. В результате за три дня с 6 по 8 мая наши летчики уничтожили около 500 гитлеровских самолетов на земле и в небе. Наши потери были вчетверо меньше.

К тому времени научились мы и умело дурачить противника. Оборудовали, например, 50 ложных аэродромов, установили на них добросовестно сделанные макеты самолетов. Два месяца гитлеровцы непрерывно их бомбили, не подозревая обмана.

Завоеванию господства в воздухе советское командование придавало очень большое значение. Помню, в течение первого дня боев на Курской дуге летчики 16-й армии сбили 106 фашистских самолетов, сожгли

несколько минут сбил четыре вражеские машины. Но и Николай был атакован. В кабину его машины попал снаряд; у Котлова перебило осколками ногу. Уже теряя сознание, летчик послал свой истребитель в лоб гитлеровской машине и сбил ее. Это был пятый уничтоженный им в одном бою самолет врага. Пятый! Вот как достигалось господство в воздухе! Котлов сумел выпрыгнуть с парашютом. Но его не успели доставить в медсанбат, летчик умер от потери крови.

Вспоминаю о павших товарищах и всегда думаю при этом, как много доброго они успели бы сделать... Как бы умело мы ни дрались с врагом, как бы ни был высок наш перевес над противником, мы теряли своих товарищей. И, окидывая мысленным взглядом путь от Сталинграда до Берлина, который прошла наша 16-я воздушная, я знаю, что мало найдется мест, где не хоронили бы своих бойцов. Что делать, война горька утратами. И чем больше этих утрат, тем памятнее должны быть уроки, преподанные войной.

— Вы встретили Победу в Берлине, Сергей Игнатьевич. Расскажите, как это было. Ведь такое, наверное, тоже забыть невозможно.

— Еще бы! Первое, что помню,— не покидавшее каждого из нас радостное, приподнятое настроение. Еще бои идут, еще снаряды рвутся вокруг, но все равно на душе светло: знаешь, что близко цель, к которой шел так долго и трудно. Вообще, надо сказать, когда наступил перелом в войне, все воспринималось иначе, даже временные неудачи, понимае?

Взять такой случай. В начале 1942 года разыскал меня в Москве, куда я был вызван Ставкой, Евгений Вучетич, попросил разрешения лепить мой бюст. А у

самые трудные и, наверное, дорогие для всех нас годы. И не только поэтому. Отличные были машины. О них, как о людях, хочется говорить,— верные наши товарищи. Сейчас уже нелегко разыскать те же Илы, ЯКи, ЛаГГ-3, Пе-2, Ту-2, СБ, они стали музейной редкостью. Дошло до того, что при подготовке авиационной выставки в Домодедове в честь 50-летия Великого Октября, нам пришлось просить ведущих авиаконструкторов страны воссоздать облик некоторых своих бывших творений, мы просто не могли их разыскать в тот момент. Не слишком-то мы заботились о сохранении старых машин. А жал! Пройдут годы, и я убежден, что детям, внукам захочется увидеть самолеты, на которых воевали летчики Великой Отечественной, потрогать их, сравнить с современными машинами, почувствовать, какой гигантский скачок сделала наша авиация. Поэтому я не устаю напоминать молодежи: «Берегите реликвии прошлого, это наша история, наша память, пережитые испытания, победы, горечь утрат. И уроки на будущее».

— Ровно год отделяет нас от 40-летия Победы. Достоинно отметить этот юбилей готовится вся наша страна, вся советская молодежь. Товарищ маршал, если вы не возражаете, давайте вернемся к делам сегодняшним и продолжим разговор о Всесоюзном походе. Центральный штаб которого вы возглавляете. Не могли бы вы охарактеризовать масштабы этого патриотического движения на нынешнем этапе.

— Во Всесоюзном походе сегодня принимают участие 60 миллионов юношей и девушек нашей страны. Формы участия молодежи самые разные, но цель этого массового патриотического движения од-

несколько десятков танков, уничтожили много другой военной техники. Это было не так уж плохо. Но враг продолжал поднимать в воздух все новые и новые авиасоединения.

Я находился у командующего фронтом К. К. Рокоссовского, когда ему позвонил И. В. Сталин. «Голос» у аппарата ВЧ был такой, что разговор слышали все присутствующие. Верховного Главнокомандующего интересовало, завоевано ли господство в воздухе? Рокоссовский докладывал, что бои в воздухе очень напряженные... Сталин перебил командующего фронтом: «Скажите мне точно, завоевали или нет? Да или нет?» Константин Константинович обещал Верховному решить эту задачу. «А Руденко справится?» — спросил Сталин. «Справится», — ответил Рокоссовский после небольшой паузы.

— Сражение на Курской дуге показало превосходство нашей стратегии и нашего оружия над гитлеровским. Но одного лишь превосходства в стратегии, наверное, для победы недостаточно...

— Безусловно. И здесь опять речь о моральной стойкости, о величии духа советского народа. Именно солдаты в каждом конкретном поединке решали исход сражения. То же было и в небе. Задача — подавить вражескую авиацию, преградить ей путь к нашим позициям, вытеснить врага из неба над линией фронта — была доведена до каждого воздушного бойца. И в решающие дни сражения мы стали свидетелями подлинно массового героизма летчиков, необыкновенного духовного подъема, охватившего тысячи людей. Примеров можно привести множество.

7 июля 1943 года гвардии старший лейтенант Николай Котлов вместе со своими товарищами врезался в строй гитлеровских самолетов и в течение

меня на душе кошки скребут: на фронте дела неважные, настроение, соответственно, тоже не ахти. В общем, отказался я позировать наотрез.

Через два с половиной года, когда до завершения операции «Багратион» оставались считанные дни, Евгений Викторович Вучетич вновь нашёл меня на фронте и победно заявил мне: теперь-то я ваш бюст сделаю, не отвертитесь, вот указание ГлавПУРа. Пришлось согласиться. Но тогда, в августе 1944-го, настроение было уже другое: мы били врага, били крепко.

В Берлине получил приказ организовать встречу самолетов с представителями командования союзников, прибывающими для подписания капитуляции фашистской Германии. Это была одна из последних боевых задач, которые я ставил авиачастям в Великой Отечественной войне. 8 мая 18 истребителей поднялись в воздух, подошли к аэродрому Стендаль и дали сигнал. Тотчас в небо поднялись машины союзников. Наши истребители, исполнявшие роль почетного эскорта, охраняли «дугласы» до самого захода на посадочную полосу аэродрома Темпельгоф.

После подписания безоговорочной капитуляции, уже под утро, на приеме в честь Победы, провозглашая тосты за рода войск, Георгий Константинович Жуков предложил первый — за авиацию. Маршал говорил о действиях летчиков, их огромном вкладе в Победу очень тепло.

— Сергей Игнатьевич, после войны вы командовали авиацией Белорусского военного округа, долгое время были начальником Главного штаба ВВС. Вплотную занимались развитием реактивной авиации. Ну а старые, испытанные боевые машины вспоминали?

— А как же! О каждой из них наши летчики могли бы сказать немало доброго. Ведь с ними связаны

на — приобщение нашей смены к героическим традициям советского народа.

Там, где эта работа ведется неформально, где во главе похода стоят подлинно энтузиасты, люди с горячим сердцем, идея прорастает множеством прекрасных дел, обретает общественно полезную конкретику. Поход становится настоящей школой патриотизма, гражданственности.

К сожалению, есть факты и обратного порядка. Для иных комитетов комсомола поход — громоздкое мероприятие, за проведение которого они несут определенную ответственность, и только. В отчетах у них и цифры соответствующие и дела вроде бы интересные. А присмотришься к работе поглубже — одна парадность и шумиха. А дела, полезного, каждодневного, нет. Вот и хочется напомнить комсомольским вожакам: поменьше шумихи, побольше практической работы. Поход — кровное дело комсомола, его гордость.

В своем докладе на июньском 1983 года Пленуме ЦК КПСС товарищ Константин Устинович Черненко отмечал: «В формировании политических, гражданских, нравственных качеств молодежи многое делает комсомол. Партия видит в нем верного помощника, по достоинству оценивает его заслуги. Однако не все комсомольские организации оказываются на высоте стоящих перед ними задач. Порой они остаются в стороне от насущных проблем. ... Мешают заорганизованность и парадная шумиха. Не хватает умения доводить дело до конца, работать с высокой самоотдачей не только в исключительных условиях, но и в обычной, будничной обстановке... Ответственная задача комсомола — помогать партии в дальнейшем улучшении военно-патриотического воспитания молодежи. У нас есть замечательные традиции такой работы. Их надо бережно хранить и приумножать с учетом тех реальностей, которые рождает нынешнее

опасное развитие международной обстановки. Неоценимую роль в этом деле всегда играли ветераны революции, войн и труда».

Чтобы выполнять эту долговременную задачу, комитеты комсомола и штабы похода должны шире привлекать к работе ветеранов и организации учредителей похода. В Законе о трудовых коллективах также большое внимание уделяется воспитанию молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях нашего народа.

— Скажите, Сергей Игнатьевич, обогащаются ли со временем формы Всесоюзного похода?

— Бесспорно. Если раньше в походе участвовали в основном инициативные группы, разыскивающие неизвестных героев войны и тех, кто пропал без вести, то сейчас сложилась цельная система, направляющая это движение. Центральный штаб Всесоюзного похода координирует деятельность областных штабов, те, в свою очередь, — районных и так далее. Есть соответствующие рекомендации, которые помогают налаживать эту работу.

И сейчас поиск остается одной из основных форм участия в походе. Но не менее важным стало шефство молодежи над ветеранами войны и труда, создание музеев, летописей славы, участие в соревновании за право быть награжденными памятными боевыми реликвиями, увековечение подвига советских солдат, партизан, тружеников тыла. Здесь есть о чем рассказать.

За последние годы сооружено около 75 тысяч памятников, обелисков и мемориальных знаков. Причем, как правило, средства на это заработаны молодежью на субботниках. Но это не все. Руками,

когда в него выстрелили и тяжело ранили. Но, даже обливаясь кровью, теряя сознание, он оставался на посту, пока его не сменили. Мужество этого юноши тогда буквально потрясло миллионы людей. Маршук теперь врач одной из новосибирских клиник, специалист, занятой человек, но до сих пор он участвует в следопытском движении, близок к ребятам, которые сегодня несут почетную вахту у Вечного огня.

Хочется сказать и об одном из московских следопытских отрядов. Название он носит «Память Метростроя», потому что первоначальной его целью был поиск неизвестных солдат, воевавших в ополченческой дивизии, которая формировалась из рабочих Метростроя. Но вскоре отряд значительно расширил диапазон поиска, в сферу его действия вошли районы соседних областей. Несколько полевых сезонов, которые провели в счет своих отпусков члены отряда, дали значительные результаты. Комсомольцы Метростроя обнаружили в труднодоступных местах братские захоронения, разыскали сотни имен павших воинов, установили постоянную связь с родственниками многих из них.

Возглавляет отряд замечательный парень, инструктор комитета ВЛКСМ Метростроя Владимир Кириянов. Это подлинный вожак, человек отзывчивого сердца, осознающий непреходящую важность своей работы.

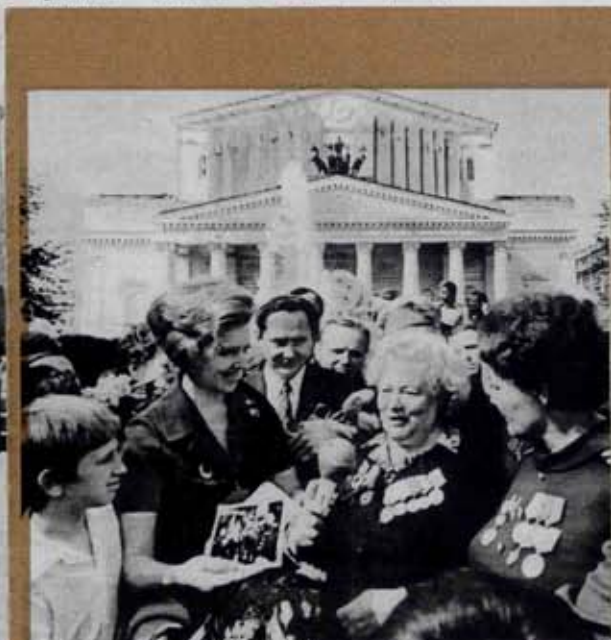
Хорошо знаю дела отряда, многие годы сотрудничавшего с советом ветеранов 16-й воздушной армии. Это отряд гомельского профессионально-технического училища № 56. У его бойцов отлично отработана организация поисковой работы, методика самого поиска. Экспедиции проводятся в летние каникулы

летнюю Победу над фашизмом, работа этих людей, их опыт особенно значимы в деле воспитания молодежи.

Долг наш человеческий, гражданский требует, чтобы не был забыт ни один из павших героев, не был обойден вниманием ни один из ветеранов.

— Сергей Игнатьевич, «Смена» неоднократно обращалась к теме памяти. Не так давно мы рассказывали на страницах журнала о судьбе выпускников одной из московских школ 1941 года. Эта публикация вызвала широкий читательский резонанс. «Смена» опубликовала очерк о необычном музее в Курске, создатели которого проследили судьбы тысяч мальчишек, которых в войну называли — сын полка, сохранили для потомков бесценные свидетельства их подвигов. Сразу после выхода журнального номера с этим материалом в редакцию начали приходить письма от самых разных людей, которых искренне взволновала история создания музея, солдатские судьбы, воскрешенные в его экспозициях. Школьники, рабочая молодежь, ветераны предлагали свою помощь в продолжающихся поисках юных героев, делились своими воспоминаниями. Словом, мы еще раз убедились, что тема памяти поистине неиссякаема, что она нравственно созвучна исканиям молодежи.

— Иначе и быть не может. Человеческий интерес к публикациям такого рода объясним живущими в каждом из советских людей чувствами духовного родства с нашей историей, с павшими и живыми героями, благородного поклонения их памяти. Жаль только, что мало мы еще говорим о самих хранителях этой памяти, мало рассказываем об их работе, поис-

сердцами юных патриотов созданы десятки тысяч коммат и уголков славы, музеев. И, наконец, именами сотен тысяч прежде неизвестных героев пополнилась Летопись всенародного подвига. А ведь каждый поиск, увенчавшийся удачей, возвращает детям память о героически павших отцах, женам — о мужьях, сестрам — о братьях. Но даже если имени героя установить не представляется возможным, сам поиск облагораживает молодые сердца, их помыслы.

— Вам как руководителю похода должны быть известны наиболее яркие, интересные его страницы, люди, которые горячо болеют за эту работу, преданы ей...

— Вот некоторые конкретные факты, назовем их сводкой нашего штаба. В Карелии, в Сегежском районе, молодежь проводит нечто вроде непрерывно действующей операции под названием «Ветеран». Взят на учет каждый бывший воин, труженик тыла. Специальные дежурные группы организуют доставку ветеранам района продуктов, медикаментов и прочего. Очень нужное дело, несмотря на его прозаичность.

Эффективно действует Псковский областной штаб Всесоюзного похода. Молодежь собрала сведения о 35 тысячах ветеранов, шефствует над всеми братскими могилами в области. Уже 16 лет псковитяне организуют так называемые «снежные десанты» — походы по местам боевых действий воинских соединений и партизанских бригад. И каждый поход — новая пища для размышлений, новые открытия. А вы помните такого Михаила Маршукова?

— Да. Имя этого комсомольца занесено в Книгу почета ЦК ВЛКСМ. Это было около десяти лет назад...

— Вот, вот. Тогда он, подросток, школьник, совершил подвиг. Михаил стоял на карауле у Вечного огня,

учащихся. За последние годы следопыты отряда обследовали места гибели 432 экипажей самолетов, установили судьбы 63 ранее неизвестных воинов, произвели раскопки на местах падения 17 самолетов. Перенесены из окопных могил в братские останки многих воинов. При захоронении участвовали тысячи жителей городов и районов, молодежь установлено 17 мемориальных знаков и два памятника. Отряд с помощью местных жителей вел поисковую работу в Гомельской, Могилевской, Киевской и Донецкой областях. В ходе ее школу гражданского, нравственного, политического воспитания прошли более 350 будущих строителей, десятки из них потом стали курсантами военных училищ. Направляют поисковую работу партийная и комсомольская организации ГПТУ, а руководит отрядом энтузиаст, инициативный и трудолюбивый преподаватель истории в училище Марат Григорьевич Горевый.

Не могу не вспомнить здесь и о Владимире Денисовиче Драгунове, который руководит Черниговским областным штабом «Поиска». Он уже немолод, никак за плечами война. Но с каким высоким гражданским подъемом он ведет дело, с какой ответственностью! Владимир Денисович создал картотеку, в которой хранятся основные данные о 18 тысячах солдат и офицеров, павших во время войны на Черниговщине. Своими руками Драгунов сделал огромную карту области, на которой обозначены места захоронения, памятники, обелиски и названия организаций, номера школ, шефствующих над ними. Поверьте, начальник штаба «Поиск» умеет спросить за проделанную работу с шефов по самому строгому счету.

Вот о ком надо писать — о Драгунове, Горевом, Кириянове, им подобных. Ведь они — истинные хранители народной памяти. А сейчас, когда мы идем к дорогой для каждого советского человека дате — 40-

каж, трудностях. А ведь они, если вдуматься, сохраняют для потомков не просто реликвии, они возвышают само понятие подвига, сущность его, столь многогранно проявившуюся в тяжелейшие моменты нашей истории.

И еще одно важное обстоятельство. Я военный человек и мыслю реальными категориями. Несмотря на все усилия нашей партии и правительства, действующих в интересах разрядки, военное противостояние в мире остается фактом. Всякое может случиться... И мы должны быть готовыми как следует, крепко ответить на удар. Вот потому-то память о пережитом, боевые традиции наши, героическое наследие, завещанное предыдущими поколениями, должны органично входить в процесс воспитания современной молодежи в каждой школе, в каждом трудовом коллективе. С этих позиций работа людей, посвятивших свою жизнь восстановлению фактов нашей истории, чрезвычайно важна.

Почему бы «Смене» не обратиться к читателям с просьбой подсказать редакции имена и адреса людей, которые олицетворяют собой вот такую живую память. Которые по строке, по страничке воссоздают Летопись всенародного подвига. Ведь на местах-то лучше знают о них.

— Спасибо за совет, Сергей Игнатьевич. Будем считать, что решение об открытии соответствующей рубрики, назовем ее «Живая память», принято. А начало ей положено нашей беседой.

— Действуйте. Желаю всяческой удачи! Итак, поход продолжается. Ждем ваших писем, уважаемые друзья.

Беседу вел
Владислав ЯНЕЛИС.

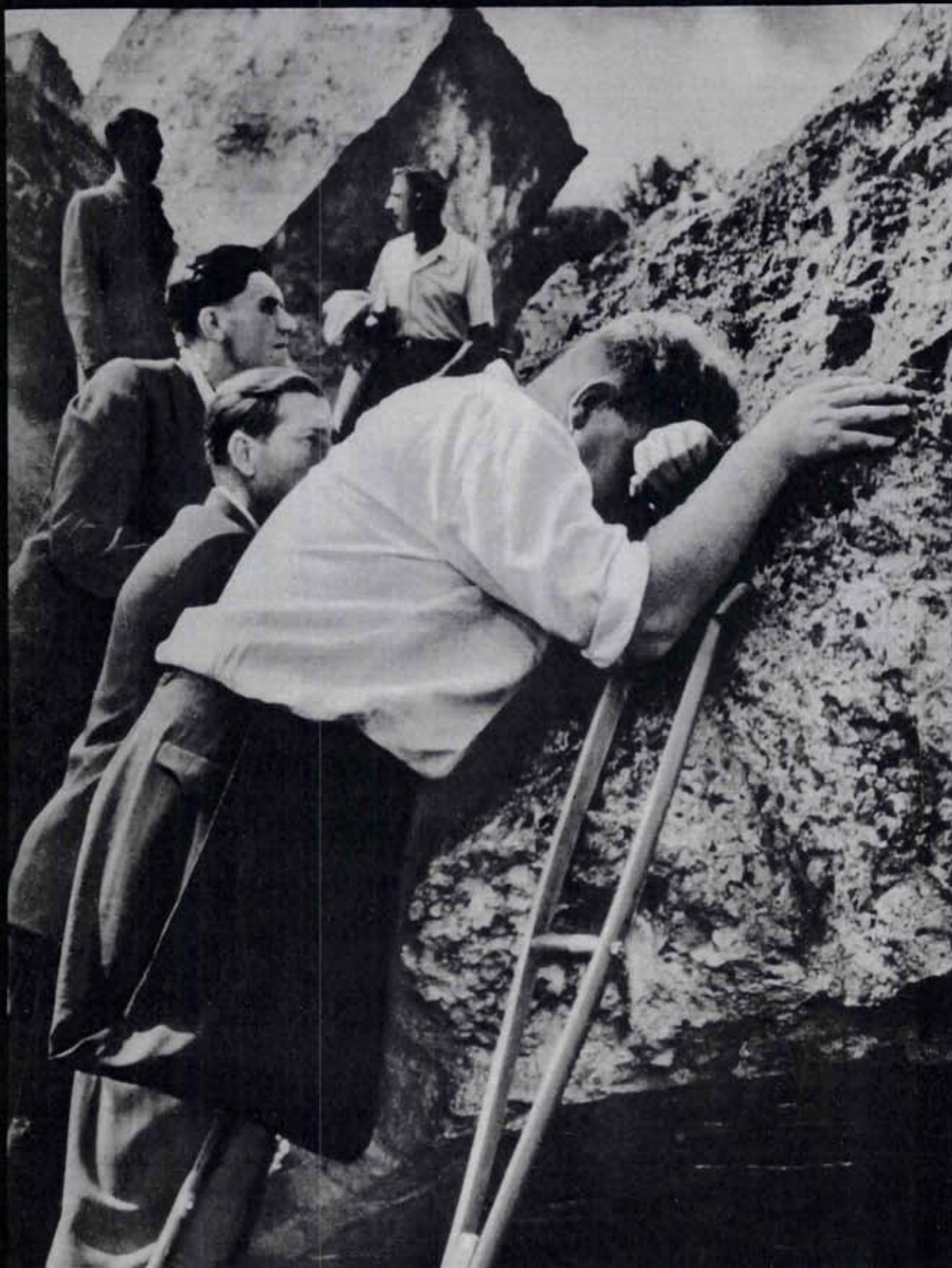
В доме на зеленой алма-тинской улице пьют вечером чай по-казахски — крепкая заварка с молоком — два поседевших друга. Этим русским солдатам выпало 43 года назад первыми встретить фашистского врага. Сейчас оба научные работники.. Но вечным напоминанием об огненных днях

НЕ ЗАЖИВАЮТ ОЖОГИ СОЛДАТСКОГО СЕРДЦА И БРЕСТСКОЙ ЗЕМЛИ.

поскрипывает у каждого протез. Хозяин спрашивает: — Сколько же у тебя вышло фронтовой службы, Саша? — Ровно один месяц, — говорит товарищ, — не считая суток, что в том леске у Волховстроя на ничейной с раной пролежал... Хозяин смотрит в окно на почерневшие горы: — А я воевал всего один день... Да, на боевом счету кавалера ордена Отечественной войны

Владимира Ивановича Фурсова — один неполный летний день войны. Это было 22 июня 1941 года. В Брестской крепости. После ухода друга профессор, доктор биологических наук кавалер ордена Ленина В. И. Фурсов в заснувшей квартире займется лекциями на завтра. Он заведует кафедрой охраны окружающей среды Казахского государственного университета.

Посидит-посидит, отложит бумаги. Глянет в сторону ночных хребтов. Все говорит о том, что утром будет хорошая погода... Таким же лучезарным, напоенным запахом листвы должен, мог быть и тот брестский рассвет. А день померк. И сержант-минометчик срочной службы Фурсов, мечтавший изучать жизнь птиц, окажется в рукопашной один на один против рослого немецкого офицера. И собьет его, вооруженного автоматом и кинжалом, на землю, сжав мертвой хваткой горло. Чтобы дети и женщины смогли спастись, сержант зашагает в атаку к вокзалу под командой иссиня-бледного капитана со срезанной начисто осколком снаряда рукой. По пшеничному полю брестцы пойдут дальше в бессмертие, чтобы перекрыть шоссе на столицу. Команду примет полковник в новенькой форме, надетой по случаю воскресенья, а оказалось — в свой смертный час. Они будут бить, экономя патроны, по педантично атакующим солдатам из дивизии «Мертвая голова». А когда немецкая пушка развернется и начнет уничтожать толпы беженцев у дороги, сержант подберется с товарищами к орудию и заколет штыком в грудь наводчика... Танковый выстрел собьет сержанта в хлебные колосья, происхождению которых он посвятит свою докторскую диссертацию.

Владимир ЧЕРКАСОВ

НЕП

ЗАЩИТА ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ—
ДЕЛО ЖИЗНИ ДОКТОРА БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
БЫВШЕГО ПОГРАНИЧНИКА ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА
ФУРСОВА.

Но до нее
будут еще трудные
и горькие
долгие годы.
Годы за немецкой
колючей проволокой.
В лагере Белая Подляска,
где ему отнимут
раненую ногу.
В лагере Заместье,
где врач-эсэсовец,
экспериментируя,
смертоносно вводил
воздух шприцем
в вены заключенным.
В Сувалках,
где после расправы
над двумя предателями
Фурсов стоял,
слушая, как падают
на горячий плац
из подлирающей его
шеренги товарищи.
В Торно,
когда пытался
совершить побег.
...Не раз Владимир Иванович
уже после войны
приезжал в свою крепость.
Вытирал слезы у ивы,
заслонившей его
от одного из многих
когда-то предназначенных ему
снарядов.
Шел, обливаясь потом,
на костылях
в долгом шествии ветеранов
по цитадели.

И на сочувствие
писателя С. С. Смирнова:
«Не устал?»—сказал:
«Если нужно, я бы трижды
прошел
снова этот путь».
Приникшим к брестским руинам
его запечатлят
на широко известной теперь
фотографии «Проклятье войне»,
которую
на Всемирном конгрессе
за всеобщее разоружение и мир
вручат Рокуэллу Кенту.
Мужественный художник
тут же,
в Кремлевском Дворце съездов,
взволнованно напишет
благодарные слова солдату.
И Фурсову важно будет получить
пламенное письмо американца.
Не случайно дрогнет сердце.
Вспомнит,
как на прорыве к освободителям
с красными звездами
вынес его
из-под пуль охранников
английский офицер
из соседнего барака.
Мучает ли
англичанина-фронтовика,
соотечественника
оккупантов Фолклендов,
как и Фурсова, памятливая
душевная боль на рассвете,
коли тот жив?..
Скоро тихое утро
над Алма-Атой.
Не удалось
Владимиру Ивановичу
после разговора с другом уснуть.
Перед началом нового дня
дорого ощутить:
они каждым днем,
всей жизнью утвердили
всемогущество
Отечества.
Не так давно В. И. Фурсов
получил
письмо из Винницы
от другого солдата
Бреста—
В. Д. Базилевича.
Выяснилось, что, захваченные
в плен ранеными,
они рядом были в бреду
в лагерьном лазарете.
Адресат вложил в конверт
свои самодельные стихи,
посвященные
тому, военному, рассвету:

...Поддай мне руку,
раненый товарищ,
К винтовкам нашим
вместе доползем...

Фото Михаила АНАНИНА
и Сергея ПЕТРУХИНА

ОБЕЖЖДЕННЫИ

**Константин
ВОРОБЬЕВ**
БЫЛЬ

**РЕКОМЕНДУЕМ
МОЛОДОМУ ЧИТАТЕЛЮ**

**книги
Константина
Воробьева**

«Гуси-лебеди». Рассказы. Современник. 1960.
«Одним дыханием». Повесть. Советская Россия. 1961.
«Не уходи совсем». Вильнюс. Гослитиздат. 1963.
«Седой тополь». Рассказы. Советская Россия. 1965.
«Дорога в отчий дом». Рассказы. Московский рабочий. 1966.
«Тетка Егориха». Повесть и рассказы. Вильнюс. Vaga. 1967.
«Сказание о моем ровеснике». Повести и рассказы. Советская Россия. 1973.
«Вот пришел великан». Повести. Современник. 1976.
«Повести и рассказы». Избранное. Советская Россия. 1980.

Январь 1944 года в Литве был стильным и выюжным. С полей ветер сдувал снег в леса и балки, а обнаженные равнины сковывала изжелта-синяя ледяная корка. По дорогам на запад уныло двигались партии заключенных и военнопленных, густо окруженные автоматчиками. Над Каунасом по ночам высевались чистые росинки звезд, и в городе накрепко затихала подневольная жизнь; единственным звуком в улицах были тяжкие шаги жандармов: крах, крах, крах...

В одну из таких ночей Каунасский подпольный комитет комсомола получил задание Литовского южного обкома партии взорвать вражеский поезд с боеприпасами на пути Каунас—Ионава.

...В ночной студеной мгле снег всегда кажется фиолетовым. Он сухо хрустит под ногами путников, вызывая в памяти живые картинки детских зимних забав... Может, оттого комсомольцы Повилас Штарас, Альфонсас Чепонис, Владас Петраускас и Юлюс Корбутас прошли окраинными улицами города согласной и немного грустной группкой.

За городом, в стороне от дороги, в чутком молчании притаился лес. Низко над ним висел тусклый месяц посредине огромного радужного кольца.

— Холод будет,—сказал Штарас, шедший все время впереди.
Его коротковатый потертый пиджак толпылся в сторону: из-под полы выпирал автомат, отчего командир группы казался кривобоком.

Голос Штараса прозвучал отрывисто и четко, но ему никто не ответил: каждый был занят своими думами. Все-таки это было удивительно: всякий раз, когда комсомольцы покидали город, из сердца каждого исчезала гнетущая тяжесть сознания неволи. Нет, в поле, да еще на виду леса, мир казался иным, чем в тесных улицах города. За Каунасом было необъятное небо и даль, заполненная упрямой неугасающей жизнью. Вот и теперь где-то в хуторке призывно и тонко лаял озябший щенок, заливаясь пел петух...

Следом за Штарасом шел Альфонсас Чепонис. Ему было неуютно в кожаном пальто и полуботинках; куски тола, похожего на банное мыло, оттягивали карманы, а висевший на груди автомат источал на холоде горьковато-острый неприятный запах.

— Черт бы побрал эту тыловую войну!—не выдержал Чепонис.

— Ты что?—обернулся Штарас.

— Замерзаю,—отозвался Альфонсас и, разбежавшись, с ходу налетел на Штараса, пнул его между лопаток набрякшим кулаком. Штарас упал в снег, пружинисто поднялся на ноги и ловко зажал под мышкой голову Альфонсаса. На них навалились Петраускас и Корбутас, и началась согревающая тело борьба. Обычно так делают зимой солдаты между учебными занятиями на плацу.

— У тебя же взрывчатка в карманах!—крикнул Штарас.

Ступая на носки и раскинув руки, словно балерина, Чепонис отскочил к краю дороги и скатился в кювет.

— А разве она сама по себе... тоже может?—шепотом спросил он оттуда.—Взрыватели же у меня лежат отдельно...

— Я пошутил,—сказал Штарас. Он верно разгадал маневр Чепониса: в случае взрыва тола избавить друзей от опасности.—Я пошутил,—виновато повторил Штарас и вдруг построжел в голосе.—Ну вот что, товарищи. Пошли! Сейчас без трех минут пять, а поезд должен пройти в полседьмого.

— А может, покурим?—предложил Корбутас.—У меня пачка «Регаты» есть.

Курили, присев на корточки и запрятав папиросы в рукава. Чепонис невесело, с длинными паузами проговорил:

— Ненавижу страх... У трусливого человека душа похожа на крысу—злая и гадкая!

Он поднялся с корточек и, подставив лицо ветру, открыто и глубоко затянулся папиросой. Штарас рывком выхватил папиросу изо рта друга.

— Пацан! Забыл, где ты и против кого воюешь?

— Извини, Повилас. Но если бы ты знал, как мне хочется встретиться с ним в открытую... Чтб один на один! Нос к носу! Понимаешь? Надоело прятаться и бить их исподтишка...

— На фронте, конечно, лучше,—мечтательно согласился Петраускас.

— Пошли!—сердито скомандовал Штарас.

Сосновый бор встретил подпольщиков угрюмой тишиной. В нем временами раздавались какие-то шорохи, рождая радостную веру в большую, добрую и нужную жизни лесную тайну. Но

Виктор АСТАФЬЕВ

Конечно же, судьбы человеческие—они каждая сама по себе, хотя живем мы вроде бы сообща, и все у нас должно быть общим. Судьбы писательские и вовсе прихотливы. На моем веку произошло немало блистательных, шумных восхождений на вершины, где уж одно только сияние, благоухание, восхищение, поклонение.

Однако есть писатели, напоминающие мне старательного и умного пахаря, что встает до зари и без шума, гама, показательной активности, молодецкой стати делает свою трудную работу.

Но случилось и, как ни горько это признавать, поныне еще случается, что судьба такого вот скромного труженика не только в повседневной, сложной жизни, но и в литературе проходит незамеченной, даже после смерти втуне остается выдающееся дарование—это вроде бы при всеобщем-то заинтересованном внимании к современному нашим творцам?!

Такой вот укорный пример—судьба писателя Константина Воробьева, ко-

торого граждане наши, даже много и внимательно читающие современную литературу, по сию пору путают со всеми Воробьевыми, кои были и есть в литературе, но чаще всего и совсем не знают. Упомянешь его на встрече, назовешь в числе выдающихся русских советских писателей—недоумевают читатели, пожимают плечами или изумленно спрасят: «Да уж не тот ли это

чая, чтоб, отрекомендовав кому-то книгу моего ныне уже покойного товарища и собрата по войне и работе, я услышал бы: «не понравилось», «не показалось». Наоборот, всегда письменно или устно благодарили меня читатели за то, что «открыл замечательного художника, к стыду моему, как-то пропущенного...».

и, в конце концов убедился, что это в большинстве своем несостоявшиеся писатели-теоретики, все и вся знающие про литературу, но не имеющие писательского дара.

После того, как один такой критик навалился на Константина Воробьева и начал прорабатывать при появлении любого его рассказа, любой пове-

Я ЛЮБЛЮ ЕГО

Воробьев, что написал «Убиты под Москвой», «Крик» и еще что-то?» «Тот-тот!»—скажешь, и непременно последует: «Это ж замечательные вещи!»

Вот так: знают книги, знают повести, но не знают автора!

Тоже феномен читательский, тоже загадка, и загадка тем удивительней, что не только читатели, но и многие, так сказать, «собратья по перу», «работники одного цеха» мало или совсем не знают творчества Константина Воробьева. Однако не было еще слу-

Печататься Константин Воробьев начал в середине пятидесятых годов, сперва в провинции, затем в Москве, и не где-нибудь, а в «Новом мире», где появиться в ту пору мог писатель не просто сложившийся, но и владеющий «крепким пером».

Он долго и трудно шел в литературу, его рукописи громили московские рецензенты в журналах и издательствах, громили беспощадно, изничтожающе—я потом узнал их, этих «закрытых» рецензентов,—громили они и ме-

сти—будто на посту стоял и караулил!—за те самые грехи, что я перечислил выше, мне пришлось вступить с фронтвика-писателя, и я чуть ли не впервые попробовал себя в критике, написал статью в газету «Литература и жизнь» под названием «Яростно и ярко».

Статья заканчивалась словами: «Константин Воробьев силен там, где он пишет, точнее, живописует свободно, давая себе и своему воображению полный простор, а языку, кстати гово-

Рисунок
Виталия
ФЕДОРОВА

партизан здесь не было; это знали все, и Штарас шепотом приказал рассредоточиться и поставить автоматы на «огонь».

Шли развернутой цепочкой, как в бою. Вскоре лес расступился, образовав неширокую полянку. В центре ее стояла огромная ель. Наливаясь предутренней силой, ветер сухо шелестел в ее опущенных снегом лапах. Проходя мимо ели, Корбутас протянул руку — хотел, видно, тронуть ветку, — и тогда над его головой взметнулось что-то шумное и темное, а над лесом пронесся резкий, хриплый крик. Никто из друзей не запомнил, как они оказались в плотном полукруге, обратив автоматы к дереву, но все четверо сразу поняли: это ворона.

После томительной минуты молчания Чепонис сказал:

— Все нормально... Это мы от внезапности. Ведь она сначала крикнула, как простуженный фашист: «Хгальт!»

— Хорошо, что никто не выстрелил, — облегченно сказал Штарас. — Могли бы сорвать задание.

— Сволочь! — с обидой выругался Корбутас. — Нашла место для ночевки...

Луна давно закатилась, гасли звезды, начиналась метель.

К железнодорожному полотну подошли тихо, гуськом. Передний — Штарас — то и дело останавливался и поднимал над головой автомат. И тогда задние замирали в том положении, как их заставлял этот сигнал. Но на путях было спокойно.

...Если ты хорошо умеешь делать то, что тебе положено, сердце не остается безучастным к жизни, в нем поселяется тогда радость. И можно долго-долго прожить наедине с этим счастьем, если ты влюблен в свой большой или малый труд.

Так было и с Чепонисом. Он умел хорошо и быстро укладывать толовые шашки под рельсы, и, хотя его работа была связана с разрушением, он все-таки радовался: то, что он делал, шло на пользу Родине.

Уже после того, как все было готово на линии и в лесу выбрано место для укрытия, Чепонис попросил Штараса:

— Разрешите мне сходить на дорогу.

— Забыл что-нибудь?

— Да нет... Проверю еще разок.

Рядом с тем местом, где безобидные на вид кусочки тола затаили страшную силу огня и разрушения, Чепонис присел на колени, потом принял ухом к жучке холодному рельсу. «Гудят, гады!», — подумал он и тут же впервые за время войны с удивлением понял, что все существующее в мире — и живое и мертвое — разделено теперь на две категории: свое и вражеское, а значит, хорошее и плохое. Собственно, в родной стране все числилось своим, но то, что было захвачено врагом и служило ему, вызывало в Чепонисе вражду и ненависть. Например, эти рельсы. Они «работали» на врага, и он ненавидел их за это и хотел, чтобы их не существовало вовсе. А вот лес совсем другое. Лес оставался родным и любимым, потому что продолжал быть верным другом тем, кто боролся против фашистов, и одним своим видом нагонял на врагов страх. Недаром гитлеровцы остервенело вырубали его по краям дорог, да только ни черта у них не получится!

Подойдя к товарищам, Чепонис сообщил:

— Гудят, гады!

— Кто? — не поняли его.

— Рельсы. Состав движется. Осталось, может, километров пять...

— В укрытие! — приказал Штарас.

Но ждать пришлось долго. Вокруг по-прежнему было тихо, мглисто и немного тревожно. Оттого, что сидели без движения, кончели руки и ноги.

— Наверно... не пойдет нынче... сволочь! — невнятно, еле двигая застывшими губами проговорил Корбутас.

— Пойдет! — прошептал Чепонис. — Обязательно пойдет.

А состав был уже близко. Он был слеп, велик и двигался замедленно, крадучись, как вор на чужом дворе.

И вот в лес ворвался грохот обвала. Озаренные ядовито-зеленым светом кроны сосен пугливо отряхнули снег; в воздухе что-то заскрежетало, заухало, засвистело, и, прижавшись к желанной в таких случаях земле, четверо комсомольцев изо всех сил закричали что-то смелое, радостное, призывное...

Большая удача после огромного, опасного труда всегда сообщает людям какую-то душевную доброту и бесценность. Так уж, видно, заведено на свете, а в войну это неминуемо приводит к беде.

Под светлеющим небом друзья возвращались в город. У Корбутаса — он был хозяйственный мальчик — оказался большой ломоть хлеба. Мякиш его замерз, и разрезать хлеб было трудно.

— Дай я. У меня острая финка, — сказал Чепонис. Он закинул за спину автомат, снял рукавицы, и в это время откуда-то сбоку, от железнодорожной насыпи, раздалась трель автоматов, и трассирующие пули с посвистом протянули мимо комсомольцев красные нити. Штарас командовал: «Ложись!» — и, припадая в снег, заметил, как неловко, будто подкошенный, упал навзничь Чепонис.

— Альфонсас убит! — скорее себе, чем товарищам, крикнул Штарас, но Корбутас и Петраускас не слышали. Вжавшись в снег, они с яростью стреляли длинными очередями в сторону насыпи. У них были тяжеловатые автоматы с круглыми деревянными прикладами. Били автоматы плотной строчкой и каким-то устоявшимся басом, авелявшим в душу веру в то, что с ними не пропадешь.

ря, отличному, богатейшему оттенкам и красками русскому языку — полное дыхание, как на ветру, напоенном запахами родной ему курской земли, русских полей и садов.

И тогда огонь, зажженный им, горит во всю мочь, яростно и ярко».

Статья написана и напечатана в 1965 году. Петушиность той статьи мне как-то все еще по нраву, ныне бы я так

дежь «солидно», не «отставать от тенденции».

У меня хранится книга повестей и рассказов Константина Воробьева с его дарственной надписью, изданная в 1964 году «Советской Россией», и в книге этой оказалась вырезанная мною из журнала «Смена» редакционная заметка с портретом молодого, не просто красивого, а какого-то яркого

ное сердце». Редакция получила на него много откликов. Читатели просят познакомить их с Константином Воробьевым, с его новыми произведениями.

Константин Дмитриевич Воробьев родился в 1919 году в Курской области. Юношей приехал в Москву, работал уборщиком в магазине, был шофером, а вечерами учился. Затем стал профессиональным журналистом. В 1956 году в Вильнюсском книжном издательстве вышел первый сборник рассказов К. Воробьева — «Подснежник».

Войну К. Воробьев начал рядовым, необстрелянным кремлевским курсантом, каких он описал в повести «Убиты под Москвой». Закончил командиром отдельной партизанской группы в Литве, изведав унижение и боль окруженца, отчаяние пленного и мужество побега, так что весь «натурализм войны», так угнетающий глаз и ухо иным критикам, он до дна изведал на себе и хорошо понял, что ничего на свете нет страшнее, чем война. Он и писал, страдая, а не любуясь войной, страдая за людей, без расчета кому-то угодить и понравиться. В этом его сила. В этом его правда, жестокая, горькая правда, предостерегающая человечество от самоистребления и унижения насилия.

Людам свойственно забывать и не понимать все ужасы и последствия войны — недавно я прочитал заметку о том, как один американский инженер кустарным способом, у себя в мастерской, изготовил атомную бомбу, и сообщение об этом напечатано было в тех же номерах газет, что и жеребьевка встреч по футболу на чемпионате мира в Испании. Так вот: жеребьевка вызвала самые оживленные мнения, прения и толки, а сообщение об атомной бомбе дорогие читатели и не заметили даже, в чем я мог потом убедиться!

И писатели, подобные Константину Воробьеву, являются затем, чтобы пробуждать совесть, тревожить сознание людей, напоминая им о том, что было и чего быть не должно, ведь только одно изобретение пороха или появление пистолета увеличило поток крови и смертей на земле до астрономических размеров, нанесло колоссальный урон земле, животным, всему живому на свете. А тут атомная бомба! Боевая ракета в руках человека, никем и ничем не контролируемая.

Время летит стремительно, и стремительно развиваются события на земле: в октябре 1982 года в газетах появилось сообщение о том, что в штате Техас американцы запустили «частную ракету»...

О КНИЖИ

не сумел написать, призвал бы себя к сдержанности и теоретизировать бы взялся. Кроме того, в той статье изложено было содержание одной из лучших повестей о войне, и не только у Константина Воробьева, но и во всей нашей литературе, что теперь общепризнано, и тогдашние слова мои: «Это не самая лучшая повесть К. Воробьева», — я после нынешнего прочтения повести беру назад, и, надеюсь, читатели простят мне этот грех и некоторую менторскую назидательность в конце статьи: это мне хотелось выгля-

юноши с темной прической (она окажется рыжеватой), тоненького, изящного, даже в чем-то интеллигентного (он, кстати, окажется высоким, статным, резким в словах и жестах, но в чем-то и вправду неудовимо интеллигентным), и я, глядя на этот журнальный снимок, всегда с грустью вспоминаю грустную же русскую поговорку: «Красивыми, быть может, не были, а молодыми были».

В заметке написано вот что:

В журнале «Смена» был опубликован рассказ-быль К. Воробьева «Вер-

Фашистские патрули — обходчики железнодорожных путей — не отличались упорством и смелостью в стычках. Пять спешных винтовочных выстрелов с опушки леса им чудились пулеметной партизанской очередью. А тут работали три автомата, и как работали!..

Патруль не преследовали. Чепонис лежал вверх лицом, раскинув руки. В его согнутых лодочкой ладонях собиралась влага — таял снег. Он был жив и склонившихся над ним друзей оглядел как-то внимательно и строго.

— Выспали им? — шевельнул он губами. — А меня вот в ногу. Разрывной...

Чепониса надо было перевязать, уложить в кровать. Но чем перевязать? Где эта кровать и тепло? Как добраться теперь до города?

— Все будет хорошо, Альфа, — веря в свои слова, сказал Штарас. — Ты только крепишь, слышишь? Раны в ногу... Они не опасны. Это скоро заживет, я знаю.

В наступившем дне далеко проглядывалась заснеженная даль. В лесу исчезла ночная таинственность, и он стоял теперь неприветливый, холодный, немой.

— Что же делать? — тихо, будто у самого себя спросил Корбутас.

Петраускас молча подложил шапку под голову Чепониса, а Штарас торопливо снял с себя пиджак и разостлал его на снегу.

— Надо идти, — сказал он. — Отсюда недалеко деревня Вайтаришкяй. Как-нибудь донесем на пиджаке...

Шли полями и перелесками, утопая в снегу и сбиваясь с шага. Чепонис кусал свои побелевшие губы, плотно зажмуривался, но тут же открывал веки и умоляюще глядел поочередно на друзей. Но они не останавливались.

За снежной леленой показалась наконец деревня. Над горбатыми, крышами домов кое-где вились сизые султаны дыма. Ветер пригибал их книзу, разрывал в клочья, пропитывал метель, горьковато-сладким запахом смолы. Почему-то казалось, что война обошла стороной здешние крыши, и худо ли, бедно ли, но под ними живут люди, правя свои нехитрые дела без особых тревог и волнений.

К деревне подошли с глухой ее стороны — от околицы, и все, кроме Чепониса, увидели несколько санных упряжек, стоявших на середине улицы, окруженных людьми в длиннополых черных шинелях. На санях лежали узлы, одеяла и подушки; слышалась не то песня, не то протяжный женский плач.

«Полицейские... Народ грабят!» — догадались комсомольцы. Удерживая на весу Чепониса, они остановились в тяжелом оцепенении.

— У них же... только винтовки. И те старые... — проговорил вдруг Чепонис. — Вы оставьте меня, а сами...

И друзья оставили его в сугробе.

Когда человек вложил в свой справедливый путь все силы и цель его близка и зрима, горе тому, кто попытается загородить этот путь! И пусть перед ним стоят трое или четверо, одетых в шинели любого покроя и цвета, все равно победит он, наступающий, потому что на его стороне великий закон бытия — право!

Именно этого оружия не имели полицейские. Оттого при первых выстрелах комсомольцев люди, одетые в черные шинели, начали разбегаться, подчиняясь уже своему воровскому правилу: спайсайте кто как может!

...Чепониса друзья нашли в прежней позе, под плотным слоем снега, будто под простыней. Но глаза его метель не запорошила, они спокойно глядели в небо и моргали.

— Держится! — сказал Штарас. — Понесли...

Они долго стучали в дверь ближайшей избы.

— Тут, наверное, никого не осталось! — тревожась, сказал Корбутас. Но дверь вдруг приоткрылась, и на пороге показалась старая женщина. Оглядев комсомольцев и их ношу и заметив, видно, в их глазах то выражение, по которому человек безошибочно распознает, друг перед ним или враг, она обернулась в сени и кому-то сообщила с укором:

— Езус-Мария! Да это ж свои!

Через несколько минут жители деревни высыпали на улицу — гасить пожар и разбирать с подвода свое почти чудом спасенное добро...

Рана Чепониса была тяжелой, сквозной, — пуля вышла над чашечкой правого колена, раздробив кость. Перевязывали его белым льняным холстом, принесенным хозяйкиной дочерью. Стиснув зубы, Чепонис молчал, а Штарас все повтарял одно и то же:

— Это пустяк... Перелбитые кости срастаются скоро, я знаю...

Заглядывая Чепонису в глаза, Корбутас рассказывал с великой верой в то, что это так и было:

— Я ему ка-ак дал очередью крест-накрест, так от него только пар пошел!..

— Кого это ты, Юлюс? — спросил Штарас.

— Ну, этого патруля, который вот Альфу...

— А-а... — понимающе кивнул Штарас и попросил: — Иди замени на посту Владаса. А тебя смену я.

К вечеру у Чепониса поднялся сильный жар. В бреду он читал стихи, временами затихал, прислушиваясь к чему-то, и вдруг сообщал радостно:

— Гудят, гады! Слышите? Осталось километров пять...

В полночь на санях, нагруженных сеном, друзья повезли его в город.

Штарас был прав: любые раны заживают, если тебе двадцать лет от роду и сердце полно любви к неизвестному миру.

На второй день ранения Чепонис увидел перед собой белый невысокий потолок и на нем давно знакомую старенькую люстру. Там вон, на стене, должна быть небольшая картина — «Грюнвальдская битва». В центре картины витязь на вороном коне высоко занес над головами врагов меч. «Хорошо, когда в руках меч!» — подумал Чепонис и тут же вспомнил, что кто-то ему говорил, будто от фашиста, если его полоснуть крест-накрест очередью, остается один пар! Странно, но любопытно.

— Сынок... родимый мой!..

Чепонис услышал знакомый дрожащий голос. Увидел скорбное, тихое лицо. Он ощутил ласковое прикосновение огрубевших рук. Это мать... Он был дома.

По ночам на улице Сюлу в дом номер 22-а приходили комсомольцы-подпольщики. Иногда они приносили кое-какие продукты и лекарства, но почти всегда радостные вести: врага громили на фронте и в тылу! В рассказах друзей победы Красной Армии, партизан и подпольщиков были настолько грандиозны и красочны, что Чепонис начинал тревожиться:

— Ну вот... закончите все без меня. Так я с «ними» и не встречусь в открытую... И оружия у меня никакого нет!

Через несколько ночей после этого разговора Корбутас принес автомат, а в дополнение к заправленному диску — широкий шерстяной чулок, наполненный патронами, и две гранаты.

— Спасибо, Юлюс! — благодарно проговорил Чепонис, и на его исхудавшем лице впервые за время болезни проступил румянец. — А то я без этого как без рук!

Корбутас молча и серьезно кивнул: дескать, еще бы... — и заторопился:

— Ну, пока! Давай быстрее выздоравливай. Дел у нас до черта!..

И ушел.

Ночных посетителей встречала и провожала мать. За несколько дней она сильно постарела и даже как будто уменьшилась в росте. Альфонсас не знал, когда мать спала. Просидев остаток ночи у его постели, она шла за перегоревшую в свою комнату, и Альфонсас долго слышал невнятный и жаркий шепот — мать молилась. Потом она закрывала дверь на замок и поднималась на второй этаж, к дочери Оне. Там у нее тоже была забота — родившемуся недавно внуку не хватало молока...

По утрам старый деревянный дом казался гулким и сторожким. Где-то хлопали двери, и звук долго жил в комнате Чепониса. Под окном кто-то прошагал, и хруст снега слышался отчетливо.

«Не дом, а фанерный ящик. — решил однажды Чепонис, — в таком в случае чего долго не продержаться...»

От этих наблюдений рождалась смутная тревога и крепкая любовь к автомату, словно был он живым существом. Почему-то покойнее спалось, если он лежал рядом, под одеялом.

Проходил январь. В ноге прекратилась острая, пульсирующая боль; уже можно было пошевелить ступней, и все больше и радостней верилось в благополучный исход беды.

Наступило 24-е число. В это утро Чепонис проснулся рано. В окно еле пробивался рассвет. Он все синел и ширился, и от большой тишины, какая бывает обычно на заре, в ушах Чепониса не проходил тонкий звон. Повернув голову на подушке, Альфонсас разглядывал морозные узоры на окне. На самом широком верхнем стекле с поразительным мастерством был изображен лес, а на опушке с луком в руках, в разрисованной гарусом шубе стоял богатырь и вглядывался в даль... Когда из-за крыши соседних домов выкатилось солнце, узоры на стекле брызнули таким ярким алмазным светом, что Чепонис засмеялся вслух и закашлялся. Кашель бил его долго, и, когда он снова взглянул на окно, по стеклам тянулись только длинные потеки: солнце растопило морозную сказку...

— Сынок... они приехали!

Альфонсас не заметил, как подошла мать. Он увидел ее глаза, округлившиеся, наполненные мольбой и жалобой, и мгновенно понял, о чем говорила мать. Он понял также, что со смиренным ужимом, не оставлявшим ее ни на секунду, мать ждала этого «приезда их» на протяжении всех восемнадцати дней, что провел он дома после ранения... Альфонсас уперся локтями в подушку, дрогнул лицом от боли и, подождав секунду, опустил на пол здоровую ногу. От кровати до окна

А теперь я передам слово земляку Константина Воробьева, нашему общему другу, задушевному человеку и писателю Евгению Носову.

«...Я развернул карту моей курской стороны и долго вглядывался в ту ее полуденную часть, где к тонкой синей прожилке безымянного ручья прилепился похожий на рыбью икринку топографический кружок села Нижний Реутец. Из этой-то икринки и вышел в большой свет своеобразный и яркий художник Константин Дмитриевич Воробьев. Родился он всего в одном дне ходьбы от моей деревни, и получилось, что некогда, еще мальчишками, мы видели одни и те же закаты и восходы, слышали одни и те же майские громы и поди что мокли под общими ливнями. Да и хлеб ели почти с соседних полей, и жили, и росли по единым обычаям, дошедшим к нам от общих наших предков — пахарей и воинов земли Северной».

Но так случилось в круговерти жизни, что не знали мы друг друга почти полвека и встретились (теперь горько сознавать это) лишь незадолго перед кончиной Константина Дмитриевича. И чувствую, догадываюсь, как нужны мы были друг другу, почти одновременно вступившие в литературу, трудно, вслепую искавшие туда дорогу, как

важны были нам в ту пору взаимная поддержка и одобрение».

Слышите, как большой мастер, тонкий стилист, честный человек и писатель Носов в пожилом уже возрасте волюно и невольно винится перед земляком-писателем. И общественность наша, в первую голову литературная, пыталась и пытается это сделать — после смерти Константина Воробьева (1975 год) в Вильнюсе был издан двухтомник; одна за другой вышли книги в центральных издательствах страны, сборник в «Романгазете»; появились статьи и исследования в газетах и журналах творческого наследия писателя.

И, зная все это, следя за посмертной судьбой писателя и товарища, не раз и не два я горько вздохнул: «Вот бы все это при жизни!».

Как нуждался Константин Воробьев в участии и поддержке. Как трудно пробивался в печать. Всю жизнь трудно, с нервотрешкой, доходя порой до отчаяния и душевной депрессии.

«Черт знает, отчего это, но мы ведь редко балуем друг друга словом приветия и одобрения. А как это нужно!» — это я написал письмо Косте с восторгом по поводу повести «Алексея, сын Алексея», ныне она называется «Сказание о моем ровеснике».

Приняв первый бой под Москвой, жестокий, беспощадный, Константин Воробьев попал в плен, бежал из Шауляйского лагеря в партизанский отряд и там встретился с Верой Викторичной, которая стала его женой. Она и поныне хранит верную память и архив писателя.

«...Желаю радостей и хоть немного денег. Ты не задумывался, отчего их у нас нету?»

«В день по абзацу пишу, а иногда и по целой страничке. Видал?»

«Вот и дождался я своих «Аистов». Посылаю тебе их. Жалко, что «Убитый под Москвой» ты читал в журнале. В сборнике же это полнее. Я ведь писал их как продолжение «Алексея». Тебе не кажется, что мы с тобой одним миром мазаны? Нет, не только по судьбе-кручине, а по восприятию сердцем мира божьего?»

«Мне что-то сейчас не работается. Наверное, втуне ожидаю хулу и брань разных критиков на своих аистов. Свалочи, выбивают недозволенными приемами перо из рук, никак не могу привыкнуть к оскорблениям, хоть на мне уже и места нету живого!»

«Принимался несколько раз писать тебе, но выходило так непотребно мрачно, тоскливо и горько, что... надо было рвать письма: я не люблю нытиков и неудачников...»

Из этих коротеньких выдержек из писем, адресованных ко мне, которые я расположил, чуть нарушив хронологию, — видно, как жил и пробивался к читателю большой русский писатель, не доживший из своего срока какую-то долю, наверное, не малую, и уж совсем точно, недоделавший очень много, может быть, не написавший «главную» свою книгу — о чем свидетельствует посмертно напечатанная в журнале «Наш современник» лишь взявшая «разгон» повесть «И всему роду твоему...». По значительности замысла, точности стилия, удивительно тонкому проникновению в святая святых, душу человека даже и в незавершенном виде эта повесть может и должна стоять на одной полке с русской классикой.

А вот прочитайте хотя бы начало одной его, самой первой повести — «Алексея, сын Алексея»:

«...Под вечер степь полилась задумчивостью и покоем. Ветер утихал, травы выпрямлялись, а подгоризонтные дали заволакивались багряной дымкой всегда тревожного степного заката. В полночь на ковыль оседала тяжелая роса. Тогда степь белела, как под инеем, и легкие ноги Катерины оставляли на ней темно-зеленые следы — борозды. Она уходила от стоянки своего отряда километра за три, выис-

было четыре шага, и Альфонсас преодолел их, прыгая на одной ноге, как при игре в недавнем детстве.

Да «Они» приехали. На улице виднелись крытые грузовики. Из кузовов выскакивали жандармы и, наклоняясь, бежали во двор, стороной огибая дом. «Окружают»,— догадался Чепонис и обернулся к матери:

— Ну... мамуся моя. Ты иди наверх, к Онуте. А меня закрой на ключ. Я останусь тут один... Ну, иди же, мама. Скорей!

Пружина в замке наружных дверей пела протяжно и нудно, с мороза, должно быть, а потом все стихло, и каждый миг времени тянулся нескончаемо долго, как год в потемках... «Может, они не за мной?»— вдруг обожгла мысль. Чепонис все еще стоял близ окна, прислонившись к стене, но глядел на двери. Они вели в кухню, а там были еще одни двери, последние, запертые матерью. «Почему же так тихо? Значит, не за мной? Может, все обойдется?»

И тогда раздался резкий стук, но Альфонсас не пошевелился. Ему понадобилась еще минута времени, чтобы из сердца окончательно улетила глупая надежда и рожденное ею то чувство, которое он ненавидел в себе и в других,—страх...

Повторный стук в двери уничтожил все разум, и надежду, что «все может обойтись», и этот холодный и противный, как мерзкое насекомое, страх... Осторожно, придерживая рукой больную ногу, Чепонис добрался до кровати и бережно вытащил из-под одеяла автомат. Он был теплый, и Альфонсас любовно погладил ладонью его тулоносе рыльце. А за дверью в это время стихли, и вдруг она гулко крикнула—видно, ее ломали напором тел.

— Ага!— произнес Чепонис.— Это правильно! Так будет лучше для нас всех!..

Он отложил автомат и достал из-под подушки гранату. Это была маленькая, не больше гусиного яйца, знаменитая русская «лимонка» с нарезным стальным корпусом. Выдернув предохранительное кольцо и зажав чеку, Альфонсас не спеша достиг порога кухни. Наружная дверь тряслась и содрогалась; слышалась брань на немецком языке.

«Ну!»—мысленно крикнул Чепонис.—Скорей! И дверь подчинилась. Створки ее распахнулись с какой-то охотной торопливостью, и в кухню ввалилась ватага красномордых чужих людей. Округлым, почти мягким движением руки Чепонис бросил им под ноги гранату, а сам отступил за дверной косяк. Он слышал, как граната грузно ударилась о пол и покатилась, размеренно стуча гранями нарезом; как истошно жандармы крикнули: «Гранатен!»—и затопали коваными сапогами.

Отрывисто-сухой взрыв встряхнул дом. Будто огромными горячими ладонями воздух плотной струей ударил в уши Чепониса, и он инстинктивно опустился на пол. Из кухни в комнату живой глыбой хлынул тяжелый желтый дым, а со двора—какой-то вхохочущий, задушенный вопль.

И опять на какое-то время наступила гнетущая тишина. Чепонис выпрямился и запрыгал к кровати, не заглянув в кухню. Это было не нужно. Он знал: теперь туда никто не войдет. Ведь жандармы и полицейские не солдаты. Они всего-навсего убийцы из-за угла. А в кухне рвутся гранаты...

Под подушкой лежала еще одна—последняя—граната. Чепонис взял ее и опустил в карман брюк. Он зачем-то снял ручные часы—они показывали двадцать минут десятого—и тоже спрятал в карман. Все это он проделал машинально, думая о другом,—он мысленно следил за действиями жандармов. Они не знают, что им делать, потому что он, Чепонис, нужен гестапо на некоторое время живым. Для допросов нужен, для пыток, для выдачи своих...

«Трус!» Куча сволочей!—Чепонис выкрикивал это, прыгая к окну с автоматом в руках. Ну конечно же! Вот они маячат у соседнего дома! И сколько их? Взвод? Рота?

С визгом и скрежетом серия пуль пробилла верхнее бревно стены над окном. Чепонис пригнулся. Строчили из ручного пулемета—Альфонсас знал его характерный, отчетливо звучный тон. Очередь повторилась. Теперь пули прошли ниже, задев верхнее стекло окна. Осколки ледяным крошевом осыпали комнату, со стены вспорхнул и лег у ног Чепониса портрет отца... Отец... Альфонсас помнил его смутно—он умер, когда Альфонсасу шел четвертый год... А пулемет не умолкал. Теперь пули дырявили стену на уровне головы Чепониса, если бы он стоял во весь рост. «Это они меня приземлят... Хотят поставить на колени, положить на пол!»—со злобой понял он и прикинул лицом к окну.

Стреляли с балкона дома, стоявшего напротив. Из-за деревянных желтых перил высовывался ребристый ствол пулемета и виднелась небесного цвета жандармская шинель.

— Ах ты, гад!

Сквозь стекло окна, почти не целясь, Альфонсас короткой очередью выстрелил по балкону. Не умолкая, пулемет накренился стволom вниз и бил теперь почти отвесно, под балкон. «Что он делает?»—удивился Чепонис и не скоро догадался, что жандарм спрятал голову под мышку и не видит мушки своего пулемета.

— Ах ты, гад!

кивала впадину, где ковыль был густой и рослый, и в нем купалась».

Какой легкий, изящный ритм! Какая влюбленная в слово поступь молодого автора, какой он еще романтичный!

А теперь послушаем его последнее произведение, неоконченную повесть «И всему роду твоему...». И тоже начало. Делать это сознательно—для сравнения:

«...Шел нудный, мелкий дождь, и даже не дождь, а мга, густая и туманно-седая, как и полагается в Прибалтике в ноябре. Мга липкой паутиной оседала на бровях и ресницах, и надо было то и дело отирать лицо. Перчатка пахла отвратительно едко: бензин так и не выветрился за ночь, и свиная кожа стала неряшливо легкой, а не первоначально желтой, как это предполагалось вчера вечером. Перчатки чистил сын и оставил их в ванной до утра, а надо было вынести на балкон. Может быть, только из-за этого перчатки сильно воняли...

Тогда как раз показалось впереди свободное такси, и он приветливо и нерешительно поднял руку. Новая машина промчалась мимо с каким-то издевательски-роскошным роком, обдав его грязью—шофер, наверное, поддал газу, а Сыромуков подумал, как много развелось на свете оголтело-

го хамья. Ужас! Он поставил чемодан у кромки тротуара и раскрытым ртом, глубоко и панически вдохнул в себя большую порцию мги. Было то, что случалось с его сердцем часто и уже давно—оно там толкнулось, подпрыгнуло вверх и замерло, готовясь не то выскочить совсем, не то остаться так, под горлом, стесненно затихшим, без воздуха в легких, потому что дышать в такие секунды было нечем. Кончалось это всегда одинаково: раздавался больно ощутимый толчок, за ним через долгую, как целый век, паузу—второй, потом третий, а после начиналась скакущая дробь ударов под неподвластный разуму страх. Этот страх каждый раз был новым, свежестрепетным ощущением, и боялся не мозг и не само сердце, что оно вот-вот разорвется, а страшилось все тело, и больше всего—глаза и руки. Глаза тогда зовуще металлись по сторонам, а руки самостоятельно совершали одно и то же заученное движение: они размеренно вскидывались и опускались, и всякий раз, когда все уже кончалось, Сыромуков не мог объяснить себе, зачем они это продельвали?..

Он не запомнил, когда и каким образом пересек тротуар и оказался возле каменного забора с широким черепичным навесом—наверное, инстинктивно решил, когда остановилось сердце,

Чепонис выдвинулся из-за стены, рывком просунул за раму окна дуло автомата и, тщательно прицелился, повел по балкону двумя длинными очередями—слева направо и сверху вниз, крест-накрест.

— Все! Конечно!

Это было сказано о том жандарме, что притих на балконе. Но ведь их было много, и Альфонсас понимал, что ничего еще не кончено и это «все» наступит не скоро...

Снова установилось затишье. «Теперь они еще раз попытаются вернуться через двери,— подумал Чепонис.—Да, конечно. Я нужен им живой. А они мне тут—только мертвые!»

Альфонсас стал у двери на прежнее место, в прежней позе: ему хотелось проделать все так, как в первый раз, и потому гранату он держал наготове. Стоять пришлось долго. Почему-то думалось, что на этот раз жандармы будут красться тихо, чтобы застать его врасплох. Но он ошибся. Они ворвались в кухню бегом, с ходу.

Остальное было все по-прежнему: такой же, заученный, бросок гранаты, то же падение ее вешего корпуса на пол, такой же взрыв и такие же вопли...

«Теперь они подумают, что у меня двадцать, сто, тысяча гранат!»—торопливо решил он и вскоре понял, что угадал: комнату начали расстреливать со всех сторон. Теперь пули визжали у ног, на уровне груди, над головой: от старенького гардероба с треском отскакивали тонкие, острые лучинки; жалобно звенела люстра, по комнате носились перья, выбитые из подушки.

А Чепонис оставался невредимым. Несколько минут он стоял, вжавшись в угол, прикрыв голову автоматом. Потом, сообразив что-то, рванулся к окну и начал самозабвенно обстреливать двор, забитую машинами улицу, желтый балкон, где опять засел очередной пулеметчик.

Так прошел час. Потом два. Потом еще два.

В половине второго дня пуля впиалась в больную ногу Чепониса. Он не стал перевязывать рану—было мало времени, до конца оставалось недолго, потому что кончались патроны: шерстяной чулок Корбутаса был пуст, а в диске всего лишь три-четыре патрона, не больше...

Чепонис сидел на полу у окна. Стрельба опять прекратилась. Но теперь уже не хотелось думать, что затевают жандармы. Он сидел и прислушивался: ему показалось, будто знакомый голос дважды окликнул его по имени. И в мозгу снова ворохнулась короткая трепетная мысль: «Неужели нет спасения? Я ведь читал... на свете бывает чудо!»

— Альфа!

Это голос сестры Оны. Чепонис прислонился к стене, направил автомат на дверь.

— Если они сзади тебя, не ходи! Слышишь?!—угрожающе крикнул он.—Не ходи!

— Я одна. Одна!

Сестра вошла белая в лице, как январский снег. Она двигалась толчками, будто сонная, протянув зачем-то вперед руки.

— У тебя же вся нога в крови, Альфа! Как же ты не видишь?

— Да... это кровь, Онуте,—растерянно сказал Чепонис.—А ты... как сюда пришла?

— Они меня послали... Альфа, брат! Они говорят, что не будут тебя расстреливать. Говорят, что отпустят... Может, это правда? Ну, что же ты молчишь?

— Где мама?—строго спросил Чепонис и пристально поглядел в глаза сестры. Они были синие-синие, как море. Сестре нравилось, когда ее глаза называли наводнением.

— Мама ранена. В бок... Они говорят, что подожгут дом и убьют маму, если ты...

— Подойди ко мне,—вдруг изменившимся, тихим голосом попросил Альфонсас, и, когда сестра подошла, он крепко обнял ее свободной рукой и трижды поцеловал в лоб, будто старший.—Теперь уходи. Быстрее! И помоги маме, слышишь?

За окном пламенел день. Альфонсас пытливо и спокойно оглядел чистое невысокое небо. Над крышами дальних домов вились дымки. В соседнем дворе на черных ветках клена сидела ворона, любознательно свесив вниз голову.

«Что она там разглядывает? Жандарма?»

Где-то закатило плакал ребенок. Над окном, под карнизом, хлопотливо чирикали воробы.

«Вот и все!»

Потом Альфонсас медленно обвел взглядом комнату. Ему нужно было что-то увидеть. Очень нужно, потому что без этого нельзя. Но он забыл, что хотел видеть. Совершенно забыл...

«Пора!»

Он добрался до кровати, поправил подушку и обеими руками долго поднимал раненую ногу. Уложив ее поверх одеяла, он лег на спину и расстегнул рубашку. Сердце билось сильными, ровными толчками.

«...Вот сюда».

Он приставил к телу дуло автомата, ощутив холодок стали, и, когда нажал на спуск, на какой-то миг вспомнил, что в комнате он искал изображение сверкающего меча в руках витязя-победителя...

что тут, на всякий случай, окажется сухое место...»

Вот такая вот картина, на мой взгляд, не требующая никаких комментариев. Между «тем» и «этим» началом лежит жизнь художника.

Но боюсь быть пристрасным и передам слово опять Евгению Носову:

«...Сквозь его взволнованные страсти еще заочно угадывается человек, наделенный личной отвагой, пламенным гражданским мужеством, взрывным зарядом темперамента и самопожертвования, чутким и ранимым сердцем, в чем я и убедился уже потом, при близком знакомстве с писателем. Константин Воробьев любил работать в горячем цехе, со словом, которое только что из пламени пылающего воображения. Оно еще дышит жаром, стреляет колкими искрами, обжигает самого мастера, и тот, благоговей над ним, испепеляющим, непокорным и прекрасным, размашистым, пока еще не остыло, гранит его на звонкой наковальне...»

На этом огне он и сторел преждевременно, так и не дочеканив заветных своих страниц.

«Повестью о жизни простых людей, он всегда стоял на позиции этих людей, и никогда сверху от них или сбоку,—пишет критик Ю. Томашевский.—К. Воробьев не выносил жизни

по регламентации, порожденной темнотой и ханжеством, что остались в наследие нам от ушедшего навсегда прошлого. Борьбу за утверждение умной, созвучной с двадцатым веком жизни он считал первейшим делом литературы... Воскрешая в памяти былое—перехитрое, затем мучился и страдал, чтобы люди, прочитав его книги, мучились и страдали меньше, чем он».

И это истинная правда!

Окидывая взглядом литературу последних лет, читая, допустим, «Ржевскую прозу» Вячеслава Кондратьева, так смело, зрело и разом вступившего в литературу повестью «Сашка», я вижу в ней прямое влияние не только писателя Константина Воробьева, но и гражданина своей страны и нашей стойкой в лучших ее проявлениях литературы, гражданина и писателя, принимавшего на себя не только груз самоотверженной работы, но и удары критики, невнимание читающей публики, житейские невзгоды, и, принимая все это на себя, он, как бывший командир-фронтовик, конечно же, со всей ответственностью сознавал и понимал, как понимали и его окопные друзья, перешедшие в книги,—вслед идущим бойцам будет легче прокладывать пути вперед, плодотворней трудиться и творить.

**ЛИШЬ В ПОДЗОРНУЮ ТРУБУ
МОЖНО РАЗГЛЯДЕТЬ МИШЕНИ.
КАКОВО ЖЕ ПОПАСТЬ В НИХ!**

серебряную и бронзовую медали. Лев Вайнштейн — бронзовую, и все вместе это дало сборной СССР по пулевой стрельбе первое общекомандное место.

Таким был олимпийский дебют. Ну, а в дальнейшем успех развили Василий Борисов, Виктор Шамбуркин, Алексей Гуцин, Григорий Косых, Яков Железняк. Свежи в памяти и события московского олимпийского турнира, где первым чемпионом стал Александр Мелентьев, еще две медали завоевали Виктор Власов и Александр Газов.

Любой вид спорта накладывает печать на характер человека. Если же сделать попытку вывести некий «средний», то есть наиболее типичный характер снайпера, исследователь, боюсь, окажется в замешательстве. Скажем, Анатолий Богданов любит побалагурить, а Григорий Косых — помолчать и послушать. О Якове Железняке можно сказать, что он истинный одессит: улыбка во весь рот, шуточки, всевозможные розыгрыши. Александр Мелентьев — натура азартная и задиристая, быть может, даже агрессивная, в хорошем, разумном смысле.

И все-таки он существует, этот «средний» характер стрелка. Но, как и многое в этом виде спорта, застенчив и проявляется только в ситуациях стрессовых — соревновательных. Стержень этого характера — способность снайперов уйти в себя, сосредоточиться. И вот вспоминается в этой связи...

Мой давний и хороший знакомый журналист Владимир Пашинин, человек героической биографии (был разведчиком на Северном фронте), рассказал, как его однажды несказанно удивил Анатолий Богданов. Случилось это на Олимпийских играх в Мельбурне, где Пашинин представлял газету «Советский спорт». Он дружил с Богдановым и за несколько минут до состязания подошел к стрелку, что-то спросил, тот что-то ответил. Началось состязание, оно было невероятно сложным для Богданова, поскольку за день до начала турнира его попросили в интересах команды выступить не в произвольном, а в малокалиберном стандарте, к которому он не готовился. Но все завершилось благополучно: советский снайпер завоевал свою вторую золотую олимпийскую медаль. Этот общительный человек на любых соревнованиях становился всеобщим любимцем, вот и на стрельбище Вильямстаун его окружила толпа, потом чемпиона повезли на пресс-конференцию, и Пашинин решил поздравить своего товарища позже.

Вечером они встретились в олимпийской деревне. А в глазах у Богданова укор, говорит: «Почему же ты не при-

**МНОГОМУ
МОГУТ НАУЧИТЬСЯ СТРЕЛКИ
У СТАРИКОВ ОХОТНИКОВ.**

с песнею в стрелковые пойдём кружки»...

В годы становления молодой Советской республики анали толк в этом виде спорта, замечательному энтузиазму той эпохи пришлось по вкусу стрельба.

Стрельбищ тогда не хватало, и, скажем, москвичи могли потренироваться только в Мытищах. С транспортом было непросто, и часто шагали туда пешком, а это что-то около 30 километров. Каким терпением, целеустремленностью обладали стрелки!

А с каким размахом проводились всевозможные снайперские турниры, с какой гордостью молодые люди носили значок «Ворошиловский стрелок»! Кстати сказать, в 1935 году довольно высокие нормативы выполнили два миллиона человек: показатель, и для

**Спорт
в нашей
жизни**

**Игорь
МАСЛЕННИКОВ**

**Фото
Евгения ВОЛКОВА**

НЕ ПРОИМАХНИСЬ

нынешних времен удивительный. Во время Великой Отечественной войны многие спортсмены стали снайперами, и среди них два будущих чемпиона мира — Юрий Никандров и Борис Переберин.

Авторитет советского стрелкового спорта на мировой арене неизменно высок. Наши снайперы выступают лидерами международных турниров любого ранга. Еще до войны спортсмены Осравиахима дважды выиграли заочные турниры у команды известного Портсмутского клуба, а динамовцы — у Нью-Орлеанского. Молодой Вадим Синявский вел радиорепортажи, описаниям этих турниров отводили газетные полосы. Но за рубежом только кисло улыбались: заочный турнир — это, мол, не очень серьезно. И тогда Борис Андреев и Владимир Федоров отправились в Абердин и на чемпионате Великобритании сообща завоевали 20 призовых мест. Так что уже тогда — в пору становления нашего спорта — в стрельбе мы начали выходить вперед. На Олимпийских играх 1952 года это было доказано всему миру: Анатолий Богданов стал чемпионом, Борис Андреев завоевал

**В ЭТОЙ НЕПОДВИЖНОСТИ И СОБРАННОСТИ
ЗАЛОГ ТОЧНОГО ВЫСТРЕЛА.**

**УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЗРЕЛИЩЕ —
СОРЕВНОВАНИЯ ПО СТЕНДОВОЙ СТРЕЛЬБЕ.
ОТТОГО И ТЕСНО НА ТРИБУНАХ**

**СЧИТАННЫЕ СЕКУНДЫ
ДАЮТСЯ НА ВЫСТРЕЛ
В СТРЕЛЬБЕ ИЗ ПИСТОЛЕТА
ПО СИЛУЭТАМ.**

ехал на стрельбище, а еще друг называется!» Журналист опешил, уверяет, что он был на турнире. И тут его осенило, он понял причину недоразумения. Богданов действительно его «не видел». Да, он смотрел на друга, беседовал, но сам-то был уже в другом мире: в те минуты все у Богданова было подчинено предстоящему состязанию. Остальное для него просто не существовало.

Нечто подобное рассказывают и об Александре Мелентьеве. Как-то оружейник стрелков-динамовцев из Фрунзе принес в тир диковинный дульный пистолет фирмы Лепаж. Зарядил его, выстрелил — эффект потрясающий. Старое оружие прогрохотало, точно артиллерийский ствол, дым окутал помещение тира, и все — кто с испуганным лицом, кто со смехом — бросились к оружейнику рассматривать пистолет.

А когда успокоились, то увидели, что Мелентьев как стоял на своем месте, так и стоит: сосредоточенно целится в мишень. Выполнил серию, аккуратно положил оружие на столик, обернулся. Удивленно спросил: «Что случилось, откуда столько дыма?» Типичное психологическое состояние стрелка.

Или еще история, правда, несколько иного плана, хотя в принципе опять же характеризующая поразительную способность стрелков мобилизовываться. Об этом мне поведал специалист, ничего общего не имеющий со спортом. Он занимался исследованием колебаний человеческого тела. На специальную

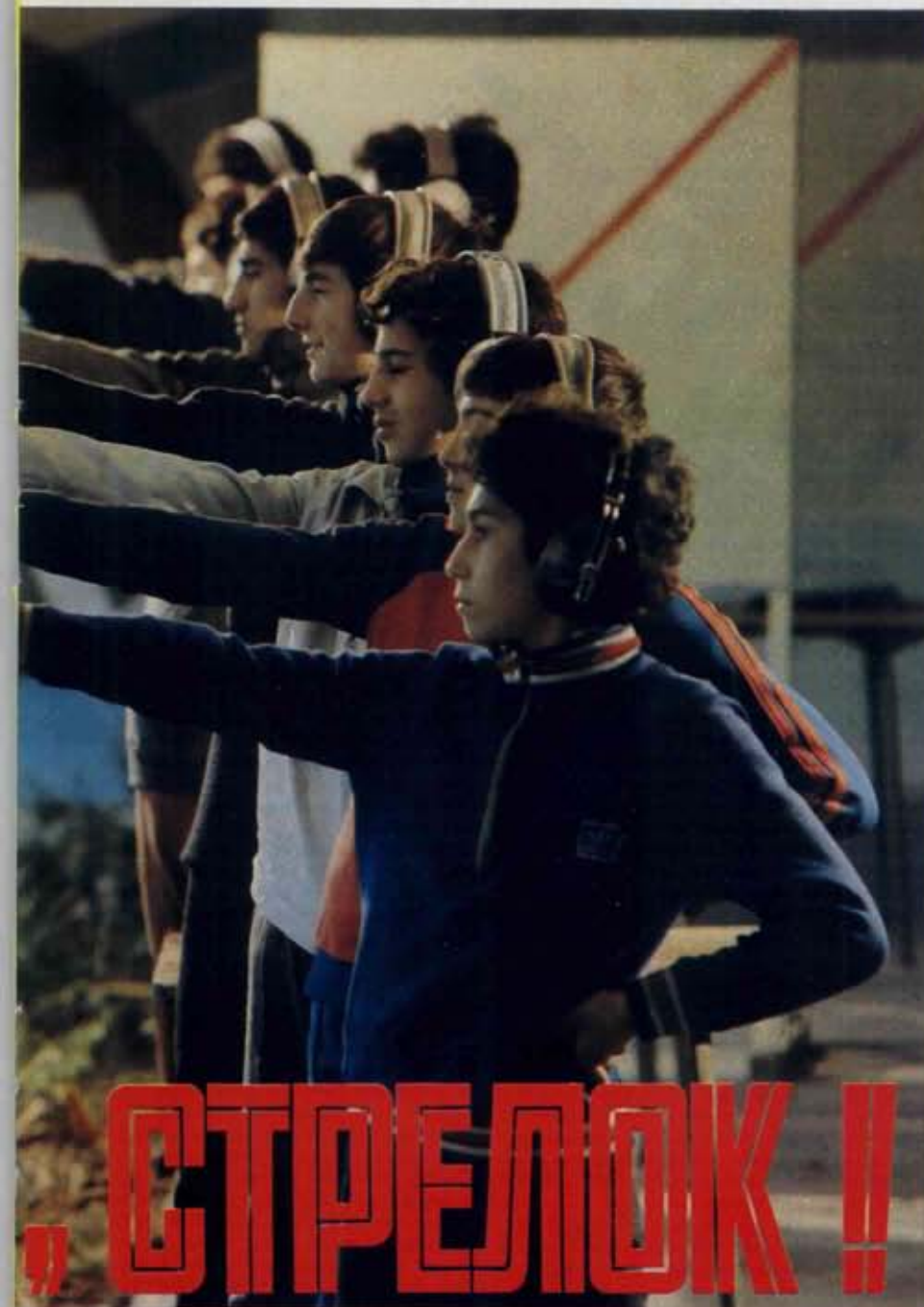
травм у них практически не бывает. Правда, однажды в раздевалке я увидел плечо Юрия Цуранова, неоднократного чемпиона мира по стендовой стрельбе. По плечу разлилась ровная такая, насыщенная синева. Это от отдачи приклада, след трехсот (!) ежедневных тренировочных выстрелов.

Зато психологическую нагрузку они выдерживают огромную. Взять хотя бы стрельбу из малокалиберной винтовки, стандарт 3×40. Каждый из этих 120 выстрелов — своего рода старт. Перед каждым надо произвести новый расчет и сделать какие-то поправки — подул, скажем, ветер, и надо мобилизовать свое внимание и точно, без отклонений выполнить определенные движения.

Они сгорают дотла внутри, теряют в весе до 4—5 килограммов. Не от мышечных усилий. Это нервы. Бывалые люди признавались, что после особенно трудного турнира им нужна неделя, чтобы прийти в себя. И все эти дни они словно в сомнамбулическом состоянии, плохо спят: их еще держит напряжение недавнего турнира.

Все в этом виде спорта имеет значение. Как в ювелирном деле. Скажем, одежда. Жара стоит, а стрелок натягивает шерстяную фуфайку, и тяжелые ботинки, и кожаную куртку, и теплую рукавицу. Это для того, чтобы погасить удары пульса. Кстати сказать, и тянут они спусковой крючок (курком, как они считают, его называют только дилетанты) мягко, словно кошка лапкой сметану, и непременно задержав дыхание. Все это и называется правильной обработкой выстрела — наипервейшая в их деле наука.

У них столько специфических сложностей, что раньше молва одаривала

платформу поднимались разные по возрасту, весу и профессиям люди, а датчик фиксировал колебания — степень, амплитуду, фазы и т. д. И вдруг стрелка датчика не шелохнулось. Что такое? Проверили аппаратуру — все нормально. Но когда этот же молодой человек снова поднялся на платформу, стрелка осталась неподвижной. Пригласили следующего испытуемого — стрелка запрыгала. Стали выяснять, что и как, и оказалось, что молодой человек давно и небезуспешно занимается стрелковым спортом. Эти тренировки и позволили ему «твердо» стоять на платформе. Но не менее удивительное случилось потом. Когда стрелку предложили вообразить: ну, представьте, что вы, например, стоите у телефонной будки и думаете о предстоящей встрече, — датчик немедленно показал колебания. В эту минуту снайпер легко и естественно выключился из игры, поначалу же испытание на платформе у него связывалось с соревновательной ситуацией.

Бывалые стрелки обладают способностью виртуозно владеть своими мышцами, эмоциями и волевыми усилиями. Да, они не падают, подробно бегунам-стайерам, от физической усталости, и

**ВОТ ТАКОЙ СЛОЖНЫЙ ПРИБОР
УСТАНОВЛЕН НА ВИНТОВКАХ
БИАТЛОНИСТОВ.**

стрелков чуть ли не сверхъестественными качествами: такое всегда бывает, когда мы сталкиваемся с чем-то непонятным, а точный выстрел да еще с огромного расстояния действительно таит в себе нечто загадочное. Разумеется, для неискушенных.

Одно из заблуждений было связано с якобы невероятной зоркостью снайперов. Суждение это бытовало и у нас и стало причиной того, что в один прекрасный день группу сильнейших стрелков записали на исследование к знаменитому академику Филатову. Он осмотрел одного спортсмена, другого, потом улыбнулся, сказал:

— У кого-то глаза голубые, у кого-то серые... А больше ничего особенного.

Конечно же, очень хорошо иметь орлиное зрение, не для стрельбы, а вообще в жизни. Но если новичок, скажем, страдает близорукостью, то никакой беды в этом нет. Олимпийские чемпионы Мелентьев и Власов носят очки.

Совсем другое дело, если юноша не

обладает терпением и выдержкой, это уже серьезнейший минус. В сущности, нервы все и решают на состязаниях по стрельбе. Они нужны и на тренировках. Тут надо уподобиться пианисту, который часами играет монотонные гаммы. Один стрелок рассказывал мне, что эти внешне спокойные, а на самом деле невероятно трудные тренировки иной раз так выводили его из себя, что он был готов вскочить и с проклятиями зашвырнуть винтовку куда-нибудь в кусты. И всякий раз он гасил внутренние вспыхивающие, брал себя в руки. Мало того, стал вносить в режим дополнительные нагрузки. После стрельбы заставлял себя час-другой постоять или полежать в абсолютно неподвижной позе, чтобы закалить волю и добиться статичности. Мышцы его затекали, мучительно болевли, но со временем он заметил, что эти ощущения появляются все позже и становятся менее болезненными.

Крепкие нервы нужны стрелку и для того, чтобы выдержать внезапное осложнение, иной раз совершенно не связанное с самим процессом стрельбы.

Евгений Петров, олимпийский чемпион 1968 года в стрельбе на круглом стенде: «Я выступал на чемпионате мира в американском городе Финиксе. Стрельба у меня пошла, стал лидером. И кому-то это не понравилось. Два года назад я выиграл золотую олимпийскую медаль, а теперь все шло к тому, что выиграю и первенство мира. Заканчиваю серию. Все! Победа! Победа? Подходит судья, говорит, что якобы в какой-то момент я дал движение прикладу до вылета мишени. Чепуха какая-то. А если так и было, то почему не сказали раньше? Желания соревноваться — ни малейшего, успел расслабиться. Тренеры говорят: дескать, не выходи, мы подадим протест. А я сказал, что не надо, зачем канитель разводить, соберусь как-нибудь. Наверное, это был самый сложный в моей долгой спортивной жизни выстрел. Проманхись я тогда, соперник сравнялся бы со мной, и тогда «перестрелка». Но я все же не хотел, чтобы победа пришла ко мне после судейской тяжбы. Вышел на линию огня, выстрелил — попал!»

Вот так впервые в истории этого вида спорта чемпион стрелял не в традиционные 200 мишеней, а в 201.

Ренат Сулейманов, неоднократный чемпион мира: «На олимпийском турнире в Мехико была у меня «перестрелка» с румыном Рохкой и Дюрингом из ГДР. Я стреляю ритмично, а тут мои соперники — на линию огня мы выходим вместе — предложили какой-то рваный темп. То зачистят, то невероятные паузы делают. Одним словом, не заладилось у меня, в пылу и волнении поддался я чуждому ритму. И вот в перерыве подожди ко мне тренер. Не помню, что и говорил он, только помню: спокойно так говорил, словно заипнотизировал он меня своим голосом. Совершенно другим вернулся я на линию огня и завоевал олимпийскую медаль».

Подобными историями богат стрелковый спорт. А вот еще одна происшедшая на чемпионате мира в Каракесе.

Там на долю новичка сборной Геннадия Ларина выпали такие испытания, что не всякий зрелый мастер их выдержал бы. Сперва задул страшный ветер, и на шестом выстреле его пуля угодила в «молоко» — ноль очков. Пришлось отложить винтовку в сторону, хотя, конечно, это следовало бы сделать пораньше: опытные снайперы давно пережидали непогоду. Потом вышла из строя электронная установка на щите с мишенью, в которую стрелял наш дебютант. Арбитры посоветовались. Перевели стрелка в другую «кабину». Одно это уже могло кого угодно вывести из рабочего состояния. И надо же такому случиться, что именно от результата Ларина зависела судьба золотых медалей в командном соревновании. А под конец тренером нашей сборной и вовсе не по себе стало. Взглянули на секундомеры, и выяснилось, что на пять последних выстрелов у Ларина осталось пять минут с небольшим, тогда как каждый

выстрел требует времени как минимум вдвое больше.

Решили тренеры послать к нему самого выдержанного среди них — Евгения Ивановича Поликанова. «Слушай, Геннадий, ты знаешь, сколько времени у тебя осталось?» «Да нет, не смотрел как-то». «Ты вот что, теперь давай стреляй навскидку, не тяни, а то и без того команда на обед опаздывает».

И что же, пять последних пуль Ларина дали 48 очков. Для стрельбы стоя это был великолепный результат. Выиграла наша сборная мировое первенство!

...Ну, а как человеку неуклюжему вообразить классность снайпера, оценить сложность и достоинство точного выстрела? Способны же мы представить неимоверную тяжесть, которую взваливает на себя штангист, и мы восхищаемся им. Мы видим степень точности удара по мячу и красоту гимнастической комбинации. А что в стрельбе? Почти неподвижный человек стоит или лежит на линии огня, постукивают или грохочут выстрелы, и где-то там мишень. Объявили результат, но что нам скажут эти 595 или 600 очков? Попробую внести хоть какую-то ясность...

До недавних пор разыгрывалось упреждение — снайперская стрельба на 600 метров. Хорошую, знаете ли, солидную сумму тут составляли 175 очков из 200 возможных. А это значит, что с расстояния в 600 метров снайпер 15 раз (!) попадал в центр мишени величиной с небольшое яблоко.

А в стрельбе из пневматического оружия — дистанция 10 метров, раньше на дуэлях такое расстояние обычно отмеряли и мазали нередко, и слава богу, что мазали. А сейчас стрелок с 10 метров набирает 590 очков из 600 возможных, то есть 50 его крошечных пулек ложатся в цель размером в один миллиметр, это поменьше спичечной головки. Представляете, какое изумительное мастерство!

В свое время я настойчиво допытывался у наших авторитетных спортсменов и тренеров: как они оценивают давние документальные и литературные описания выстрелов? Моими собеседниками были квалифицированные специалисты, и никто из них не отмахнулся: дескать, какая там классность была, каменный век. Находились специалисты, которые углубленно интересовались этой проблемой. И общее их суждение было таким: старое гладкоствольное оружие не давало стрелкам возможности объективно проявить свою меткость. Грохота было много, дыму и пламени тоже, но пуля летела, если воспользоваться слогом тех лет, по воле божьей. Кстати сказать, чаще всего не заряд, а звуковая волна или направленный дым гасили пламя свечи — модное тогда упражнение.

Ну, а классический эпизод из повести Пушкина «Выстрел»? Сейчас эти выстрелы, считают специалисты, не выглядят удивительными. Сделаны они были метров с семи, а современный стрелок добьется лучшего результата и со значительно большей дистанции.

Так-то оно так, но не будем забывать о разнице тогдашнего и нынешнего пистолетов. И тут наши специалисты готовы отдать должное стрелкам, скажем, пушкинских времен. Лучшие из них, судя по всему, обладали стрелковой интуицией, причем несовершенное оружие сильно развивало это качество, поскольку тогда не было возможности полагаться на законы баллистики. Одним словом, и по сегодняшним понятиям это были одаренные в спортивном отношении люди, и их способность «чувствовать» оружие, стрелять на непередаваемом внутреннем импульсе достаточно высоко ценится и в современном стрелковом спорте.

Ну что ж, войди в него, юный спортсмен! Никогда ты не будешь в пригорыше. Быть может, не станешь чемпионом, но зато познаешь себя, откроешь в себе много нового, неожиданного. Древние считали, что с этого и начинается возмужание.

Нравственная норма

Станислав ШЕВЕРДИН

ОПАСНОЕ ПРИСТРАСТИЕ

Маленький домашний уж аккуратно выполз из своей шкурки, которая называется выползком, и стал прямо-таки красавчиком. Новый «воротничок» желтое прежнее. Тело ужа — черное и блестящее, а глаза — еще более блестящие и еще более черные, хотя, казалось бы, что может быть чернее черного? Он лежит под лампой и греется — наверное, ему хорошо. Переживает ли этот новорожденный выполз свое обновление? Этого я не знаю. Да и необязательно мне это. Но я знаю, почему уж, как и вообще змеи, выползают из своих шкур — потому что шкуры не умеют расти.

Вот теперь самое время перейти от события, которое два дня назад случилось в нашем домашнем серпентарии, к сути темы данной статьи, то есть к диалогу с молодыми читателями «Смены» по поводу очерка Ольги Чайковской «Пикник в подвезде» (№ 15, 1983 год), то есть по поводу выпивки.

Казалось бы, что особенного — диалог! А между тем для него необходимо то же, что и для счастья, — взаимопонимание. У меня же нет уверенности, что оно есть. Во всяком случае, среди нескольких десятков писем-откликов на «Пикник в подвезде» до обидного мало писем, в которых было бы по достоинству оценено сопереживание взрослого автора очерка его семнадцатилетним «героям» и «героиням». И никто из откликнувшихся — большинству которых от пятнадцати до двадцати лет — не выразил сочувствия журналисту, не понял, что для него пьянство подростков — источник горьких переживаний. Зато почти все искренне выставили колючки обид по поводу нравочений и нотаций, которых, как мне кажется, в очерке нет.

«Посоветуйте. Только не читая проповедей, а именно дайте совет», — прямо написали две пятнадцатилетние Наташи из Тирасполя, подписавшиеся оригинально — «N²».

Говорят, что лучший способ посоветовать — это сделать вид, что вовсе не даешь совета. Данному мудрому правилу я и последую, не скрывая этой хитрости от молодых читателей, к письмам которых обращусь.

«На танцы трезвым не покажешься», — уверяют авторы некоторых писем. Или: «На вечер». «На день рождения...» и так далее. В том, что такие суждения не надуманны и не единичны, убеждают и специальные исследования.

Когда один молодежный журнал опубликовал письмо своего читателя под решительным названием «Я — за абсолютную трезвость!», два исследователя — в Хабаровске и в Омске — провели анкетирование среди шестисот с лишним юношей и девушек 17—20 лет.

Приведу несколько вопросов (обе анкеты были однотипны): «Одобрите ли вы позицию абсолютной трезвости как способ решения проблемы пьянства?»; «Сможете ли придерживаться такой позиции? Если нет, то почему?»; «Сможете ли прожить без алкогольных напитков, если они станут недоступны?». То же — «...если будут широко доступны?». Что

бы опрашиваемые высказывались искренне и без опаски; анкеты были анонимными.

И вот выводы исследователей: «Без спиртного могут прожить все, но пьян, ориентируясь на окружающих. Последовательных трезвенников — десять человек».

«Теоретическое отношение к проблеме: подавляющее большинство — за трезвость. Истинное, или практическое, отношение: подавляющее большинство находят поводы для употребления вина. Последовательных трезвенников — единицы».

Двадцатилетний читатель «Смены» **Николай Флусов**, твердо отказавшийся и от выпивки и от курения, спрашивает: «Молодежь — почему тянет к алкоголю? Ведь не было же такого в 50—60-х годах!» Николай (свой отклик на «Пикник в подвезде» он написал из исправительно-трудовой колонии) прав. Опираясь на собственные двадцатилетние наблюдения и на выводы исследователей, подтверждаю: сейчас зараза пьянства подвержено большее количество семнадцатилетних. И противостоять «питейной моде» стало труднее — вино продается свободно и без ограничений, — если недостает убежденности или воли. Но тут же возникает вопрос: что окажется сильнее — затягивающее в алкогольное болото влияние ближайшего окружения или осознание печальных уроков предшественников и сверстников? Коротко говоря: внешняя стихия или сознательное разумное мужество? По мнению лаборанта НИИ и студента-вечерника **Сергея Остахова**, «большинство подростков не в состоянии собственными силами вырваться из цепких пут алкоголя и табака». По-иному судит **Евгений Захаревич** из Красноярского края: «Не нужно сочинять оправдания выпивки — на радостях, со скуки, от нечего делать, по случаю праздника... Всегда есть, чем занять руки и ум. Вопрос в том, хотим мы этого или не хотим?»

Не буду скрывать, мне очень импонирует такая оптимистическая уверенность, но я убежден и в том, что все те, кто написал: «Не хотим пить, но не знаем, как бросить», как порвать с пьющей компанией», — написали это искренне.

Современная «питейная мода» сродни моде одежды. Умение выпить — такой же парол, чтобы быть принятым своими сверстниками, как джинсы или кроссовки. Здесь наблюдается одна обидная странность. Скажу о ней, хотя не уверен, что читатели-подростки согласятся с моим выводом: юноши и девушки 15—19-летнего возраста более всего ценят в себе самостоятельность, более всего тянутся к самоопределению, но на самом-то деле более всего подчиняются стандарту. Иногда скверному. И нелегко им такому стандарту противостоять. Понимаем ли это мы, взрослые? Понимаем, потому что, переступая грань отрочества, юности, отнюдь не сбрасываем с себя прежний возраст «наподобие выползка». Здесь скорее уместно сравнение с годовыми кольцами дерева: новое время нарастает на нас новыми впечатлениями, опытом, убеждениями, привычками. А также моральными заповедями.

И все-таки сравнение с освобождением от выползка мне кажется подходящим для сегодняшнего разговора — только в другом смысле. Среди моих друзей, товарищей, знакомых близкого мне возраста теперь немало трезвенников. Некоторые бросили пить, прои-

да через мерзость пьянства, другие — через страх смерти от инфаркта, инсульта, цирроза... Третий — убедившись, что своим пристрастием или снисхождением к рюмке они способствуют распространению традиции, крайне вредной для других людей.

Наш великий предшественник Карл Маркс призывал, строя коммунистическое общество, «сбросить с себя всю старую мерзость». Жизнь показала, что к этой старой мерзости относится и выпивка.

Эту главку я начал с картинки, как уж сбросил с себя выполозок. Для сравнения. Но такое сравнение, как говорится, хромает. Потому что некоторые молодые люди в свои 17 лет, наоборот, надевают на себя старый выполозок древнего и вредного обычного винопития, хотя при этом и думают, что обновляются, вступая в пору мужественной зрелости. Конечно, уж, греющийся под лампой, не ощущает и не переживает своего обновления. Но семнадцатилетние люди, наделенные разумом, расстаются с прирожденной трезвостью, могут и должны осознавать, что, становясь пьющими, стареют на многие и многие годы.

Лучше, конечно, если это мужественное осознание приходит раньше, в самом начале сознательной жизни, зрелости, как, например, к ленинградцу Сергею Осташову, который активно работает в общественном совете по борьбе с пьянством.

Лично ко мне прозрение пришло примерно тогда, когда родились упомянутые выше «N». В это время работа в молодежной газете преподнесла мне немало жизненного материала, показавшего в самом реалистическом свете неприглядную физиономию винопития. Этого оказалось достаточно, чтобы принять решение: разом покончить с общественно вредной привычкой. И провести это решение в жизнь не составило большого труда.

Мне кажется, что и в 17 лет, если знаешь всю правду об алкоголе, вполне возможно принять такое решение. Даже самое большое опасение: как бы не стать «белой вороной» — окажется в конце концов опасением беспочвенным.

Видимо, заслуживают внимания и мнение читателей-подrostков и выводы исследователей, что опасение оказаться «белой вороной» — это наиболее сильный мотив, который заставляет многих молодых оставаться в пьющей компании и поддерживать обычай питья наравне с другими. Не случайно многие читатели не поняли и не приняли довода Ольги Чайковской о том, что не нужно бояться одиночества, потому что бывает одиночество и интересное, и живое, и деятельное — более того: необходимое. В самой крайней форме несогласие с автором очерка выражают такие строки: «Вы призываете Наташу к одиночеству?! Нет! Не слушай, Наташа! Одиночество — это и есть одиночество — с самим собой ли, или с Достоевским, или с Толстым. Одиночество намного хуже самой грязной пьянки, намного страшнее!»

Что значит «хуже»? Что значит «страшнее»? Юноша, автор письма, не уточняет, но он явно имеет в виду силу переживаний человека, оказавшегося одиноким, острую личную несчастья. Да, страшным, подчас непереносимым может быть ощущение личного горя, когда тебя оставил или оскорбил любимый человек. Когда бросил в тяжелую минуту друг, которого ты почитал своим вторым «я», как говорят, «альтер эго». Когда посчитала очуждом, «белой вороной», «паршивой овцой» компания верных, настоящих — не по выпивке — друзей и подруг. И в наше время, то есть когда нам, нынешним сороскалетним, было семнадцать, самым тяжелым наказанием почитался бойкот — отлучение от коллектива. Исключение из школы ощущалось меньшей бедой. Так что боязнь одиночества в подростковом возрасте нам, взрослым, тоже понятна.

Но как, однако, быть с нравственной оценкой? Нравственной нормой? Ведь «грязная пьянка» — она, даже если обошлась без явного дебоша, все равно является преступлением против общественной морали и порядка, против достоинства личности, против Человека в самом себе.

Я написал слово «Человек» с большой буквы, потому что нравственный подход — это и есть подход с позиций Человека с большой буквы. Я знаю, что иные молодые люди не очень-то охотно воспринимают разговоры (иногда и впрямь нотации) насчет Человека с большой буквы. Они иногда думают, что эта

идея специально выдумана взрослыми как средство нравственного давления на них. Вот почему я попытаюсь подойти к этой идее с другой стороны...

С писателем М. М. Пришвиным произошел однажды такой незначительный случай — ему наступили на ногу в трамвае. Наступили — и не извинились. Ну, случай, конечно, чепуховый. Так и рассудил Михаил Михайлович. Но тут его как-то кольнуло в бок. «Сто-о-о! Мне, Пришвину, отдавили ногу — это мелочь. Но если во мне другой человек, может быть, он предостеречь Всево-Человека и по отношению к нему неуважение, пренебрежение недопустимо и непрощительно!» Подумав так, писатель твердо взял невежливого соседа за плечо и категорически потребовал: «Товарищ, извинитесь!»

Эпизод нравоучительный. Он вроде алгебраической формулы, в которую можно вставлять разные единичные случаи из реальной жизни и «вычислять» соотношение человека и Человека (Всево-Человека). Понятно, что наиболее применима эта формула в случаях более крупных, чем конфликт, в котором участвовали Всево-Человек, М. М. Пришвин и неизвестный невежливый пассажир трамвая.

Любопытные, поучительные, я бы сказал, философские ситуации возникают в нашей жизни, и едва ли не самыми частыми оказываются такие, когда ты сам, человек Сергей или Петр, Станислав или Тенгиз, Маша или Наташа, Турсунуй или Роза наносишь обиду или причиняешь вред Всево-Человеку, который живет в тебе самом. Живет в каждом. Иногда ему очень тяжело и неудобно, больно и тесно. А вот переживать — страдать или радоваться — он не может, если за него не переживаем мы, любой из нас.

И мы ответственные за Него. А Он за нас. Ольга Чайковская не случайно написала, обращаясь к Наташе, что есть разное одиночество, что раздумье о себе и о смысле жизни вместе с Толстым и Достоевским, наедине с ними — это только внешне одиночество. На самом деле это большое творческое содружество. Конечно, тайна и трудность его постигаются не сразу.

Однажды, будучи в командировке в Вологде, я встретился утром 10 февраля с живущим там прекрасным писателем и заметил его воспаленные глаза.

— Что с вами, Василий Иванович?
— Сегодня Пушкин умер, — ответил печально мой собеседник. — Я проплакал всю ночь.

Да, великий поэт, умерший за сто лет до того, как родился вологодский писатель, был ему как родной. А вот Достоевский и Толстой пока что чужие юноше, письмо которого я процитировал. И потому, видимо, чужды ему и строки из очерка «Пикник в подъезде»: «Толстой, Достоевский... отвечают нам на многие мучительные вопросы».

«Что делать с пьянством?» — этот вопрос, кстати, также остро волновал и Федора Михайловича Достоевского и Льва Николаевича Толстого. То, что сказано ими об этом социальном недуге, очевидно, более или менее известно читателям. Вряд ли можно встретить антиалкогольную книжку, в которой не приводились бы, например, слова Достоевского о том, что вино «скотинит и зверит человека». Как и в связи с чем были сказаны эти слова? Думаю, это заинтересует читателей и заставит понять высказывание не как абстрактный тезис, а как живое переживание писателя, как его сострадание своим соотечественникам.

Федор Михайлович вспоминает наблюдавшую им в молодости сцену. Подкатила к почтовой станции свежая тройка. На нее водрузился фельдьегер (правительственный курьер), хлопнувший на станции рюмку водки, и не успев ямщик тронуть, как фельдьегер, здоровенный детина с багровым лицом, крепко ударил кулаком по затылку ямщика, а тот уже — по эстафете — хлестанул кореннику. И пока тройка, все ускоряющаяся и ускоряющаяся бег, не скрылась из глаз писателя, он видел, как вздымался над головой возницы и опускался на его затылок выбивавший ум кулачище, а ямщик все более и более безжалостно нахлестывая лошадей. И далее Достоевский пишет: «Эта отвратительная картинка осталась в воспоминаниях моих на всю жизнь... Нет фельдьегера, зато есть «зелено-вино». Каким образом зелено-вино может походить на фельдьегера? — Очень может, — тем, что оно так же скотинит и зверит человека, ожесточает его и отвлекает от светлых мыс-

лей, тупит его перед всякой доброй пропагандой. Пьяному не до сострадания... Но главнейшее сходство зелено-вина с фельдьегером, бесспорно, в том, что оно так же неминуемо и так же неотразимо стоит над человеческой волей».

Знаю по себе, что в молодости мудрые мысли великих предшественников нередко воспринимаются абстрактно. Однако выводы, подобные тому, который сделал насчет вина Достоевский, это не бесстрастные логические вычисления, а действительно результат «сердца горестных замет». И потому мудрые мысли — это личные чувства, которые переданы нам не для зазубривания, а для дальнейшего развития. Ну, например, я бы наряду с указанием на сходство вина с фельдьегерским кулачищем обязательно отметил принципиально отличие. Пьющий — сам себе и фельдьегер и ямщик. Ведь он каждой рюмкой колотит себя по голове и нередко до полного обалдения. Может быть, потому такое занятие и называется «балдеж»?

Свой взгляд на алкоголь был и у Льва Николаевича Толстого. Взгляд, как говорится, выношенный из личного опыта. В частности, из заблуждений, проб и ошибок молодости. В конце концов Толстой пришел к убеждению, что необходима полная трезвость, и стал основателем одного из первых в России обществ трезвости. Составленный писателем манифест этого общества, названный «Согласие против пьянства», первым подписал сам Лев Николаевич, а всего — не менее 744 человек (столько фамилий на листках, хранящихся в архиве писателя). Основные заповеди манифеста: никогда не пить ничего пьяного — ни водки, ни вина, ни пива, ни хмельного меда, не угощать никого алкогольными напитками и убеждать всех, особенно детей, в преимуществах трезвой жизни. Среди подписавших «Согласие...» много известных людей, например, Н. Н. Миклухо-Маклай.

Л. Н. Толстой по-своему отвечал на вопрос: для чего люди одурманиваются? Он, например, не соглашался с теми ответами, которые признаются правильными большинством. Я изложу (частично процитирую) выводы Льва Николаевича, а молодой читатель пусть сам делает выводы. Может быть, при этом он найдет кое-какое сходство с некоторыми читательскими мнениями?

Не от скуки и не для веселья, не из подражания или подчинения пьющему большинству одурманиваются люди, считает Толстой, они «знают... свойство вина заглушать голос совести и сознательно употребляют его для этой цели».

Таково суровое обвинение, которое великий писатель вынес тем, кто употребляет алкоголь. При этом он писал и про «ужасные последствия... считающегося безвредным умеренного употребления водки, вина, пива...». Разъясняя свое суждение, Лев Николаевич прибегал к такому сравнению: людям кажется, что маленькая доза дурманящего вещества безвредна. Это такая же ошибка, как считать, что часам вредно, если их ударить о камень, а вот если положить соринку в середину механизма, то это, мол, не повредит им.

Не знаю, может быть, это и впрямь сегодня трудно — понять, что нравственные воззрения наших великих предшественников — это их личные, болевые чувства, их выводы — иногда остро самокритичные — из своего опыта и своих наблюдений. Не помню, как это было со мной в семнадцать лет. Но сейчас отчетливо понимаю, что такие слова — менее всего назидания, нравоучения, нотации. Они исповедальные признания современникам и потомкам. Признания, рассчитанные на взаимопонимание, на доверие.

Отказ от старой мерзости — пьянства, оказывается, непрост. Змеиные шкуры вредных обываев не умеют расти. Сковывают они и рост человека, если он добровольно (или по принуждению) напялил их на себя.

Однажды довелось прочесть в сочинении одной десятиклассницы из поволжского города Лыскова очень интересные слова о Пушкине, не сказанные о нем ни одним исследователем. «Он не знал противоречия между гражданским долгом и личным чувством, — написала эта семнадцатилетняя школьница. — Гражданственность была его личным чувством». Может быть, литературоведы и скажут, что не так все гладко было у поэта на самом деле. Может быть, они предложат другую редакцию той же идеи: гражданственность стала его личным чувством. Нам сейчас важно согла-

ситься в одном: магистральное направление индивидуального развития, формула человеческого возмужания, сбрасывания змеиных шкур старых привычек, сковывающих движение, именно в том, чтобы **гражданственность** становилась личным пристрастием. Чтобы душа болела за Всево-Человека. Притом не абстрактно, не как за некое прекрасное существо без рода и племени, а за того Всево-Человека, который есть в каждом хотя бы в зачатке.

И очень хорошо, что девушки и юноши «из подъездов» тоже не чужды этого нравственного процесса. Возьмем ту же Наташу С. из Иркутска. Ей ведь тоже не дает покоя — по-своему, конечно, — идея гражданственности. Хотя бы в таком ее признании: «Уйти я не могу, ведь это значит бросить в беде и отвернуться от друзей». По-моему, это небезразличие к ближайшим друзьям — росток, из которого может вырасти беспокойство и даже забота не только о ближайших, но и о дальних, о всем своем поколении. А, может быть, и о будущих? Как у 16-летней Иры С. из Ростова-на-Дону, которая пишет: «Сидим мы в подъездах: курим, пьем, сквернословим — ну, в общем, развлекаемся. И нам это нравится... Но нам не хочется, чтобы сегодняшние малыши в нашем возрасте (а то и раньше) вели такой образ жизни!!!»

Нетрудно увидеть в этом письме-признании резкие противоречия — наверное, весьма болезненные прежде всего для самой Иры и ее друзей, подруг. Ну разве поверит читатель в «нам это нравится», когда прочтет «нам не хочется»? Но, с другой стороны, поверит ли до конца и тому, что действительно хочется? Я, впрочем, верю, но с одной оговоркой: стремлению этому очень скоро может прийти конец, если долго бить фельдьегерским кулачищем вина по своему сознанию. Расхочется! Более того, может наступить момент, когда сама Ира (уже Ирина или Ирина Петровна) поднесет рюмку своему 10—12-летнему ребенку, и не ощутит к нему сострадания, и уже не напишет в «Смену» кричащую самокритичную фразу с тремя восклицательными знаками в конце. Возможно такое? Возможно!!! Я ставлю те же самые три восклицательных знака: давно занимаюсь алкогольной проблемой, слишком много я знаю таких судеб.

Прав Сергей Толоконников из Воронежа: «...Хотеть долго нельзя — надо действовать практически». Сам Сергей сбросил змеиную шкуру «злостной привычки благодаря только силе воли, твердости характера и жесткой самодисциплине». Так же решительно разделился с этим пороком Светлана К. из города Новогрудок Белорусской ССР, молодые солдаты Валерий Бартев и Николай Луханин, Владимир Зеленак из Черниговской области, уже названные выше Сергей Осташов и Николай Флусов, а также другие написавшие в редакцию молодые читатели.

Этот пример очень важен и дорог. Он, я думаю, может помочь и Наташе С. разрешить ее сомнения, есть ли смысл самой бросить пить и говорить друзьям «из подъезда»: «Не пейте!» Конечно, Наташа права в том, что о вреде алкоголя и о возможных плохих последствиях питья ее друзья и подруги знают. Но одно дело — только знать и только говорить, и другое — живой пример. Особенно, если это коллективный пример, как в случае с обществом трезвости, организованным Львом Николаевичем Толстым.

Несколько лет назад я встречался в Нижнем Тагиле с юношами из шоферского ПТУ, организовавшими клуб трезвости «Самообладание». Такие клубы есть сейчас во многих городах — мне, например, известны киевские и днепрпетровские. А недавно получил газетную вырезку из Прибалтики, в которой рассказано о том, как шесть юношей и пять девушек одного класса 41-й рижской школы вступили в городской клуб трезвости «Аметист». Десятиклассница И. Калея так комментирует это решение: «У нас одна цель — категорический отказ от алкоголя. Мы хотим обладать глубокими знаниями о вредном влиянии алкоголя и пропагандировать их, хотим интересно, а значит, без спиртного проводить свободное время». Обратите внимание на сходство с манифестом Л. Н. Толстого. Этот рассказ очень хорошо кончается: «Теперь мы должны выйти к ровесникам, чтобы своей работой несли пользу обществу».

Так личная антипатия к алкоголю превращается в гражданскую позицию, гражданское действие. Вот так бы поступить и Наташе С., и Ире С., и всем прочим.

Александр ГРЕКОВ

З

агорск — бывший Сергиевский посад — один из древнейших городов Подмосковья. Бережно хранит он доставшиеся ему от предков художественные традиции, заложенные еще Андреем Рублевым и резчиком-миниатюристом Амвросием, первыми игрушечниками Фигуркой и Татыгой, многими безвестными народными мастерами.

В конце прошлого века появились в Сергиевском посаде мастера изобразительного искусства, всколыхнувшие культурную жизнь тихого провинциального городка. В 1914 году они устроили первую художественную выставку, послужившую толчком для образования Троице-Сергиевского художественного общества.

Именно деятельность этой творческой организации стала первым кирпичиком, положенным в основание ныне одной из крупнейших в Подмосковье художественно-производственной мастерской. Недавно она отметила свое 40-летие двумя экспозициями, одна из которых — «Художники Загорска» — в начале нынешнего года была размещена в Выставочном зале Московской областной организации Союза художников РСФСР, а другая — «40 лет Загорской художественно-производственной мастерской» — еще и сейчас открыта в помещении Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника.

Я хочу рассказать о судьбах лишь двух местных художников, но в них, как в зеркале, отражение судеб многих и многих их сверстников — загорских мастеров...

Есть в центре старого Загорска небольшая улочка с названием «Пушкарская». Застроенная одно-двухэтажными деревянными домами, она начинается у стены, окружающей бывший Пафнутьевский сад (ныне городской парк культуры и отдыха), и спускается к древнему Келарскому пруду. Еще в первой половине XVII века после осады Троице-Сергиева монастыря польско-литовскими войсками здесь стали селиться пушкарки, давшие название подмонастырской слободе, с 1782 года превратившейся в одну из первых улиц Сергиевского посада.

Спустя столетие на этой улице родился Сергей Иванович Пичугин (1881—1971), имя которого хорошо известно многим любителям живописи.

Сергей Пичугин унаследовал любовь к творчеству от отца — потомственного резчика по дереву. Прочувшись в лаврской иконописной мастерской, он в 1903 году поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Но учеба затянулась на долгие годы (вскоре после поступления его мобилизуют в армию, из которой он возвращается только в 1907 году). К. А. Коровин, С. В. Малютин, С. В. Иванов, — строгие и взыскательные учителя — помогли юноше найти путь в искусстве, выработать свой творческий почерк.

Уже первые работы Пичугина говорят о большом таланте живописца. И среди них — законченный этюд натурщицы («За чаем») для созданного тогда же живописного полотна. За несколько нарочитой постановкой фигуры чувствуется упорная работа мастера над решением сложных композиционных задач.

Октябрьская революция заставила художника по-иному взглянуть на проблемы художественного творчества, определить свое место в ряду советских мастеров изобразительного искусства. В 1918 году он вступает в Красную Армию. Офор-

ЛИЦА СТАРОГО ГОРОДА

мленные им агитпоезда «Красный казак», «Октябрьская революция», «Имени Ленина» прошли не одну сотню километров по железным дорогам молодой Республики Советов...

Особое место в творчестве мастера занимают пейзаж, зарисовки тихого провинциального Сергиевского посада. Еще в 1914 году мастер создает небольшое по размерам полотно «Засохшая бере-

за», лиричное произведение, соединившее архитектурный пейзаж древнего монастыря с окружающей его городской средой. В том же лирическом ключе решена написанная тогда же картина «Весна на Пушкарской улице», полная теплоты и сердечной задушевности.

...До последней своей минуты не выпускал художник из рук кисти. Его полотна украшают

собrania многих музеев в нашей стране и за рубежом. Сергея Пичугина помнят и любят земляки и все те, кому его творчество доставило хоть несколько минут подлинной радости от соприкосновения с настоящим искусством.

Счастливо сложилась творческая биография и другого загорского художника — Виктора Федоровича Мея. Он прожил долгую и красивую жизнь.

...Передо мной старая, пожелтевшая от времени тетрадь, на страницах которой художник делал заметки о своем творчестве, восстанавливая названия работ, годы их создания, участия в выставках, то есть те «каталожные» данные, которых порой не хватает современному исследователю, обращающемуся к творчеству уже ушедшего мастера. Листаю страницы документов... Родился в Смоленской губернии в 1888 году в семье железнодорожного служащего — уроженца Латвии Фридриха Мея. Затем в 1906 году переезд в Подмоскowie, в тогдашний Сергиевский посад, и учеба в местной гимназии.

В. МЕЙ. ДЕВУШКА С БРОШКОЙ.

Потом были годы учения в Строгановском художественно-промышленном училище и участие в выставках, на которые его стали приглашать еще с 1910 года — в основном в галерее Лемерсье на Петровке и залах Строгановского училища. На одном из таких вернисажей учитель Мей Д. А. Щербиновский представил его И. Е. Репину как своего лучшего ученика.

Еще в годы учения в Строгановском училище художник увлекся графикой и среди всех графи-

С. ПИЧУГИН. ВЕСНА НА ПУШКАРСКОЙ УЛИЦЕ.

В. МЕЙ. ЛАВРА.

В. МЕЙ. АВТОПОРТРЕТ.

ческих техник выбрал самую сложную и интересную — рисунок: карандашом, углем, сангиной, но особенно — пастелью. Его ранние пастели еще несколько манерны, но глубоко искренни и проникновенны. Освоенная мастером техника рисунка отточена и отработана до мелочей. Наиболее ярко эти черты проявились в автопортрете 1913 года и более позднем портрете жены «Девушка с брошкой».

В 1920-е годы пришло к художнику и подлинное увлечение станковой живописью. Именно в эти годы создает Мей свои лучшие живописные полотна, и среди них едва ли не центральное место занимает «Автопортрет», передающий обобщенный образ представителя новой советской художественной интеллигенции, образ, наполненный революционной романтикой и высоким гражданским пафосом. Это произведение живописца наряду с другими его работами не раз входило в экспозиции местных и столичных выставок, привлекая внимание публики и критики.

Более двадцати каталогов — свидетельства творческой биографии мастера. Вот и знакомый многим каталог восьмой выставки картин и скульптуры Ассоциации художников революционной России («Жизнь и быт народов СССР») 1926 года, в экспозиции которой Мей был представлен небольшим графическим этюдом мужской головы, отмеченным мощной пластикой формы и смелым композиционным решением.

Здесь же каталоги 1930—1960-х годов. В них указаны десятки работ этого времени. Сохранились единицы... Но где же остальные? Закуплены с выставок, погибли? Скорее всего и то и другое.

Художник ушел из жизни совсем недавно, в 1975 году. Он был нашим современником. Но, живший одиноко, он не оставил наследников. И лишь по счастливой случайности благодаря самоотверженности энтузиастов была сохранена часть его творческого наследия.

В 1982 году в залах Загорского музея-заповедника была открыта выставка «Художественная жизнь города Сергиева. 1920 — начало 1930-х гг.». Она помогла выявить истоки местных культурных традиций, вновь открыла забытые и малоизвестные имена загорских мастеров. Среди них братья Владимир и Василий Соколовы, Михаил Боскин и Иван Овешков, Владимир Комаровский и Никита Фаворский, Майя Ломакина и Алексей Петров и теперь уже знакомые читателям Сергей Пичугин и Виктор Мей...

Их творчество — живая нить, связующая первые шаги культуры Загорска с современной художественной традицией. И, ясно осозная это, Загорский музей-заповедник взял на себя коллекционирование произведений местных живописцев и графиков, а также работ художников, посвященных Загорску.

Не так давно поступили в музей и некоторые произведения В. Мея и С. Пичугина, обретшие наконец свое постоянное пристанище...

Испытание для совести?

Если уж писать в журнал, так о том, что действительно волнует, что не дает покоя. Мне не дает покоя — и уже давно — вот что...

Поверьте, я не такой закоренелый и неисправимый пессимист, но когда у нас на предприятии стали создавать бригады и применять КТУ (коэффициент трудового участия) при определении заработка, я не поверил в успех этого дела с самого начала. Почему? Да потому, что видел: делается это все формально. Что нужно это отделу труда и зарплаты для красивых отчетов. Поставили, где нужно, галочку — и хорошо. А какой за этим толк, уже никого не волнует. Причины неуспеха не только в этом, можно было бы назвать и другие, но сейчас меня больше волнует иное...

Я никак не мог предположить, что внедрение КТУ повлечет за собой взрыв аморальных настроений! Да-да,

не удивляйтесь, именно так: аморальных и безнравственных.

Как же это назвать иначе? Ведь теперь в бригадах стали радоваться... нарушителям. Почему? Да потому что, чем больше в бригаде нарушителей, тем большие премии получают остальные. Так сказать, добросовестные работники. И бороться с нарушителями — значит лишать себя одной-другой десятки премии, а то и больше... Кому это нужно?

И теперь назвать тех, кто сам дисциплину не нарушает, но нарушениям других про себя радуется, добросовестными работниками я никак не могу. Где же тут совесть? Да еще добрая? Меня теперь, наверное, и не удивит, если я вдруг узнаю, что «положительные» члены бригады могли остановить нарушителя дисциплины, но не сделали этого. Ведь им же теперь поступать так невыгодно.

Я часто слышал и читал: ввели КТУ — и положение сразу изменилось к лучшему. А у нас вон как оно повернулось... И вот я теперь думаю: а как все же у других обстоит дело с КТУ? И почему у нас коэффициент обернулся такой неприятной стороной? То ли потому, что с ним иначе и нельзя? То ли потому, что мы попросту не умеем его правильно применять? Интересно, что думают по этому вопросу специалисты, которые занимались его изучением?

Все это так встревожило меня именно сейчас потому, что у нас на предприятии начинают внедрять бригадный подряд. Если делаться все будет формально, если за этим не будет точного знания, как и что делать, не обернется ли и это «внедрение» моральными и нравственными потерями?

П. АНДРЕЕВ, Татарская АССР

ИСКАТЬ

Борис КУТЫРЕВ,
кандидат
экономических наук

СОГЛАСИЕ В БРИГ

В трудовых коллективах совместный труд осуществляется на началах товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, обеспечивается единство государственных, общественных и личных интересов, утверждается принцип ответственности каждого перед коллективом и коллектива за каждого работника.

Из Закона СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями

В цех топливной аппаратуры моторостроительного объединения перешел с другого завода молодой рабочий — старательный, физически крепкий парень. Он недавно демобилизовался из армии, так что с дисциплиной был в ладах. Приняли его, разумеется, с удовольствием. Но всех съедало любопытство: почему молодой рабочий променял предприятие, считающееся в городе более привлекательным, на другое, куда идут с меньшей охотой?

А парень просил лишь об одном: готов работать на совесть, могу сделать многое, только... не посылайте в бригаду.

В конце концов выяснилось: на прежнем заводе новичок попал в бригаду, где ему выделяли самую тяжелую, «невыгодную» работу, а коэффициент трудового участия (КТУ) выставляли самый низкий. Человеку заработать надо, обеспечивать семью, он старается, а заработок ниже, чем у остальных. «Потрудись с наше», — говорили ему коллеги, — тогда и получишь, как мы».

Парень и пришел к выводу: бригада — это плохо. КТУ — это плохо. Работай индивидуально — все будет зависеть только от тебя самого. В бригаде же надо «обрабатывать» других. Поиски предприятия, где нет бригадных форм организации и стимулирования труда, где не применяют КТУ, и привели его к моторостроителю.

Случай, к сожалению, не единичный. Еще многим не ясна цель перехода с индивидуальной сдельной формы труда на бригадную. Еще многие доказывают, что индивидуальная сдельщина дает большую эффективность, бригады же создаются только для выполнения плана по «охвату» бригадной формой. Приводят немало «технико-экономических и социальных обоснований» того, что эта форма не подходит для одного, другого, третьего производства, что неприемлема она, к примеру, для слесарей-ремонтников или для агентов Госстраха и т. п.

Разработана и встречается в литературе даже такая классификация уча-

стков производства: первая группа — где применимы только бригадные формы; вторая группа — и бригадные и индивидуальные; третья группа — применима только индивидуальная форма. Отсюда, объясняют сторонники этой классификации, и конфликты: министерство или ведомство наметило перевод в бригады к концу текущей пятилетки девяносто процентов рабочих, а у нас на участках первой и второй групп — всего семьдесят. Как быть?

Названные примеры объединяет одно: явное непонимание целей бригадной формы организации и стимулирования труда.

На курсах, семинарах и конференциях, посвященных данной теме, я каждый раз предлагал слушателям перечислить пять проблем, решить которые призваны бригадные формы труда. Тут же проводился анализ. Как правило, называется до полутора десятков проблем. Чаще всего такие: низкие темпы роста производительности труда, неудовлетворительное качество продукции, высокая текучесть кадров, слабая трудовая дисциплина, разделение работ на «выгодные» и «невыгодные». И только в ходе последующего совместного обсуждения мы приходили к выводу: эти проблемы важны, решать их необходимо. Но существует главная проблема, которую и призваны решить именно бригадные формы труда.

Давайте рассудим. Социалистическое общество — коллективистское, производственные отношения в нем обусловлены общественной собственностью на средства производства. Но если труд организован индивидуально, значит, его форма противоречит характеру производственных отношений. В свое время К. Маркс писал, что индивидуальная сдельщина создает конкуренцию между рабочими. В наших условиях элементы такой конкуренции выражаются в разделении работ на «выгодные» и «невыгодные». Кто получает «выгодные» работы? Кто сильнее, опытнее, у кого есть «связи». Между ним и остальными может и не быть коллективистских, товарищеских взаимоотношений.

Когда труд организован по индивиду-

алистскому принципу, возникает много отрицательных процессов как на производстве, так и вне его. На работе — незаинтересованность в конечном результате, в повышении качества продукции, в экономии; дома — нездоровое стремление к накоплению материальных благ.

Расстояние между «моим» и «нашим» велико. Пройти его, выявить все взаимосвязи на этом пути, чтобы выяснить, например, что потеряю я лично, если не подниму валяющуюся на полу в цехе годную деталь, может быть, отдельному человеку попросту не под силу.

И вот здесь формированию коллективистского сознания и поведения призваны помочь бригадные формы организации и стимулирования труда. Это — промежуточное звено между «моим» и «нашим», позволяющее каждому больше разбираться в прямых и обратных связях, лучше чувствовать общие цели и заботы, соизмерять их с личными устремлениями и проблемами, преодолевать привычку действовать по принципу «каждый за себя».

Вот сейчас можно ответить и на вопросы, которые задает в своем письме П. Андреев, которые приводились в начале статьи.

Не подходит бригада для данного участка по условиям производства? Следует изменить эти условия. Не дает повышения производительности труда по сравнению с индивидуальной сдельщиной? Надо упорнее искать резервы повышения. Молодой рабочий ушел из бригады? Значит, в ней не было создано атмосферы коллективизма. И ни в коей мере не значит, что бригада не нужна вообще.

Сейчас вошло в привычку говорить, что бригадная форма вводится сегодня

в связи с требованиями научно-технического прогресса. Но давайте поразмыслим. Разве бригады не существовали много лет назад? Или что, работающие пока вручную недостойны трудиться коллективно и коллективистски? И если бригада не дает скачка в росте производительности труда, разве индивидуальная сдельщина должна сохраниться? Почему в бригады объединяются только рабочие, разве проблема разрыва, противоречия, которая уже называлась, не касается инженерно-технических работников, служащих, руководителей?

Нельзя не обратить внимание на такую закономерность. За всю историю развития нашего народного хозяйства индивидуальная и бригадная формы труда попеременно сменяли друг друга (не считая, конечно, некоторых отраслей, к примеру, металлургии, где всегда существовали бригады). В первые годы Советской власти с помощью индивидуальной сдельщины удалось повысить производительность труда, укрепить трудовую дисциплину. В конце 20-х годов ширится движение за бригады, затем оно уступает стахановскому движению. В годы войны и после нее — вновь подъем бригадной организации, за которым идет спад. Четверть века назад создаются бригады коммунистического труда, существует и «индивидуалка». Наконец, развертывается нынешняя «коллективизация».

Чем вызваны такие колебания? Многие объясняют их цепкостью, устойчивостью, мощью индивидуальной сдельщины. Отчасти это верно. Но полнее и правильнее иное объяснение: формы работы меняются после того, как перестают приносить желаемый рост производительности труда. Пришедшие им на

смену дают некоторый скачок, затем их возможности исчерпываются и происходит очередная замена. Так, кстати, нередко получается и сегодня: введение бригад приводит к разовому повышению производительности труда, а затем начинают поговаривать о преимуществах более привычной «индивидуалки».

Наблюдения показывают примерно такую картину: двигаясь от «берега» индивидуальной формы к «берегу» бригадной, предприятия промышленности миновали середину «реки». Но единства в «переправе» нет. Отдельные предприятия, например, АвтоВАЗ, Калужский турбинный завод, высадились и прочно закрепились на «берегу» бригадной организации. Часть уверенно приближается к ним. Но немало раздумывающих: не повернуть ли обратно? Есть случаи, когда падает производительность труда, то есть идея «коллективизации» «тонет».

На мой взгляд, нельзя жертвовать коллективизмом ради незначительных экономических эффектов, мизерных процентов. Надо постоянно сохранять коллективные формы труда, находя возможности экономического роста только внутри нее одной и ни в коем случае не отказываясь от коллективизма, не скатываясь к индивидуализации.

Если укрепится коллективизм, то, уверен, будут решаться и все остальные проблемы.

Теперь можно обратиться к терминологии. Бригада — одна из **коллективных форм** организации и стимулирования труда (КФОСТ). Известны другие разновидности КФОСТ: звенья, участковые подряды, так называемые сквозные бригады. Вводится, допустим, в бригаду новичок. Ему выделяют индивидуальный наряд, не допускают пока к распределению по КТУ, хотя номинально при-

Конечно, предлагаю я, созданию истинно социалистического коллективизма.

На одном из новосибирских заводов по поводу такой формулировки возникает расхождение с мнением директора. «Нет, — говорит он, — неверно. Цель — повышение эффективности производства». Я набираю запас воздуха в легкие, чтобы подробно выложить свою точку зрения, но не успеваю — директор продолжает: «Впрочем, вы правы. Целью программы социального развития завода мы сами поставили создание коллектива единомышленников. Создадим коллектив — решим и экономические задачи. Теперь понимаю: то же нужно делать в отношении бригад».

Формирование социалистического коллективизма на практике означает изменение, перестройку, реконструкцию, совершенствование, улучшение всех сторон жизнедеятельности коллектива — выпускаемой продукции, техники, технологии, экономики, управления, организации, правовых положений, социальных отношений. В решениях партии постоянно подчеркивается необходимость подобной кардинальной перестройки, недопустимость формализма, который заключается в разрозненных организационных акциях.

Хочу пояснить суть кардинальных преобразований. Общее для них в том, что существует противоречие между характером производства и требованиями коллективной формы труда. Взять, к примеру, технику — машины, станки, аппараты, приборы, инструмент. Чаще всего они уже конструктивно настроены на использование при индивидуальных формах. Станок, за которым способен работать лишь один рабочий со всего участка, не ориентирован на КФОСТ, на совмещение профессий.

При «индивидуалке» инструмент принято подгонять для себя, а уходя с работы — прятать от других. В бригаде же надо, чтобы инструмент был всегда на месте и подходил любому, кто придет работать на это место. Допустим, обычно здесь занят рабочий ростом под два метра, молоток у него что кувалда. Заболел он — на его место пришел другой рабочий, молоток едва поднимает. Как быть? Очевидно, молоток должен быть адаптируемым — съемная, отвинчивающаяся ручка и т. п. Подобных примеров необходимости перестройки техники производства можно привести массу.

Больше всего возражений приходится слышать, когда говоришь, что надо изменить выпускаемую продукцию, иначе коллективизма не достигнуть. Нельзя изменить, объясняют мне, ведь это компетенция вышестоящих органов. Отвечаю, ссылаясь на немногочисленные пока примеры: на Калужском турбинном заводе трижды изменяли конструкцию изделия, причем не только для улучшения его качества, но главным образом для того, чтобы турбина собиралась из блоков, изготовленных именно бригадами. Говорят так: «Этот дом строил я». Коллективизм же отражается в выражении: «Этот блок изготовлен нашей бригадой». «Я» в этом «наше» как бы растворяется, хотя и присутствует.

Через призму коллективизма четко просматривается необходимость перестройки управления на предприятии. КФОСТ — это новое положение производственного мастера. Сегодня он «сержант» индустрии, его заработная плата, как правило, ниже, чем у подчиненных ему рабочих. Бригадная форма позволяет мастеру посвятить себя управлению и воспитанию в смене, на участке. Тогда бы и «погоны» ему «прапорщические» и оклад повыше. Мастеров стало бы меньше, но их позиция упрочилась бы.

Вот мы изменили положение мастера, а дальше? Ведь он подравнивается с начальником цеха по функциям и зарплате. Следовательно, надо изменить положение и начальника цеха, руководителей следующих за ним рангов. Преобразования, одним словом, требуются масштабные. Структура управления на предприятии представляется мне сле-

дующей: бригадир — начальник группы бригад — начальник комплекса групп бригад — начальник соединения комплексов групп бригад.

Она была бы единой, логичной, строилась по одному признаку — коллективизму. Прообраз подобной иерархии дают неформальные структуры: бригадир — совет бригады — советы бригадиров участка, цеха, завода, объединения.

Судя по печати, по наблюдениям, важнейший элемент преобразования управления — включение или подключение ИТР и служащих к бригадам рабочих. Опыт дает несколько форм: инженер входит в бригаду, постоянно приглашается ею на определенный срок для выполнения какой-либо работы по договору, его оплата ставится в зависимости от результатов деятельности бригады или цепочки бригад и т. п.

Из многих аспектов я остановился бы на одном. Среди рабочих, да и не только среди них, существует мнение: введи технолога в бригаду, и он будет отбирать зарплату у рабочих, черпать из их «котла». Вопрос, однако, в том, кто у кого будет черпать? Технолог помог бригаде заработать, например, дополнительно триста рублей, сам получив при этом 50. Если в бригаде десять рабочих, они могут сказать: технолог взял у них по пятерке. Но надо понять другое — без технолога они не получили бы дополнительно по 25 рублей.

Еще один конфликт. Мастер приказывает бригадире наказать рабочего, а тот отмахивается от него! «Где права, данные бригаде?» — спрашивает он. Мастер не хочет отдавать бригаде никаких прав, он предпочитает управлять по старому: приказывать, причем каждому рабочему в отдельности. Но ведь положение при бригадах меняется. Если ты накричал на подчиненного, работающего индивидуально, он, может, и смолчит. А когда подчиненный уже не один, ты накричишь на весь коллектив. Толку от этого мало, тебе самому — вред. Значит, переучивайся, овладей новым стилем управления — через коллектив.

Я не смог бы описать и малую толику требуемых преобразований из-за недостатка места. Но обойти перестройку оплаты труда нельзя. Этот момент, если судить по практике, один из сложнейших. Взять хотя бы процедуру выдачи заработной платы. Чаще всего бригада зарабатывает совместно, а в кассу идут поодиночке. Целесообразнее же всего выдавать бригаде валовую, без вычетов сумму, которая будет распределена в торжественной обстановке. Затем бухгалтерия получит сведения о доле каждого и вычит из нее налоги.

Наибольшие возражения вызывает механизм распределения по КТУ — коэффициенту трудового участия. Конечно, и само название неточно. КТУ назначается не только за трудовое, но и за иное участие. Правильнее было бы называть его КСУ — коэффициент социального участия. Это более широкое понятие.

Обратимся к практике. На некоторых швейных предприятиях провели переключку многотиражных газет. Вот какой вопрос интересовал всех: как поощрить отличившегося, если в бригаде не оказалось нарушителей? Налицо наглядная характеристика неправильного действия механизма КТУ. Выходит, распределение идет по принципу: у одного берут, другому отдают? Если нет оснований взять у одного, то нечего дать другому? А поощрить надо.

Разберемся в ситуации подробнее. У четырех рабочих в начале месяца одинаковые баллы — по 1. В конце месяца им надо разделить между собой 200 рублей. Баллы при этом складываются так: соответственно 1,2, 0,8, 1,1 и 0,9.

— Зарабатывают вместе, — говорил мне бригадир из Саяногорска, — а распределяют — кто у кого возьмет. Как волки зимой. Так что П. Андреев в своих

наблюдениях не одинок. Сколько встречалось случаев, когда бригаде выгодно, чтобы у нее был прогульщик: его минусы — плюсы остальных. Мы считаем — бригада заинтересована в укреплении трудовой дисциплины. А выходит наоборот. Под прикрытием бригадной формы процветает индивидуализм. Или если не индивидуализм, то групповщина. Вот так же отнимали баллы у молодого рабочего, с которого мы начали разговор, в прежнем его заводе.

Каковы изъяны в существующем механизме оценки по КТУ? Не всегда справедливое распределение заработка. Наличие понижающих баллов, которые равнозначны штрафам. Между тем принцип оплаты при социализме — по труду, по вкладу, но не по штрафу, по вычету. К сожалению, в заводских положениях по организации оплаты принцип штрафов имеет широкое хождение. Как иначе назвать «депремирование», «лишение премии»? Вместо того, чтобы формулировать: «Вы заслужили премию 50 процентов», в приказе записывается: «Лишить премии на 50 процентов». В таком случае не следует удивляться тому, что премия считается обязательной частью заработка, а ее невыплата или снижение — наказанием, хотя человек ничего не нарушал, может, только сделал работу средне.

Как же правильно распределять по КСУ? Чтобы не отбирали друг у друга. Чтобы каждый, стремясь увеличить свою долю, способствовал увеличению общего заработка. Чтобы не было штрафов. Можно привести для сравнения систему оценок на соревнованиях гимнастов. Там нет штрафов: сколько заработал — столько поставят. Оценка 9,8, например, складывается не методом «депремирования» из максимальной оценки 10,0 двух десятых балла, а именно складывается: к исходному «тарифу» 9,0 приплюсовываются 0,3 за сложность, 0,3 за виртуозность, 0,2 за изящество. Если даже гимнаст упал, с него не «снимают», как утверждает комментатор, полбалла, а недодают, потому что не заслужил. Наконец, если одному недостает до титула чемпиона мира пять сотых балла, он не возьмет их у товарища, зато, если постарается для себя, увеличит шансы всей своей команды на победу.

Единственное, что отпугивает практиков предлагаемой системы распределения по КСУ, — сложность. Но что лучше — сложная справедливость или простая несправедливость?

В заключение — один важный сюжет, который я назвал бы хождением по наукам. На конференции в Челябинске начальник одного из цехов Ясиновского коксохимзавода, что в Макеевке, рассказал, как он обошел несколько отраслевых и академических НИИ с просьбой ответить на ряд вопросов по коллективным формам труда. И везде получал отказ: этой темой не занимаемся. И вот практикам остается полагаться на опыт других. Что такое опыт других? ВАЗ? Многим «не подходит». Калужский турбинный завод? И здесь, дескать, своя «неповторимая» специфика. Тот же опыт, который все же заимствуют, порой не приносит пользы.

До сих пор на разные вопросы введения новых и реконструкции существующих коллективных форм труда у меня находились какие-то ответы — верные или спорные. Но проблемы «коллективизации» столь серьезны, что требуют не разрозненных усилий, а подключения всей мощи нашей науки. Пока она мало занимается коллективными формами труда. Вместе с тем нельзя все надежды возлагать только на ученых. На трудовой коллектив, закон о котором всенародно обсужден и принят, должны быть ориентированы все службы предприятий, работа общественных организаций, в том числе и комсомольских. Ведь жизнь трудового коллектива — это проблемы и экономические, и социальные, и нравственные. Они касаются каждого из нас.

АДЕ

числяют к коллективу. Следовательно, мы имеем дело уже не с бригадой, а с какой-то особой коллективной формой. Как ее назвать?

Бывает, в бригаду новичка включают лишь условно, проверяют. Та же история, что и в предыдущем случае: специфическая КФОСТ без названия.

Стоит ли уточнять названия, скажут мне, так ли уж это важно? Очень даже стоит. Бригада, как одна из КФОСТ, может в самом деле не подходить к условиям производства, зато применима другая форма, но обязательно коллективная.

Так, в пусконаладочном управлении на разные объекты посылают группы с меняющейся численностью, бригады тут не создашь. Но можно предложить такой вариант: образуем «ядра» по 20 человек, то есть минимальной численности группы, и добираем всякий раз требуемое число «электронов» — кто входит в «ядра», кто «кочует» по их «орбитам» в роли «электронов» и «протонов». На таком основании происходит перемещение — все это предусматривается в специальном положении, в котором есть и система отбора по конкурсу. Соревнование не противоречит, не может противоречить коллективизму...

Как все эти теоретические соображения увязать с практикой введения новых и реконструкции существующих КФОСТ? Один из моментов увязки иллюстрируется на примере разработки целевой комплексной программы «Бригада» (такая программа составлялась при моем участии, в частности, в производственном объединении «Павлодарский тракторный завод»). Первый вопрос, на который требуется ответить, — какой генеральной цели должны служить все мероприятия программы?

Николай НЕПОМНЯЩИЙ

Жители Сахары придумали для него много ласковых имен, воспели его в легендах и сказках. Арабская поговорка гласит: «Аллах создал человека из глины. После содеянного у него осталось два куска. Из одного он сотворил верблюда, из другого — финиковую пальму».

Удивительное это животное — верблюд. настолько своеобразное, что ученые сравнительно недавно выделили его вместе с ламой в отдельный отряд мозолоногих. Действительно, копыт у него нет, а есть толстые мозолистые «башмаки», в которых очень удобно

ходить по щебню и песку, не обжигаясь и не проваливаясь. Мозоли у верблюда не только на подошвах, но и на груди, коленях. Густые шерсть и грива спасают от жары и холода. Особые мышцы закрывают ноздри во время песчаных бурь. Глаза прикрыты густыми и длинными ресницами. Словом, настоящий «корабль пустыни» — и пассажирский и грузовой. Может переносить деревянные бруски, мешки с хлопком, зерном до 250 килограммов весом.

Но и это еще не все... Солиден список продуктов, связанных с верблюдоводством, этой важнейшей для юга нашей страны отраслью животноводства. Верблюд дает и неплохое мясо и молоко, из которого делают масло, освежающие напитки, сыр. Молоко темнее коровьего, более сладкое и жирное, шерсть животного крепче овечьей. В Туркмении из нее с давних пор вяжут варежки, свитеры, шьют мужские хала-

ты, ею набивают подушки, используют для изготовления парадных ковров.

Верблюдоводство — отрасль выгодная, ведь животные эти неприхотливы, отлично приспособлены к жизни в пустыне. Вот хотя бы один пример в пользу «горбатого совершенства». Пасущиеся козы вырывают траву с корнями, что называется, подчистую. Овца долго топчется на месте, нарушает верхний, плодородный слой почвы. У верблюдов же пяткоступы мягкие, широкие, пасутся животные в одиночку, обрывают растения на ходу, не полностью. А рацион их разнообразен — включает большинство видов пустынной флоры Средней Азии. Причем часто это такие растения, которые другие животные не едят вовсе.

Рот у верблюда «бронированный», выслан ороговым эпителием. Мощные зубы разжуют любую колючку. Что

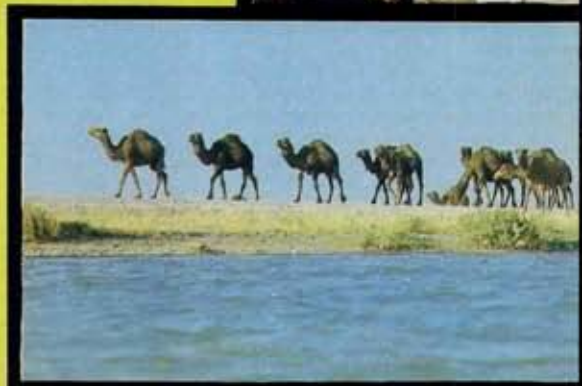
же касается воды, которую «корабль пустыни» пьет редко, то тут замечательных особенностей у него еще больше. Температура тела животного колеблется от 34 градусов ночью до 40 днем — только тогда оно и потеет. В жару он может потерять десятки литров воды и не умрет от жажды, а потеряет в весе. Но зато потом восполнит его — за десять минут выпьет до 130 литров. Впитает воду всеми тканями тела. Горб его тоже не украшение, в нем откладывается жир, который затем окисляется и также выделяет воду.

У нас в стране верблюдоводство развито в Средней Азии, Южном Поволжье и Казахстане. Одно из крупнейших хозяйств отрасли — государственный племенной верблюдоводческий завод Сакар-Чага в Марыйской области Туркмении. Здесь содержится более полутора тысяч дромадеров (одногогорбых верблюдов) породы арвана, да еще в частном владении каждой семьи по одному или два. В среднем от верблюда здесь надаивают до 6 литров молока в день.

Советскими учеными ведутся работы по гибридизации одногогорбых и двухгорбых верблюдов. Полученное потомство называют нары...

Фото
Игоря
КОНСТАНТИНОВА

МАСЛО, СЫР,
ОСВЕЖАЮЩИЕ НАПИТКИ —
ШИРОК АССОРТИМЕНТ
ПРОДУКТОВ,
ИЗГОТОВЛЯЕМЫХ
ИЗ МОЛОКА ВЕРБЛЮДИЦЫ.

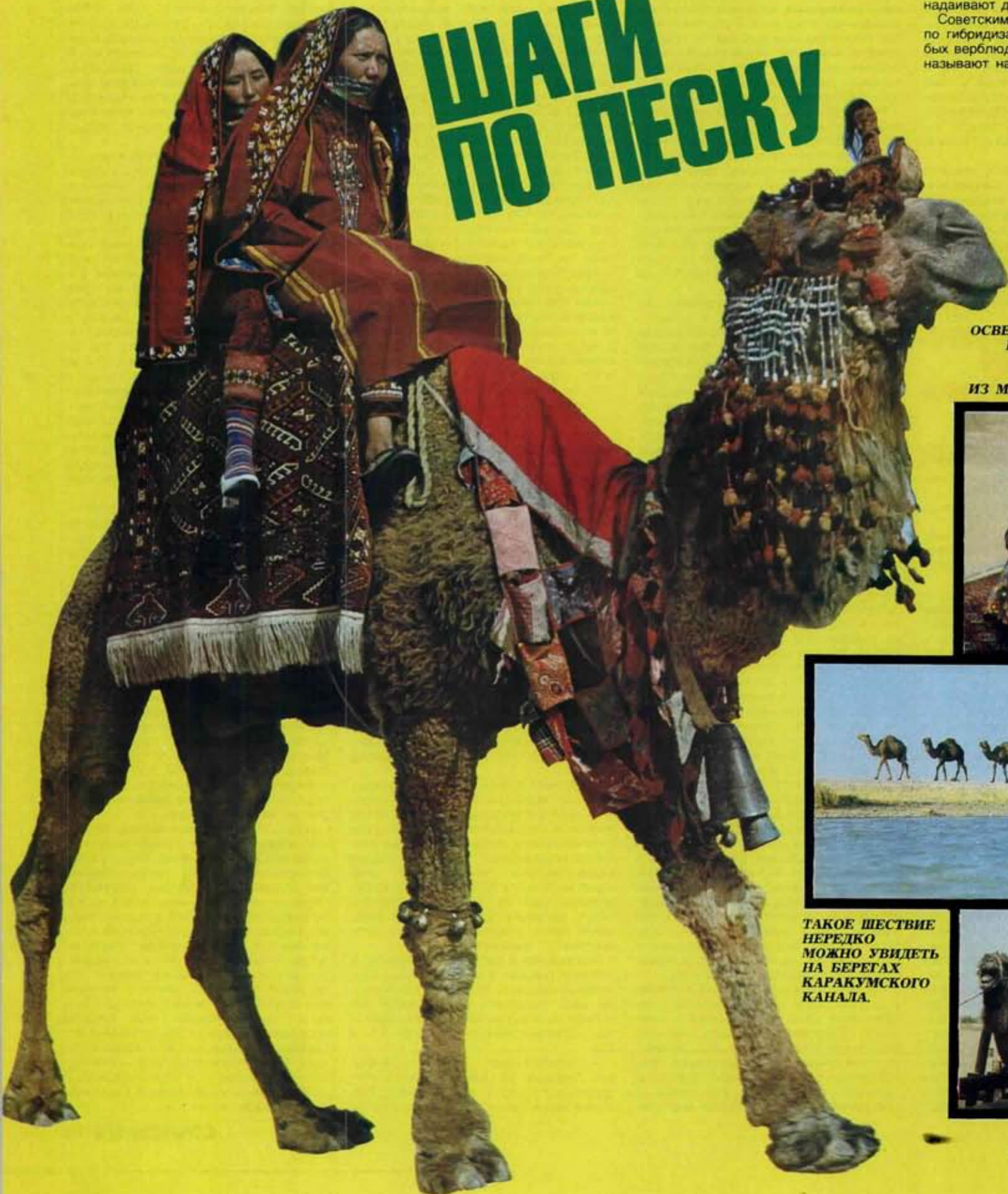

ТАКОЕ ШЕСТВИЕ
НЕ РЕДКО
МОЖНО УВИДЕТЬ
НА БЕРЕГАХ
КАРАКУМСКОГО
КАНАЛА.

В ВЕРБЛЮЖЬЕЙ
«ПАРИКМАХЕРСКОЙ».

ШАГИ ПО ПЕСКУ

Вероника КАМАЛЯН,
искусствовед

ПРОСТОТА И ЭЛЕГАНТНОСТЬ.
ЭТИ АНСАМБЛИ
ИЗ ПЛАЩЕВОЙ ТКАНИ
ПРЕДЛАГАЮТ ДЛЯ ВЕСНЫ
ХУДОЖНИКИ-МОДЕЛЬЕРЫ
МОСКОВСКОГО ДОМА МОДЕЛЕЙ
НИНА АРХИПОВА
И ЕЛЕНА БОТОВА.

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

МОЖНО

ФАКТАЗИМЫ

Молодежная мода

Р

ост автоматизации производства ведет к увеличению доли массовой, а значит, стандартизированной одежды. Но ведь каждый из нас стремится при помощи одежды подчеркнуть свое «я», то есть выразить собственную индивидуальность. Как разрешить возникающее противоречие?

Выход есть, его подсказывает один из принципов молодежной моды — нужно подбирать гардероб из разнообразных, продуманных по цвету, формам, пропорциям простых предметов, заменяя их один другим. Свитер или куртку можно носить с различными юбками и брюками; одну и ту же юбку — с разными свитерами, пуловерами, блузками, майками; к ним подобрать короткий или длинный жилет или жакет. Дополняют такой комплект косынки, платки и шарфы, вязаные гетры, гамашы и носки. По-разному сочетая все эти предметы, можно создавать из небольшого количества вещей множество неповторимых ансамблей, в которых индивидуальность каждого проявит себя достаточно ярко.

Именно в этом направлении работают художники-модельеры Московского Дома моделей. Главная их задача — сделать новую моду привлекательной и доступной самым широким кругам молодежи.

Что же предлагают нам модельеры, ведь на улице весна и не за горами лето?

Творческим коллективом дома создана и недавно показана целая коллекция одежды на весну — лето 1984 года, состоящая более чем из ста моделей.

Специалисты, разрабатывающие новую одежду, считают, что основа моды нынешнего года — цвет, напоминающий о красках пробуждающейся природы, многоцветии цветущих лугов, густой и зрелой палитре дней августа и сентября.

В более теплой одежде используется сравнительно сдержанная гамма натуральных природных цветов — коричнево-бежевых, терракотово-охристых, зеленых, синих, красных.

Одежда для лета и для отдыха отличается особенно ярким и звучным колоритом. Она часто строится на соединении больших плоскостей, контрастных по цвету.

Для прохладных дней весны рекомендуются легкие пальто-плащи, подкладкой и отделкой к которым служит теплая шерстяная ткань. Легкие плащи на шелковой подкладке не выходят из моды. Правда, в последние годы у них появились соперники — всевозможные куртки, которые благодаря своей легкости, водонепроницаемости превзошли в популярности все известные раньше виды одежды.

Не меньшим признанием пользуются костюмы и комплекты, состоящие из нескольких предметов — жакетов или курток на утепленных пристегивающихся подкладках. Под куртки или жакеты надеваются легкие куртки-блузоны, юбки и брюки — все элементы костюма заменяемы.

Очень модный вид одежды — жилеты, которые приобрели необычайное разнообразие. Короткие и длинные стеганные на утеплителе жилеты-куртки, с поясом и на резинке, на подкладке и бесподкладочные, легкие и утепленные — их можно носить, опять-таки варьируя ансамбль.

В последние годы молодежь ввела в моду много нового: короткие платья-туники, которые носят с юбкой, брюками или толстыми вязаными рейтузами, чулками; съемные юбки, под которые надевают разной длины юбки, брюки или шорты; комбинезоны с разным решением верха и брюками различного покроя (бермуды, гольф, галифе и т. д.); юбки-брюки, которые оформляют сборками, складками. Многие девушки считают, что это чрезвычайно удобный вид одежды, который совмещает все преимущества юбки и брюк.

Для юношей и девушек, стремящихся одеться модно, предлагаются асимметричные построения лифа и застежки, сочетания больших цветовых блоков, рукава разного цвета, аппликации — нашивки и вышивки геометрических форм. Современная мода терпима к любой длине — миди (на 10—15 сантиметров ниже колена), классической (2—3 сантиметра ниже колена) и мини (5—7 сантиметров выше колена). Обилие предложений модельеров способно удовлетворить любой вкус. Нынешняя мода привлекает разнообразием, простотой и доступностью решений.

Феликс ЧУЕВ

Воспоминанием осталась,
донины празднично маня,
подслеповатая усталость
под снегом сгорбленного дня.

Она — как вещь, могу ручаться,
и ощущение таково:
иду и знаю — это счастье,
хотя не чувствую его.

Но если очень повезет, то
запомню дни, что тут прожес.
На сковородке горизонта —
румяный солнца пирожок.

И талый тамбур электрички,
и за стеклом степной квадрат,
что год за годом по привычке,
вихрясь, уносится назад.

И брат над мукою урока,
прилипший с ручкою к столу,
и та береза, что до срока
еще лежала на полу...

Рисунки Виталия ФЕДОРОВА

Бабушка Наталия

Говорят, что бабушка Наталия
на селе красавицей была —
что нога, что личико, что талия...
Очень молодая умерла.

Говорят, что бабушка Наталия
голосок имела хоть куда!
Прямо на Орловщине Италия...
Бабушку не видел никогда.

Не осталось даже фотокарточки,
чтоб представить юное лицо.
Правда, есть далекие отгадочки —
это внуки, правнуки — и все.

Я отца запомнил. Видел дедушку.
Рослый был, гвардейский старичок...
На селе мне говорили: «деточка»,
«это ведь Наталии внучок!».

Из лица прекрасного отцовского
вычту деда грозные черты,
и родная бабушка орловская
рядышком взойдет из темноты...

Орловщина

Ты родился, отец,
на Ивана Купала,
на орловской земле
солнце бьет горячо.
Там Тургенев, Лесков...
Если этого мало —
там и Майков, и Фет,
и Апухтин еще...

Не хочу,
чтоб меня земляки упрекали,
говорили в душе:
мол, расхвастался чо?
Ведь судьба нам послала
небывалые дали,
по которым с высот
солнце бьет горячо...

Разговор с однополчанином отца

— Может, фотографии какие?
— Не до снимков,
милый мой, война.
Фотки были редкие, плохие,
а теперь они — как ордена.

— Что-нибудь про батю...
— Да едва ли...
После фронта столько было дел!
Долго никого не вспоминали.
Вспомнили — и сразу поседел.

Лейтенант Алтунин

Если бы наступил та-
кой день, когда прави-
тельства всех стран
приняли решение... слово
«война» вычеркнуть из
употребления и превра-
тить в анахронизм, мы,
фронтовики, не пожале-
ли бы своих боевых на-
град, чтобы из их метал-
ла отлить памятник в
честь этого дня.

А. Т. АЛТУНИН.
«Звезды над Вислой».

Лейтенант Алтунин,
представляю вас:
лагеря в июне, звание, приказ.
Лунное прощанье,
направленье в часть,
завтрашний заране
льется день, лучась.
Кто бы напророчил
вместо жданных встреч
харьковскую площадь,
генерала речь?
...На холме приметном
серая плита.

Отодвинул ветку
пыльного куста:
имена знакомые, а пониже их —
«и другие» сказано
в память о других...

Лейтенант пехоты,
представляю вас:
выполнила рота долгих дней приказ.
Юноша недавний, земляной уют.
...Генерала армии
книги издают.

Если б переплавить
всех наград руду
в памятник всеславный
миру и труду!
Но покончить с войнами
люди не смогли.
Совесть беспокойная
зреет у Земли.
А на дело мерзкое
есть прямой ответ:
звездочка армейская
не стареет, нет.
Не погасло мужество,
не тускнеет строй.
Молодость подружится
с красною звездой.
Вам не разлучиться
с нею никогда:
ведь любовь к Отчизне
вечно молода.

Канада плакала,
когда погиб Харламов.
«Семнадцатого» помнила Канада.
Не то чтобы рыдала,
но с экранов

играл Валера...
А его команда
на льду молчала
перед полным залом,
так необычно тихим для канадцев.
Не вышивкой секунд
табло мерцало —
с него в игру Харламов окунался!

Раздольно меж чужими игроками
прошел — исчез
в былом великолепье,
и след,
в экраны врезанный коньками,
разросся, как инверсия на небе...

Фашизм

Серые чудовища
влезли в униформу,
обтянули торсики сереньким сукном,
и пошла вышагивать
бешено-покорно
манья бессмертья
под стальным орлом.

Серые чудовища прут от горизонта,
им противогазы дали вместо лиц,
под противогазом —

глазки анаконды,
на зубах свербит
оскома от столиц.
Серые чудовища, серое сплоченье,
нация расплаты за грехи — кого?
Вдовы жизнерадостные
требуют отмщенья,
жалость победителей
правит торжество.

И опять раскрутится небо по спирали,
старенькой спирали,
стертой от сапог...

Серые чудовища
в клепаном дюрале
на виток скользящий
делают подскок.

Актеры

Мне нравятся актерские интриги:
борьба за роль,
да роль бы потрудней,
когда еще не почестей вериги,
а только труд —
чем жарче, тем родней.

И спорят ради зрелищ, а не хлеба
и веруют в искусство, как никто.
Алейников заслуженным-то не был,
не то чтобы народным,

а зато
все голливуды мира изучают
его походку, мимику и жест.
Да что кино! Народ, души не чая,
вручил ему признанья тайный жезл.

А ты живи и веруй: ты — тот самый,
простор души ты не исколесил.
Когда бесславья выдержан экзамен,
то и на славу тоже хватит сил.

Джолдожбай
АБДЫКАЛЫКОВ,
лауреат премии
Ленинского комсомола
Киргизии

Эхо

Средь гомона, гвалта и смеха,
Не ведая малой вины,
Вдруг слышу тревожное эхо
Давно онемевшей войны.

Заходится сердце от боли:
Как будто фугас из небес
С пронзительным рушится воем,
Скрипит инвалидный протез.

Все звуки тотчас замирают.
Над миром протез, как набат,
Гудит без конца и без края —
Шагает бессмертный солдат.

И кажется, сам я калека:
Не чую ни ног я, ни рук.
Душа леденеет от снега,
Хоть жаркое лето вокруг.

Он знает о том и утешить
Хотел бы улыбкой меня:
Мол, голову нечего вешать,
Ведь вышел живым из огня.

Меня извинивши за жалость,
Пригласил рукой седину.
Он старше меня лишь на малость:
Всего-то, сказать, на войну.

Спешит по делам неотложным,
Обиды на жизнь не тая.
И лишь в гололед осторожным
Он должен быть больше, чем я.

Не ведая вовсе, он учит
В беде не сгибаться любой,
Жить чище, добрее и лучше...
Его продолжается бой.

Цветы

Старуха цветы продавала...
Ах, как это было давно!
Смеясь, как ни в чем не бывало,
Веду я тебя из кино.

Хотел проскользнуть незаметно,
Себя от позора спасти.
О юность!
Роскошная бедность,
Меня за обиду прости.

Вдруг ты ненароком взглянула.
И счастьем, казалось, — конец.
Старуха цветы протянула
С усмешкой:
— Купи, молодец!

И ныне лицо мое жаром
От страха горит и стыда.
Проклятье цветам и базарам
Вознес до небес я тогда.

О злая старуха! Тебе ли,
К юнцу обращаясь, не знать,
Что деньги к нему не успели...
К чему это все вспоминать?

К тому разве, чтобы вернулась
К нам память о счастье былом.
Далекая гордая юность
Нас вновь осеняет крылом.

Прошу тебя снова:
— Не смейся!
Цветов всех дороже один —
К тебе я вернусь с здельвейсом,
Душой неподкупной вершин!

Перевел с киргизского
Владимир КОРКИН.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДИРИЖАБЛЯ

Английские авиастроительные компании проявляют повышенный интерес к созданию новых моделей дирижаблей различного целевого назначения. Их преимущество заключается в том, что эти летательные аппараты не заражают воздушного бассейна и не создают отрицательных шумовых эффектов. Кроме того, посадочную площадку можно оборудовать на узком пространстве между жилыми домами. На международной выставке, проводившейся в Фарнборо, внимание посетителей привлек дирижабль «Скайшип-500» — вы его видите на снимке.

«ТАЙМС»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

ФАКТОРЫ РИСКА

Директор Центрального института онкологических исследований ГДР профессор Штефан Танеберг получил любопытные сведения при обработке статистических данных о причинах, которые ведут к преждевременной смерти. На каждый миллион человек в мире фатальный случай в результате авиакатастрофы приходится в среднем раз более чем в 50 лет. От злоупотребления спиртными напитками один человек на миллион жителей планеты умирает каждые 4—5 дней. Этот же показатель при автомобильных авариях — каждые 2—3 дня, а вот от курения — каждые 2—3 часа. Так что подтверждено: привычка курить — страшный бич для современного человека.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ», ГДР

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

Семьдесят с лишним лет простояла в витрине музея в Кельне (ФРГ) деревянная фигура Будды, привезенная некогда из Японии. От времени дерево потемнело, а в резные складки набилась пыль. Короче говоря, настало время для реставрации. Когда мастер-реставратор стала обрабатывать фигуру, она обратила внимание, что в дереве есть еле приметный разъем. А затем удивлению не было предела: оказалось, что в деревянной фигуре хранились две золотые статуэтки того же Будды очень тонкой и искусной работы.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

Велосипед Леонардо да Винчи

Велосипед был изобретен не в прошлом веке, как считалось до сих пор, а в 1495 году, и автором его является Леонардо да Винчи. Обнаружен чертеж, выполненный рукой великого художника и ученого эпохи Возрождения, на котором во всех подробностях изображен педаальный двухколесный самокат. Леонардо да Винчи предусмотрел и цепную передачу, которая нашла применение на велосипеде лишь в 1884 году.

«ЭПОКА», ИТАЛИЯ

КТО КАК ДЫШИТ

В спокойной обстановке человек потребляет 400—500 литров кислорода в сутки, делая по 12—20 вдохов и выдохов каждую минуту. Для сравнения: лошадь делает 12 дыхательных движений в минуту, мышь — 60, канарейка — 108. Интересно отметить, что у всех, включая людей, частота дыхания весной в среднем на одну треть больше, нежели осенью.

«ТРУД», БОЛГАРИЯ

Косметика старше зеркала?

Женщины всегда стремились быть красивыми, даже в самые отдаленные периоды человеческой цивилизации. Новым подтверждением этой истины служит недавняя находка перуанских археологов. Речь идет о настоящем косметическом наборе, обнаруженном рядом с мумифицированным телом девушки, жившей 2000 лет назад, в доинковскую эпоху. Косметика содержит почти все компоненты набора наших дней: пудреницу с пудрой и пуховкой, тушь для ресниц и карандаш для бровей, гребень, пилочку для ногтей, пинцет. Лишь зеркало, в которое смотрелась девушка 20 столетий назад, значительно отличалось от современных, поскольку секрет амальгамы тогда еще не был открыт. В качестве зеркала использовалась медная пластинка, тщательно отшлифованная.

«БОЭМИЯ»,
КУБА

Слоны и мошенники

На пути к храму Минакши возле индийского города Мадурай богомольцев встречают в последнее время «священные» слоны. Получив монету, слон «благословляет» странника, опуская конец хобота на его голову. Богомалец преисполнен счастья, потому что соединяет в своем сознании слона со слоголовым богом удачи Ганешом. Обучают слонов взимать таксу их предприимчивые владельцы, чаще всего ничего общего не имеющие с религией. Каждый из слонов, обирая странников, ежедневно приносит своему хозяину круглую сумму.

«ИНФОРМАЦИЯ
БУКУРЕШТИУЛЫ»,
РУМЫНИЯ

СОБАКА ПОМОГАЕТ ЧЕЛОВЕКУ

В Англии прошла специальную подготовку первая собака из числа отобранных для оказания помощи людям, страдающим нарушением слуха. Речь идет о породистом лабрадоре по кличке Чайн, который уже приступил к выполнению своих служебных обязанностей. Собака обучена различать и своевременно реагировать на звонки будильника, телефонного аппарата, звонки у входной двери. Она подходит к кому-нибудь из хозяев и настойчиво «приглашает» подойти к источнику сигнала.

«ТАЙМС», США

НА «ВЫСОКОМ УРОВНЕ»

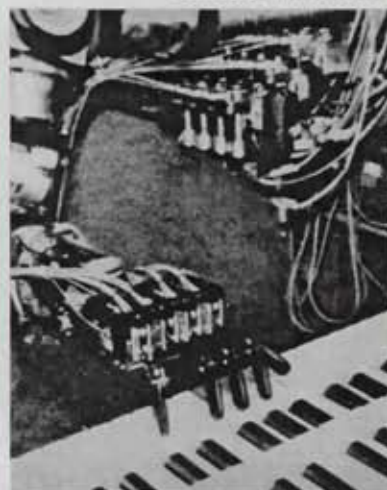
Старая пастушеская традиция в юго-западных районах Франции превратилась в своеобразный вид спорта. Когда-то здесь пастухи имели обыкновение передвигаться на ходулях, чтобы можно было лучше наблюдать за стадами коров и овец. И вот теперь стали регулярными состязания по ходьбе на ходулях. Участники должны пройти расстояние в 105 километров. В 1983 году на старт вышли 33 человека, но до финиша удалось дойти лишь двадцати одному. Победил 16-летний Патрис Биаро, который преодолел всю марафонскую дистанцию за 10 часов 28 минут.

«ИЛУСТРОВАНА ПОЛИТИКА»,
ЮГОСЛАВИЯ

РОБОТ- ОРГАНИСТ

Профессор Ичиро Като из токийского университета Васеда сконструировал робота, названного им «ВАМ-7». Робот может играть на органе и притом с большим мастерством. На его «руке» пять пальцев, выполненных из искусственного материала. В каждый встроен микрокомпьютер, который управляет действиями пальца. Компьютеры, в свою очередь, связаны с электронным мозгом, в который «закладывается» предназначенное для исполнения музыкальное произведение.

«АСАХИ», ЯПОНИЯ

Можно спорить о том, насколько современна присутствующая ей манера исполнения, можно долго доискиваться, в чем секрет ее творческого долголетия. Но разве это главное? Главное, пожалуй, в другом — в том, что песни, однажды исполненные с эстрады Эдитой Пьехой, мы помним потом долгие годы. А это может значить лишь одно: то, что все эти произведения созвучны нашим душам, нашим мыслям и понятиям о добре и зле, о любви и ненависти, о подвиге и трусости.

Вспомним эти песни. «Огромное небо» — и перед нами снова предстает история подвига двух советских летчиков, история, случившаяся в действительности и ставшая широко известной, кстати, именно благодаря песне. «Я иду и пою, и земля поет» — сколько теплоты, радости в этих строчках. «Люди, улыбнитесь миру», «Придет и к вам любовь» — пожалуй, достаточно перечислений. Ведь что характерно: за каждым этим названием сразу слышится знакомая мелодия, вспоминаются полузабытые строчки. Это песни, которые мы выбираем.

— Я пою о любви, — говорит Эдита Пьеха. — Если вдуматься, вся наша жизнь — это любовь... Любовь к матери, к миру, к Родине, к хлебу, к своему ребенку, к земле, на которой живешь. Все мои чувства, всю мою любовь хочу передать людям. Наверное, меня как артистку можно обвинить во многом, но в равнодушии — нельзя.

Эдита Пьеха никогда не была вокалисткой. Так по крайней мере считает она сама. Исполнительницей — да, и потому, быть может, для нее важнее эмоциональный настрой, глубокий смысл, заложенный в исполняемом произведении, ясная музыка и высокие стихи. Когда музыка сливается со стихами, появляется образ, и люди верят в него. «Я пою хорошие чувства» — не правда ли, достойный девиз артиста?

И еще. Для того, чтобы тебе верили, надо не играть, а чувствовать и знать. Люди будут верить тебе только тогда, когда увидят, что эта тема не исчерпывается для тебя занятиями в репетиционном зале.

Эдита Пьеха не любит вспоминать о своем детстве. Была война. И жители маленького шахтерского поселка на севере Франции познали ее ужасы сполна. Расправы над мирными жителями за помощь, оказываемую бойцам Сопротивления — отважным маки; очереди за «супом» — не поддающейся описанию похлебкой, от которой отказывался даже скот; первые занятия в школе, больше похожей на бомбоубежище, — нет, не стереть это из памяти. Как и первую песню, спетую на людях, — «Марсельезу», когда мама сказала маленькой Эдите: «Война кончилась!» Не с тех ли пор научилась она понимать чужое горе, чужую беду?..

И вот, наконец, родная польская земля. Прощай, Франция, давшая в черные годы войны приют семье бедного польского шахтера. Новый язык, новая школа, новые друзья и книги — все это должно было стать родным. Сосредоточение культуры — маленький кинотеатр в центре поселка. Без усталости, до бесконечности могла Эдита смотреть фильмы с участием Любови Орловой, Павла Кадочникова, других замечательных советских артистов, а потом по памяти напевать полюбившиеся мелодии этих кинолент. Кто из девочек во все времена и во всех странах не мечтал стать всемирно известной певицей?

Тем временем подошло время экзаменов, и Эдита Пьеха держит в руках свой первый диплом с отличием педагогического лицея — диплом учительницы начальных классов. Хлопот

ДАВНО ЗНАКОМЫ

Фото
Валерия
ПЛОТНИКОВА

прибавилось, но занятия в хоре и в секции легкой атлетики прекращать не хотелось. С тех своих радостных послевоенных лет, до краев наполненных работой, музыкой и спортом, вынесла Эдита Пьеха умение ценить время, способность «собираться», стойчески относиться к поражениям и не терять голову от побед.

Ленинград, лето 1955 года. У колонн Исаакиевского собора стоит, здоров в радостном изумлении золотоволосую голову, высокая, стройная девушка. Ее можно было встретить на Невском и в Петропавловке, у Черной речки и в Петергофе. Но это только днем. Вечером — в легкоатлетическом манеже университета или на репетициях студенческого хора. А ночью — склоненную над конспектами и учебниками, поминутно заглядывающую в спасительную книжку «Русско-польский словарь»...

— За шесть лет учебы на факультете психологии Ленинградского университета я получила три четверки, все остальное сдавала только на пять, — вспоминает Пьеха. — Кто знает, из меня мог бы выйти неплохой ученый. Но, как говорится, жизнь распорядилась иначе. И я считаю, что знание психологии любому артисту необходимо, эстраднему же — при массовости и популярности этого жанра — в первую очередь. Психология помогает отыскать свою верную тропинку к слушателю и не сбиваться с принятого на долгие годы пути. А тщательный и объективный анализ складывающихся взаимоотношений между артистом и зрителями помогает нам избегать серьезных ошибок в творчестве, учит чувству меры.

Первое признание принесло начинающей певице исполнение песни «Стань таким, как я хочу». Пьеху «открыли» для себя тогда многие — композиторы и поэты, критики и музыканты и, конечно же, слушатели. И каждый «открыл» ее по-своему. Одним полюбилась нежность, лиричность исполнения, другим — задорный, полный радостного оптимизма голос, третьим — негромкая, задушевная интонация. И песня для каждого из нас у нее нашлась своя, особая. Мне, например, почему-то памятен давний новогодний телегонек, где, сидя на неподвижных санках, летящих в вихре снежинок с буфаторской горы, она пела задорную песенку «Манжерок», и хор мужских голосов, подпевая, подтверждал, что «юность — это Манжерок» и «верность — это Манжерок». И хоть я до сих пор не знаю, что же это за место такое — Манжерок, но впечатление молодости, радости, веселья запомнилось надолго.

Друзья-музыканты как-то подсчитали, что Пьеха дала жизнь примерно тремстам песням. Именно дала жизнь, и не случайно сама исполнительница совершенно серьезно называет их своими детьми — выстрадаанными, выращенными. Много это или мало? Прибавьте 10 пластинок-гигантов, и не сосчитать, сколько «гибких» и миньонов, серьезные роли в трех художественных кинолентах — «Бриллианты для диктатуры пролетариата», «Возвращение резидента» и «Неисправимый лгун», гастрольные поездки, встречи с зарубежными любителями советского песенного искусства (достаточно сказать, что Эдита Пьеха — на сегодняшний день единственная советская эстрадная артистка, дважды выступавшая на прославленной сцене знаменитого парижского зала «Олимпия», и французский орден «За укрепление дружбы искусством» есть только у нее и Людмилы Зыкиной).

— Я хочу, чтобы все, что вокруг меня, все, чем я живу, вызывало радость и добрые чувства окружающих, — говорит Эдита Пьеха. — Я люблю песни, которые пою, я люблю своих слушателей. И, надеюсь, они это чувствуют.

Николай ДОРИЗО,

поэт, секретарь правления Союза писателей РСФСР

ТОЛЬКО НЕ КОРОБЕЙНИКИ ПОСРЕДСТВЕННОСТИ

Если говорить обо мне, то я довольно редко пишу песни. Для меня это целое событие. Пишу только тогда, когда нужно демократизировать важную тему стихотворения. Ведь стихотворение читают тысячи, песню поют миллионы. Покажу хотя бы на таких примерах: старинная народная русская песня «Что ты жадно глядишь на дорогу» — слова Некрасова, то есть его стихотворение, которое не смогло не стать песней, ибо здесь в простой, доступной форме рассказано о судьбе женщины в России. Вспомним теперь Александра Блока, его стихи «Под насыпью, во рву некошеном», — казалось бы, та же тема, та же ситуация, тот же, если можно сказать, сюжет. Но стихи эти не могли стать народной песней не только потому, что такая песня уже была, а потому, что слова, форма их усложнены. Не могут же петься такие строки: «Вагоны шли прививочной линией». Песня демократичнее стиха, ближе людям. Но вместе с тем это не значит, что песня — плохие стихи. Стихи должны быть хорошими, но доходчивыми, нести большую смысловую, духовную нагрузку. Но пусть вас не пугает слово «нагрузка».

Прежде чем говорить о проблеме современной песни, мне хочется вспомнить давние годы — предвоенные, военные. Перед войной мало было радио-приемников, совсем не было телевидения. Но хорошая песня сразу облетала всю страну. Песен было немного. И мы их «берегли». Композиторов тоже было немного, и мы их знали поименно: Покрасс, Дунаевский, Блантер, Хренников.

Даже во время войны песни, продиктованные суровым временем, все равно были неодинаковые. «Священная война» и «Темная ночь», «Враги сожгли

родную хату» и рядом — «Синенький скромный платочек». К чему я подвожу свои размышления? Думать, что сейчас «черный» песенный день и картина нынешней песни совершенно однообразна, неверно. Просто мы не очень внимательны к хорошему, потому что в эфире всего очень много. А ведь есть песни композиторов, появившихся именно сегодня, которые останутся: тех же Лученка, Рыбникова, Паулса, Шаинского... Когда Пушкин печатал главы из «Евгения Онегина», в то же время публиковалась статья о том, что поэзия находится не в поре расцвета...

Многое в песне может усовершенствовать, преобразить исполнитель. Вдумайтесь хотя бы в слова песни, исполняемой Аллой Пугачевой, — «Старинные часы»: «Старинные часы еще идут, старинные часы — свидетели и судьи, когда ты в дом входил, они слагали гимн, звоня тебе во все колокола...»

Что в этих словах? Но талантливая Алла Пугачева своим ярким исполнительским мастерством, своей личностью, индивидуальностью придает им глубокий, даже драматический смысл.

Несомненно, это хорошо, что исполнитель как соавтор заново «создает» песню, и все-таки это опасно. Потому что поэзия всегда должна отвечать сама за себя. Сегодня исполнитель поет песню, завтра — перестает, но песня все равно должна иметь свою бесконечную судьбу, независимую от искусства певца или певицы.

У меня иной раз создается такое впечатление, что, несмотря на множество исполнителей, разных композиторов и поэтов-песенников, на эстраде исполняется одна и та же песня. С одним и тем же подбором инструментов,

с одними и теми же ничего не значащими словами. Плохо, когда нет хороших, осмысленных стихов.

А теперь представьте себе такой фантастический вариант: перестают писать все современные поэты-песенники и композиторы. Как вы считаете, закончит свое существование песня? Люди перестанут петь? Ничуть не бывало. Вспомните хотя бы свадьбы, большие семейные и гражданские праздники... Что там поют? «Что стоишь качаясь, тонкая рябина», «Вот кто-то с горочки спустился», «Коробейники»... И другие, столь же старые и незабываемые произведения песенного жанра. О чем это говорит? Что «старых» песен нет. Есть песни хорошие и проходные, однодневки.

И самая большая похвала композитору и поэту-песеннику тогда, когда по песню говорят: она народная, и никто не помнит ее создателей. С моей фронтовой песней «Дочурка», которую я написал, будучи юнком, произошла такая история. Виктор Астафьев начал свою повесть «Звездопад» словами этой песни. И когда я сказал ему, что это мои слова, он очень удивился: «А я думал, они народные». С этой же песней произошла другая история. Сразу после войны в Ростове-на-Дону на местной толкучке слова этой песни, перепечатанные на папиросной бумаге, рядом с горячими лепешками продавал инвалид. Я купил «свою» песню. Естественно, там не указывалось ни автора слов, ни композитора. И раскупалась она наравне с горячими хлебными лепешками. Наверное, в те годы песня нужна была как хлеб?..

Меня интересует песня сюжетная, песня-пьеса. Песня с жизненной темой. Таковы мои «Помнишь, мама», «Парней так много холостых, а я люблю женатого», «Ну что сказать, мой старый друг», «Бабушка». Меня не интересуют ритмические повторы, просто поставленные в рифму слова. Я пишу тогда, когда меня волнует тема, важная, жизненная, психологическая ситуация. Скажу так — житейская. Я поборник традиции смысла в песне, проникновения ее не только в уши, но — в душу.

Читательская дискуссия: «Вернутся ли в песню мелодия и смысл?»

Владимир ШАИНСКИЙ,

композитор, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Ленинского комсомола, заслуженный деятель искусств РСФСР

В НАШ ПРОСВЕЩЕННЫЙ ВЕК

Хорошо ли, что сейчас возникло поводов ВИА; правильно ли, что музыкальные и литературные критики обеспокоены упадком художественного уровня современной песни?

Думаю, замечательно, когда широкая масса молодежи всерьез или даже по-любительски увлеклась песней. Это уже благо, потому что — первая ступень к дальнейшему знакомству с музыкой и поэзией. Я за музыку всякую: классическую, эстрадную, профессиональную, самодельную. Но, разумеется, я против плохой музыки и поэзии.

Как всякое новшество, современная эстрада страдает от собственной незрелости. «Количество» музыки, ее массовость преобладают над ее качеством. По-моему, это болезнь роста. Стоит ли беспокоиться? Стоит, как о всякой болезни. Поэтому справедливы заботы критиков.

Хорошо, что молодежь «рванулась» к музыке: сначала взяла в руки гитару, теперь — электрогитару, на очереди — синтезаторы.

Современная песня утратила одни черты, приобрела другие. Она взяла что-то от смежных жанров: сложную фактуру аккомпанемента, жесткий ритм. Камерно-симфонический жанр

обогащает песню большими интонационными, гармоническими, полифоническими возможностями, возвышенностью эмоционального строя. Если композитор-симфонист работает и в жанре песни, его симфонии обогащаются песенной мелодикой, умением обращаться к широкой аудитории. А ведь к успеху стремится каждый из нас, каждому композитору хочется, чтобы его песню запел народ. Нельзя вставать над аудиторией; она сейчас умна, чутка: сразу поймет, что автор чужой, не свой, что относится к ней свысока. Только искреннее, доброжелательное отношение к слушателю (зрителю, читателю) даст эффект творчества.

Мне думается, что существуют четыре категории успеха песни. Первая — когда народ сам запоеет песню. Это удача, но происходит такое редко, к сожалению. Вторая категория — песня, которую слушатели узнают с первых тактов; она сложна по интонационным оборотам, однако любима и оказывает сильное эмоциональное воздействие. Третья — фактор узнаваемости отпадает, но слушатели воспринимают песню горячо, взволнованно. Четвертая категория — очень распространенные песни. Их не поют, они

не узнаваемы, не эмоциональны, но написаны профессионально, на нужную тему. Как раз они-то и звучат чаще всего по радио и телевидению.

Четко определить судьбу песни трудно. Бывают случаи, когда забытая песня вдруг оживает, обретает вторую жизнь. Предсказать же успех или неуспех песни почти невозможно: это всегда тайна.

Считаю, что подчеркнута шумные, подчас истеричные, бессмысленные песни-выкрики отживают свой краткий век. Сторонники самых современных ВИА у нас и за рубежом уже тяготеют к мелодичным песням.

Серафим Туликов верно заметил: «Приятно, что ощущается возврат к мелодичности, но хотелось бы, чтобы это была мелодичность — на новом витке». Противопоставлять эстрадную музыку музыке Свиридова и Шостаковича, народной музыке просто нельзя: это разные сферы.

Эстраде плохой надо противопоставить эстраду хорошую. К нам пришла великолепная музыкальная техника, доступная многим. У нас молодежь получила добротное образование: с поэзией и музыкой знакомятся в школе. Если она не найдет хороших песен у профессиональных композиторов, она сочинит и споеет сама. Только все-таки помочь ей в этом должны сами композиторы-песенники, печать, радио, телевидение и комсомол.

Тогда появится умение, вкус, может быть, и мастерство у тех, кто сейчас располагает только одним — бескорыстной любовью к песне. А в песню вернутся мелодия и смысл.

В №№ 12 и 22 «Смены» за 1983 год были опубликованы статьи В. Лейбовского «Урок физкультуры» и А. Бойко «Обязательный урок», в которых затронуты проблемы физического воспитания школьников. Актуальность этих проблем стала сегодня особенно очевидной в связи с обнародованием проекта ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы». В рамках развернувшейся дискуссии «Смена» и предоставляет сегодня слово специалистам. Своими соображениями делятся: заместитель министра просвещения СССР Федор Ефремович ШТЫКАЛО, член-корреспондент Академии педагогических наук, директор научно-исследовательского института физиологии детей и подростков Дмитрий Васильевич КОЛЕСОВ, ректор Московского областного института физической культуры, олимпийский чемпион, доктор медицинских наук Аркадий Никитич ВОРОБЬЕВ, заместитель председателя Спорткомитета Министерства обороны СССР, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Виктор Васильевич ГОРБАТКО, отличник народного просвещения СССР, преподаватель физкультуры московской средней школы № 57 Джеймс Владимирович АХМЕДИ, заведующий кафедрой теории и методики физического воспитания Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры, доктор педагогических наук Лев Павлович МАТВЕЕВ.

Ф. Е. ШТЫКАЛО:

— Мы сейчас напряженно готовимся к проведению важнейшего общегосударственного мероприятия — реформы школы. В проекте ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», в частности,

«Нужно организовать ежедневные занятия всех учащихся физической культурой на уроках, во внеучебное время, в спортивных секциях, создавать для этого необходимые условия. В каждой школе, профтехучилище, во всех учебно-воспитательных учреждениях должны быть созданы спортивные залы и площадки, хорошо оснащенные оборудованием и инвентарем. Шире использовать для физического воспитания учащихся базу спортивных организаций и клубов, предприятий и учреждений».

Принятая недавно новая программа физического воспитания для средних школ явилась плодом кропотливой работы ученых и педагогов. В ней учтено многое из того, что требует от молодого, растущего человека наш век. И тем не менее эта программа отнюдь не раз и навсегда данная.

Но программа программой, а само отношение не только к ней, но к самой физической культуре — это статья особая. И трудная.

Недавно в одном из районов одного из крупнейших городов страны мы провели эксперимент. К началу учебного дня работники органов народного образования прибыли без предупреждения в двадцать две школы района и в течение всего дня наблюдали за тем, как реализуется новая программа и нормативные требования некоторых нововведений по физической культуре во внеучебное время. В частности, как проводятся зарядка до начала занятий, активная перемена и физкультчас в группах продленного дня. Ну, что сказать? Результаты оказались самыми неутешительными.

Новые задачи, которые поставлены перед школой, естественно, потребуют и иного подхода к подготовке учителей физкультуры. И не только. Большая роль должна быть теперь отведена и преподавателям общеобразовательных дисциплин. Следовательно, и педагогам этого профиля потребуются специальные знания. Думаю, что обозначенный в проекте ЦК КПСС переход педагогических вузов в дальнейшем на пятилетнее обучение создаст для решения этой задачи необходимые условия.

И все же еще важнее — повысить уровень подготовки самих учителей физической культуры.

Приходится лишь сожалеть, что эксперимент, проведенный Михаилом Михайловичем Богеном, о котором пишет «Смена» в № 12 (особое внимание к технике, домашним заданиям, организации соревнований. — **Ред.**), завершился столь печально. Я не имею возможности судить о том, насколько верны его методы работы с детьми, но ясно одно, что результативность их, судя по материалам статьи, заслуживает внимания.

Нельзя не согласиться с А. Бойко в вопросе об имеющемся перекосе в сторону широкой популяризации спорта в ущерб физкультуре. Он пишет, что «средства массовой информации подняли на щит чемпиона, оставив в стороне важнейшее обстоятельство: чемпионом может стать только истинно здоровый человек».

Затрону еще один сложный вопрос. Он касается детей, относящихся к так называемым специальным группам. «Трижды правы учителя физкультуры», — пишет А. Бойко. — «утверждающие обязательное и активное присутствие на уроках освобожденных детей. Только ведь учителя не все могут...»

Но если захотеть, то можно сделать значительно больше. Есть на сей счет соответствующие приказы нашего министерства и Минздрава СССР. Есть средства. Однако с детьми указанных групп практически занимаются мало или не занимаются вовсе. По нашим данным, таких детей в школах страны около 730 тысяч.

И последнее. Сейчас много разговоров ведется вокруг экзамена по физкультуре: нужно ли его вводить? Следует изучить эффективность этой меры. Вероятно, нужно, если от экзамена повысится показатель здоровья ребят. Во всяком случае, проведенные в школах Молдавии и Эстонии первые эксперименты обнадеживают. Так что этот вопрос нам и Академии педагогических наук предстоит еще решать.

Я верю, что эти и другие проблемы в вопросах организации физического воспитания детей и подростков в ходе внедрения школьной реформы будут решены.

Д. В. КОЛЕСОВ:

— В минувшем году была принята новая «Программа по физической культуре для учащихся 4—10-х классов общеобразовательной школы». Она претерпела значительные изменения по сравнению с предыдущими.

Более чем в полтора раза увеличено теперь количество контрольных нормативов, что позволяет более четко регулировать воспитательный процесс, подводит преподавателей физкультуры к необходимости заниматься соответствующими упражнениями.

Не могу согласиться с автором статьи «Урок физкультуры», категорично утверждающим, что нормативные требования к

физической подготовке, а значит, и к физическому развитию детей снизились. Достаточно заглянуть в новую программу, которая, правда, была опубликована после выхода в свет № 12 «Смены».

Итак, примеры и сравнения. Если девочкам-четвероклассницам, чтобы получить оценку «отлично», согласно программе 1981 года, нужно было прыгнуть в длину на 2,60 метра, то теперь — на 2,80. У мальчиков, их сверстников, соответствующий норматив поднялся с 3,10 метра до 3,30.

Легкоатлетический кросс по прежней программе включал дистанцию 300 метров у девочек и 500 — у мальчиков. Результат — неважно какой, время не засекалось. Хочешь получить «отлично», добеги до финиша, что под силу практически любому ребенку. Теперь задача усложнилась, причем существенно. И для девочек и для мальчиков введена дистанция 1000 метров. Результат — 6 минут 30 секунд и 6 минут ровно. Можно привести и другие примеры, говорящие о повышенной трудности нормативов. В некоторых дисциплинах они остались на прежнем уровне, но это вызвано особенностями развития детского организма (см. выступление профессора Л. П. Матвеева — **Ред.**).

Я согласен с тем, что в предыдущих программах, как это утверждается в статье «Урок физкультуры», не уделялось должного места углубленным занятиям по одному из разделов программы согласно выбору учителя, то есть формально он не имел права увеличить объем занятий, скажем, по гимнастике за счет другой дисциплины. В нынешнем же документе ему это право дано.

Мы считаем весьма актуальным вопрос общеобразовательной подготовки детей по физическому воспитанию и гигиене.

Теперь в программу по физической культуре, помимо курса «Гигиена и здоровье» (VIII класс), мы ввели тему (для X класса): «Влияние образа жизни на состояние здоровья человека». В этом курсе ученикам преподносятся сведения о гигиене физических упражнений.

Опыт учителя Богена показал, как многого может добиться педагог высокой квалификации, относящийся к своей работе поистине творчески. Мне, правда, думается, что требования к педагогу были чрезмерными, особенно в отношении техники выполнения упражнений, иначе родители детей не нанимали бы репетиторов по физкультуре.

Наш институт внимательно изучает опыт передовых учителей физкультуры — педагогов, рождающих новые идеи, применяющих интересные формы и методы работы с детьми. Вот, например, Валентин Иванович Компанченко, работающий в средней школе поселка Кизляр в Дагестане. В идеальном состоянии зал и спортплощадка. Уроки проходят настолько увлекательно, что все дети ждут их с нетерпением. В школе создан кабинет физкультуры, где наряду с периодической спортивной прессой предлагаются книги по отдельным видам спорта, об олимпийском движении, методическая

литература. Общешкольные соревнования — праздник для всего села, в котором проживают аварцы, армяне, чеченцы, ингуши. Физкультура и спорт при этом объединяют людей, служат идее интернациональной дружбы.

Или учитель Емельян Дмитриевич Новик из молдавского села Криуляны. Все десятиклассники оканчивают школу значками ГТО, хорошо выступают ребята и девушки в районных и республиканских соревнованиях. Но есть еще более разительный результат работы Новика. Когда, например, в Криуляны приехали сотрудники нашего института и пришли на школьную спортплощадку (а дело было в 9 часов вечера), то увидели на ней не менее двухсот (!) детей, которые не просто резвились, а серьезно занимались на различных снарядах, играли в спортивные игры. Директору школы Борису Васильевичу Дынга не без усилий удалось заставить их идти домой. Кстати, именно народный учитель СССР Дынга — первый помощник Новика во всех начинаниях.

Интересен опыт работы школ Белоруссии, в частности Гродненской области. Многие нововведения в оборудовании школьных спортивных залов родились именно там.

А. Н. ВОРОБЬЕВ:

— В 1979 году наш институт провел обследование пяти тысяч школьников Московской области. Результаты этого обследования были сравнены с данными 1958 и 1968 годов. В итоге выяснилось, что по множеству показателей наблюдается ухудшение физической подготовленности.

Важнейший недостаток физического воспитания детей и подростков кроется, на мой взгляд, не в школьной программе, не в самой системе физвоспитания, а в отношении к нему. Хочется напомнить слова, обращенные М. И. Калининым к ученикам старших классов Ленинского района Москвы в апреле 1941 года: «Почему же я поставил физкультуру на

УРОКИ

одну линию с русским языком и математикой? Почему я считаю ее одним из основных предметов обучения и воспитания? В первую очередь потому, что я хочу, чтобы все вы были здоровыми советскими гражданами. Если наша школа будет выпускать людей с испорченными нервами и расстроенными желудками, нуждающихся в ежегодном лечении на курортах, то куда же это годится? Таким людям будет трудно найти счастье в жизни. Какое же может быть счастье без хорошего, крепкого здоровья? Мы должны готовить себе здоровую смену — здоровых мужчин и здоровых женщин.

Во-вторых, я говорю о физкультуре потому, что хочу, чтобы наша молодежь была ловкой и выносливой».

Так что даже самая прогрессивная школьная программа не даст желаемого результата, если все мы — педагоги, родители, а значит, и дети — не изменим в корне отношения к физической подготовке.

Трудно переоценить значение Всесоюзного комплекса ГТО. Но важно при этом, чтобы комплекс играл именно ту роль в системе физического воспитания, которая ему отводится. Сегодня этого сказать еще нельзя. Сколько мы знаем случаев, когда иные администрирующие деятели физкультуры отчитываются красивыми протоколами соревнований по комплексу ГТО, скрывая истинное положение дел в коллективах и свою бездеятельность. Липовые результаты, подставки встречаются сплошь и рядом.

Опыт учителя М. Богена, несомненно, интересен. Жалко, что он не получил в свое время должного развития. Однако не все в нем мне представляется бесспорным. Вот, например, техника выполнения физических упражнений, которую учитель поставил во главу угла своего отношения к вопросу физического воспитания детей. Во-первых, сами по себе критерии рациональной техники весьма субъективны. Как их формализовать? Как сделать их достоянием всех педагогов? Задача вряд ли разрешима. И нужно ли к этому стремиться? Мне думается, важнее сформировать у молодого человека как можно более широкий диапазон двигательных навыков, а не умение отлично выполнять какие-то отдельные упражнения. Ведь если ребенка обучить даже совершенной технике прыжка в высоту, то это еще совсем не значит, что он станет крепче физически и жизнеспособнее. А вот если он научится пусть даже средне исполнять прыжки и в высоту, и в длину, и с трехметровой вышки, уметь проплыть под водой метров двадцать, залезать на руках по канату до потолка физкультурного зала, владеть элементами бокса, борьбы, пусть даже средне играть в волейбол и баскетбол... Впрочем, может быть, я излишне размечтался? Не слишком ли многого хочу? Нет, не слишком.

В общем, я за как можно более широкий «ассортимент» двигательных навыков, а также физических качеств, развивая которые человек совершенствует сердечно-сосудистую систему, органы дыхания, то есть все то, что является определяющим для здоровья.

Очень мне понравилось, как в школе № 2, где работал

Боген, проводились соревнования. Организация, система зачета. Все было сделано так, что дети стремились прежде всего к победе классом.

Как явствует из статьи «Урок физкультуры», учитель был вынужден капитулировать из-за того, что «у отдельных весьма влиятельных родителей так и осталась своя точка зрения на физкультуру в школе». Все это говорит о том, насколько важно, чтобы учителю физкультуры помогали мы — педагоги и родители.

Стоит решить и вопрос о введении карточек (паспортов) здоровья, о которых говорится в статье А.Бойко. Наш институт имеет положительный опыт введения подобных карточек на предприятиях Первоуральска, Томска, городов Московской области. Думаю, что Министерству просвещения следует этим заинтересоваться.

— Приходится, к сожалению, говорить о том, что немалая часть выпускников школ не готова к тем физическим нагрузкам, с которыми им придется столкнуться в жизни.

Спорткомитет Министерства обороны внимательно следит за состоянием дел в системе физического воспитания детей и подростков, и мы считаем, что пока еще стройности и преемственности в этой системе недостаточно. Это отмечают и авторы статей «Урок физкультуры» и «Обязательный урок». На наш взгляд, стоит уделять больше внимания, особенно в старших классах, физическим упражнениям, развивающим военно-прикладные навыки школьников. В частности, принять на вооружение некоторые формы проведения занятий в армейских условиях.

Еще робко берутся иные педагоги за обучение плаванию, в то время как военнотрудовой не всегда проходит службу там, где есть водоем и, стало быть, можно восполнить пробел школы. Боевые же задачи с преодолением водных преград солдату приходится решать часто.

Мне также кажется, что требования к самим преподавателям

«Неотъемлемая часть реформы системы народного образования, — сказано в проекте ЦК КПСС, — значительное улучшение подготовки учительских кадров». Эти слова в полной мере следует отнести и к подготовке учителей физической культуры. Мне часто приходится встречаться и работать со студентами-практикантами институтов физкультуры или факультетами физвоспитания педвузов. Такое впечатление, что в программах их обучения чересчур много теории, к тому же зачастую ненужной, а главное — этих студентов не учат методике проведения уроков. Если студент инфизкульты или факультета физвоспитания педвуза сам является сильным спортсменом и много выступает в соревнованиях, то его учебные дела интересуют деканат меньше, чем спортивные. Так что претензии к высшей школе у меня серьезные.

Существует точка зрения, что учителю физкультуры не следует быть узким специалистом в какой-то области спорта, это-де будет наносить ущерб общему развитию его подопечных, потому как именно «свой» вид спорта учитель у себя в школе и культивирует. Я же думаю, что преподаватель физкультуры должен достаточно хорошо знать все основные виды спортивных дисциплин, а одним-двумя видами владеть лучше, чем другими. Кстати говоря, нынешняя программа достаточно вариативна и позволяет нам по своему усмотрению заниматься углубленными занятиями по тем или иным дисциплинам. Я, например, в своей школе культивирую баскетбол. Мои дети обожают его, соревнования по баскетболу в нашей школе всегда массовые, проходят увлекательно. Неизменно хорошо выступают мои ученики и на более высоком уровне.

Сейчас для детей проводится много соревнований районного и городского масштабов. Слишком много. Причем часто школьников снимают с уроков. Снимают и меня, учителя, в результате чего очередной урок физкультуры отменяется и большинство детей остаются без очередного занятия по моему предмету. Я за то, чтобы проводить больше общешкольных соревнований, как это было у М.М.Богена.

До сих пор много споров вызывает содержание урока физкультуры. С учетом сказанного я считаю, что нельзя всерьез ответить на этот вопрос, пока мы не сумеем добиться реализации всех трех компонентов. Иначе не достигается должный тренирующий эффект от совокупности занятий, а это важнейшее условие. Сам же по себе отдельный урок физкультуры такого тренирующего эффекта не может дать. Так что содержание урока — дело производное от общей системы физкультурной активности.

Нетрудно понять, что обеспечить минимум двигательной активности детей один лишь учитель-специалист физически не в состоянии. Ему необходима помощь других педагогов. Причем помощь квалифицированная, в частности, в организации подвижных игр, физических упражнений во время удлиненных перемен. Кстати, выделяемых обычно для этой перемены двадцати минут явно недостаточно, за это время ученики не могут получить должную нагрузку. Думаю, что в дальнейшем продолжительность таких перемен должна быть увеличена вдвое, тем более что есть уже положительный опыт их проведения в школах Прибалтики.

В статье «Урок физкультуры» с сожалением говорится о том, что за последние десятилетия нормативные требования по физической подготовке, а значит, и требования к уровню физического развития детей снизились. Здесь нужны уточнения.

Во-первых, статья была опубликована до принятия новой программы, которая, я считаю, является все же значительным шагом вперед по сравнению с предыдущими. Во-вторых, организм детей развивается сложно и в различные периоды неравномерно. Есть такие периоды развития, особенно у девушек, когда при переходе из одной возрастной стадии в другую не следует увеличивать нормативы. Во всяком случае, говорить о необходимости линейного возрастания нормативов нельзя. Тем не менее проблема адекватности норматива — серьезнейшая проблема, которая до сих пор окончательно так и не решена.

Теперь о нормировании нагрузок. Как пишет В.Лейбовский, «Принципы его (Богена — Л.М.) педагогической работы основаны на понимании максимальных физических возможностей человека... Боген ориентировался на истинные возможности подростка. Воводин же в большей степени на нормативы учебной программы». Но что такое максимум? Что такое истинные возможности человека? Мы этого пока точно не знаем, и подтверждением моим словам служит спорт высших достижений. Так, женщины сейчас прыгают в высоту более двух метров, а в плавании показывают такие же результаты, как лучшие пловцы-мужчины не так уж много лет назад. Человек научился поднимать штангу весом более 260 килограммов. И главное, этому прогрессу не видно конца! А в обычной, повседневной жизни большинство трудовых процессов совершается на уровне не более 30 процентов от максимальной мощности.

В опыте М.Богена интересным мне представляется вот что: то, что он сумел гармонично увязать материал, предусматривающий обучение детей двигательным навыкам на уроках, с обязательной работой дома, направленной на развитие двигательных способностей, причем невыполнение домашних заданий, как это видно из публикации, просто исключалось.

Серьезный пробел в школьном физическом воспитании связан с неверным отношением к детям, имеющим отклонения от нормального развития, страдающим недугами — временными или хроническими. Формально никто не возражает, что все они должны заниматься специальной физической культурой. Но этого зачастую нет. Я не говорю о том, что и школа и родители чаще всего идут по самому легкому и самому вредному пути, попросту освобождая таких детей от уроков физкультуры. Еще печальнее другое. Методически и организационно работа с такими детьми находится у нас на удручающе низком уровне. А ведь речь идет о сотнях тысяч детей, многих из которых можно и должно благодаря приобщению к физической культуре вернуть в общую группу.

ЗДОРОВЬЯ

лям физкультуры пока предъявляются невысокие, недостаточно они работают над повышением своего профессионального мастерства. Немало есть учителей, относящихся к своему делу поверхностно или безразлично. Как бывает: педагог дал детям мяч, и пусть делают, что хотят. Есть и другая крайность: одержимый духом «очковости» учитель просто натаскивает на результат группу детей в определенных видах спорта, забывая о необходимости гармоничного развития своих подопечных.

Чем еще оборачиваются недобросовестность или низкий профессионализм учителей физкультуры? В глазах детей и их родителей падает авторитет не только учителя, но и самого предмета физкультуры.

В.Лейбовский и А.Бойко в своих статьях много внимания уделили недостаткам в школьном физическом воспитании и в то же время мало сказали о том, что, по их мнению, нужно сделать, чтобы улучшить его состояние. Ситуация же в целом сложилась ненормальная, если не сказать — парадоксальная: с одной стороны, средства массовой информации активно пропагандируют необходимость занятия физическими упражнениями и спортом, а с другой — физическое состояние школьников остается на уровне далеко не блестящем. Факт, что у нас много молодежи с ослабленным здоровьем и низкими волевыми качествами.

— Мы, учителя физкультуры, с большим интересом ознакомились с проектом ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы».

Верно сказано: «Успешное решение сложных задач обучения и воспитания молодежи в решающей степени зависит от учителя, его идейной убежденности, профессионального мастерства, эрудиции и культуры».

Мне уже за шестьдесят, имею достаточный опыт преподавательской работы. Наверное, у меня есть моральное право говорить о своих коллегах. Увы, немало среди них людей, не отвечающих профессиональным, а подчас и нравственным требованиям, предъявляемым к учителю физкультуры. Это одна из причин того, что нередко к нам относятся без должного уважения. И что еще хуже — к нашему предмету, а значит, и к физическому воспитанию. Немалую «помощь» оказала нам при этом пропаганда, а особенно кинематограф, как об этом справедливо пишет А.Бойко.

Вот и получается: с какого урока прощя снять учеников, чтобы послать их на общественное мероприятие? С физкультуры. От какого урока легче всего получить освобождение, по надобности или без? От физкультуры. По какому предмету учителя заставят поставить удовлетворительную оценку даже при полном невыполнении ребенком учебной программы? По физкультуре.

Прежде всего нужно изменить отношение к нашему предмету. Но и других проблем немало.

— Без преувеличения можно сказать, что весь мир переживает сейчас своего рода бум двигательной активности, или, пожалуй, физкультурный ренессанс. Просто поразительно, какие масштабы приняло одно лишь увлечение бегом. Во многих странах набирает силу физкультурное движение людей, страдающих различными патологическими изменениями в организме. Принята программа ЮНЕСКО «Спорт для всех» (я бы назвал ее более точно: «Физкультура для всех»). Короче говоря, человечество все яснее понимает: хочешь жить полноценно — занимайся физической культурой. И не раз от разу, а систематически, в должном объеме, с должным смыслом.

Л. П. МАТВЕЕВ:

Стало быть, ценности физической культуры — подчеркиваю: культуры! — должны прививаться с детства.

Необходимый же минимум двигательной активности — причем упорядоченной, — в общем, известен. Согласно имеющимся исследовательским данным, он составляет для большинства школьников около 12—16 часов в неделю. Сюда входят два урока по учебному плану, физкультурные упражнения в течение учебного дня и во внеучебное время, обязательная зарядка перед началом уроков, физкультурперемена, физкультчас в режиме продленного дня и, наконец, выполнение домашних заданий по физкультуре.

ОТ РЕДАКЦИИ: Мы благодарим специалистов, выступивших сегодня на страницах нашего журнала и высказавших свои соображения по проблеме, имеющей важное государственное значение. Как можно заметить, их мнения не во всем совпадают, что, очевидно, закономерно: система физического воспитания детей и подростков пока что далеко не безукоризненна, и в ее совершенствовании общественные дискуссии призваны сыграть существенную роль. Участники дискуссии во многом дополнили друг друга, дав возможность лучше понять всю сложность и остроту проблемы.

Редакция далека от мысли считать обсуждение поднятого вопроса завершенным. Тем не менее можно подвести некоторые предварительные итоги. Выступившие единодушно прежде всего в том, что нужно в корне изменить отношение к физической культуре как к школьному предмету, а отсюда и ко всей системе физического воспитания молодого поколения.

С этим связана и необходимость значительно поднять профессиональный уровень преподавания физкультуры в школе.

В новой школьной программе по физической культуре введены домашние задания как обязательная составная часть учебного процесса. Официально это сделано впервые, хотя некоторые преподаватели такую форму работы применяли и ранее. Но как сделать, чтобы домашние задания непременно выполнялись, как, скажем, уроки по литературе, математике, другим предметам, когда на освоенном материале строится следующий? Несомненно, что задания эти должны быть посильными, так что дело не только в осознании детьми важности для здоровья регулярных физических упражнений.

Думается, стоит внимательно отнестись к мнению многоопытного учителя физкультуры Д.В.Ахмеди, предлагающего, в частности, сократить количество соревнований городского и районного масштабов и чаще проводить общешкольные соревнования.

Или такое предложение. Пошла бы волна соревнований под девизом «Мама, папа и я — спортивная семья». Своих организаторов эти соревнования так и не нашли. А может быть, взяться за это дело школе? Эффект предсказуем — вовлечение родителей в физкультурные дела ребенка. Хорошо, плохо ли, но почему бы не обдумать, не проверить?

В общем, и родителям, и педагогам, и ученым работы предстоит еще много.

ПОВТОРЯЕМ УСЛОВИЯ КОНКУРСА ЭРУДИТОВ

Второй тур

В третьем номере «Смена» начала новый Конкурс эрудитов. На этот раз разнотемный. Мы стараемся отобрать для него наиболее интересные вопросы из ваших писем, дорогие читатели.

Домашнее задание первого тура выполнили или, во всяком случае, постарались выполнить очень многие из вас. И пока жюри изучает ваши письма, чтобы подвести итоги первого тура и назвать его победителей, мы предлагаем вам второе задание.

Условия состязания остаются без изменений. Участвовать в конкурсе может любой наш читатель, независимо от возраста и профессии. В том числе, разумеется, и те из вас, кто по каким-либо причинам не смог участвовать в первом туре. Можно присылать письма с ответами на любое число вопросов, даже на один.

Тридцати победителям второго тура редакция журнала вручит призы—книги, альбомы, почетные дипломы.

Жюри конкурса еще раз обращается к вам с просьбой писать четко и разборчиво, на одной стороне листа. На вопросы отвечайте в том порядке, как они заданы. Каждый развернутый ответ предварите кратким, но точным, причем лучше выделить его другим цветом чернил. Будет хорошо, если вы укажете источники, в которых нашли ответы.

Приятного и занимательного вам досуга, дорогие читатели.

Для второго тура мы отобрали из ваших писем такие вопросы:

1. В кремлевском кабинете В. И. Ленина есть чугунная скульптура: на круглом основании возвышается полуобнаженная мускулистая фигура рабочего. В правой руке у него—молот, в левой—клевцы. Под ударами молота кусок металла приобретает форму орала. У ног кузнеца—снаряд, пушечный ствол и сломанный меч. Этот подарок рабочих Владимир Ильич очень любил. Назовите скульптуру, а также формовщика и чеканщика, участвовавших в ее изготовлении. Где ее отлили?

В. ЕЛИСЕЕВ,
село Ольховка Липецкой области

2. В мае 1942 года «Правда» напечатала корреспонденцию «Город Партизанск». Начинаясь она так: «Мы ходим по улицам города, который расположен далеко за линией фронта, в тылу врага. В городе живут несколько тысяч советских людей и нет ни одного немца. Они хозяйничали тут четыре месяца. Потом пришли партизаны и с треском вышибли их из города. В городе была восстановлена Советская власть. По понятным причинам, мы не можем назвать имени города...» О каком городе шла речь?

А. ТУНКЕЛЬ,
Уфа

3. Какая картина первой побывала в космосе?

Л. ДАХАДАЕВ,
г. Моздок Северо-Осетинской АССР

4. Героев какого морского сражения, которое закончилось победой российского флота, награждали медалью с лаконичной надписью «Был»? Что означает эта надпись?

5. Примадонна Мариинского театра в Петербурге, она была бабушкой известного детского писателя, произведения которого мы все хорошо знаем. Специально для ее голоса замечательный русский композитор написал партию героини в одной из опер. Назовите певицу, писателя, композитора и его оперу. Партию героини в том виде, как она написана, после названной певицы никто не исполнил. Почему?

Г. КРАСНИКОВА,
г. Красногвардейск Самаркандской области

6. Когда и где был организован первый в СССР студенческий кружок по охране природы? Что изображено на эмблеме кружка?

Е. ИВАНОВ,
пос. Гусятин Тернопольской области

7. Все знают, что «Конек-Горбунок» написал П. Ершов. А кто и когда написал сказку «Конек-Скакунок»?

В. ДАРЖИЕВ,
пос. Агинское Читинской области

8. Назовите самую маленькую книжку в мире. Кто ее сделал? Из какого материала ее обложка?

О. ШАЛАГИНА,
Целиноград

9. Алюминий был открыт в самом начале нашей эры. Об этом сохранилось письменное свидетельство древнеримского писателя и ученого в единственном дошедшем до нас труде. Назовите писателя, его труд и причину, по которой открытие алюминия было предано забвению на восемнадцать столетий.

М. КИРИЛЕНКО,
г. Березовка Одесской области

10. Мы по привычке считаем самым высоким и опасным на море девятый вал. А какой вал считали самым большим и опасным древние греки, древние римляне и какой считают американцы?

Ю. ЯКОВЛЕВ,
Минск

11. Назовите одни из самых красивых островов мира, коренное население которых говорит на языке с решительным преобладанием гласных звуков над согласными, как ни в каком другом языке мира. Ни одно торжество, ни один праздник на островах не обходится без леи—венков. Какой цветок на островах самый популярный?

Т. ТАТАРИНЦЕВА,
Сыктывкар

12. Кто из русских писателей подписывал свои ранние рассказы, опубликованные в газетах, именем Алеко, героя пушкинской поэмы? Чем он объяснял выбор такого псевдонима?

О. ПОТАПОВА,
село Большие Уки Омской области

13. Кто первым в мире и когда организовал детский сад? Какое популярное высказывание о детях принадлежит создателю?

К. ПЕТРОВСКАЯ, Симферополь

14. Всегда ли одинакова высота Эйфелевой башни в Париже?

Д. ЧЕРЕМНЫХ, Южно-Сахалинск

15. Птицы выкладывают гнезда пухом, травинками и другими материалами. А какая из наших птиц устилает гнездо рыбьими косточками? Где она устраивает гнездо?

Г. СИНИЦЫН, Рязань

Ждем ваши письма с ответами на эти вопросы. Последний срок их отправки—15 июня. На конверте пометьте: «Конкурс эрудитов. Второй тур».

После выступления «Смены»

В № 21 за 1983 год был опубликован очерк В. Луцкого «Чай», в котором затрагивались проблемы повышения качества грузинского чая. В частности, отмечалось: Грузия производит 95 процентов отечественного чая. Однако за последние годы его качество растет медленно. Очерк привлек внимание широкого круга читателей, специалисты промышленности и сельского хозяйства. Редакция получила ответы на публикацию.

Министерство пищевой промышленности СССР осуществляет ряд мер, направленных на улучшение качества грузинского чая. Так, в одиннадцатой пятилетке чайной промышленности Грузинской ССР выделяется 101 миллион рублей капиталовложений с приростом мощностей 166 тысяч тонн переработки чайного листа в год.

В двенадцатой пятилетке предусматривается дальнейшее наращивание мощностей в объемах, необходимых для своевременной и качественной переработки чайного листа.

Многое делается уже и сегодня. На чайных фабриках первичной переработки внедрены 134 механизированные линии скручивания, резки и сортировки чайного листа. Усовершенствованы схемы сортировки полуфабриката чая и др.

Одновременно для улучшения качества грузинского чая необходимо соот-

ветствующим организациям сельского хозяйства практически решить вопрос улучшения качества исходного сырья.

В. П. ЛЕИН,
министр пищевой промышленности СССР.

Заместитель Председателя Совета Министров Грузинской ССР, председатель Комиссии Президиума Совета Министров Грузинской ССР по вопросам агропромышленного комплекса товарищ Вардзелашвили О. Г. отмечает, что «Смена» правильно поставила проблему повышения качества чая. «Ваши критические оценки,—подчеркивает он,—пронизаны благожелательностью. Это поможет нам и заинтересованным министерствам страны приобрести новых союзников в деле ускорения решения проблем. В очерке справедливо отмечается, что республике, к сожалению, не удалось решить все задачи повышения качества чая в намеченные сроки. Сейчас работники АПК тщательно анализируют положительные дел в отрасли, обобщают положительный опыт и извлекают уроки с тем, чтобы к новому сезону сбора—переработки сортового чайного листа и слету чаеводов в 1984 году прийти с ясными позициями».

Я учусь в техникуме. Скоро мы поедем в другой город на производственную практику. Хотелось бы знать, кто должен оплачивать наш проезд и жилье? И еще: получим ли мы стипендию за время практики?

Алла СТЕПАНОВА,
Воронеж

Выезжающим на производственную или учебную практику студентам вузов выплачиваются суточные в размере 50 копеек—за все время практики. Проезд к месту прохождения практики железнодорожным или водным транспортом оплачивается за счет вуза.

Практиканты, приехавшие в другой город, обеспечиваются общежитием и постельными принадлежностями. Оплата за жилье не должна превышать 1 рубль в сутки.

Во время прохождения производственной практики студентам начисляется заработная плата. При этом за ними сохраняется и право на получение стипендии.

А теперь, Алла, ответь на Ваши вопросы. Учащимся техникума во время практики суточные выплачиваются в размере 40 копеек. Но если практика проводится в опытных хозяйствах или на полигонах, где есть общежития и столовые, суточные не выплачиваются.

Общежитие, которое предоставляет предприятие, оплачивается в размере не более 50 копеек, а постельные принадлежности—20 копеек за месяц.

Оплата проезда к месту практики учащихся производится на тех же основаниях, что и студентам. Учащиеся, получающие зарплату в период практики, не лишаются права и на получение стипендии.

ОХОТНИКИ ЗА ПРОШЛЫМ

На верхней открытой палубе, где столпилось множество пассажиров, Бронникова, протиснувшись, подошла к борту уже с платочком, который ей в конце концов удалось разыскать в сумке. Майор отошел от нее, тоже с трудом пробился вперед и в толпе провожающих без труда отыскал глазами Серфика. Как раз, когда тот заметил Бронникову. Она же махала платочком и улыбалась.

— Мы ненадолго вернемся в каюту, — сказал Савин, когда Бронникова простилась с бородачом.

Бронникова, обессиленная, но не потерявшая надежду, что все еще как-то образуется, шла рядом с майором по розовому ковровому полу судовых коридоров. Ее толкали встречные пассажиры, обгоняли, возбужденные, радостные. Легко извинялись, даже не глянув на нее.

Они вернулись в ту же каюту. Бронникова решила — значит, будет продолжение разговора. Опустившись в кресло, стараясь собраться с мыслями.

Майор Савин молча глядел на молодую женщину, хотя, если говорить серьезно, не такая уж она молодая, — повезло ей с внешностью. Перебирая в уме все, что он знал из обстоятельств дела, и то, что услышал от Бронниковой, Александр Степанович пытался разобраться, что же собой представляет этот человеческий экземпляр.

Несомненно, Бронникова — авантюристка. То, что она затеяла еще до визита бородача, представляло собой именно классическую авантюру — сомнительное в смысле честности предприятие, рассчитанное на случайный успех. Понимала ли она, что, приняв предложение Серфика, стала вольно или невольно соучастницей преступной группы, причем участницей активной?

Как могло случиться, что дитя войны, сирота, выросшая и воспитанная в той же большой семье, что и тысячи других обездоленных войной детей, как она могла выпасть из этой общей жизни?

Конечно, тут сказало влияние приемной матери, которая и языкам иностранным учила Надю в расчете, что та когда-нибудь устроится лучше, чем это удалось самой старухе. Главное в жизни — хорошо и тепло устроиться, твердила она всегда Наде. И бобылка Маркевич с ее железной формулой — плуй на всех, береги свое здоровье — тоже постаралась немало, чтобы сделать Бронникову такой, какой она стала теперь.

Украдкой наблюдая за майором и понимая, что для него будет важным все, что она сообщит, Бронникова неуверенно произнесла:

— Не знаю, интересно это или нет, но меня поразило одно совпадение.

Майор Савин оторвался от размышлений.

— Говорите.

— Когда я сидела на скамейке у морвокзала, ко мне подошел уже известный вам бородачатый молодой человек. Он сделал вид, что не узнал меня, но сел почти рядом. Я растерялась. Если он пришел провожать, то почему бы нам не перекинуться парой слов? Ведь никто ничего не знает! И я уже собралась было с ним заговорить. Но тут же спохватилась: а как? Я не знаю его имени.

И в ту же самую минуту какой-то парень подошел к бородачому и поздоровался: чао, Макс!

А тот пожал плечами и ответил: ошибся, парень! Парень извинился и ушел.

— В чем же заключается совпадение?

— А ведь тогда, утром, он сказал: «В Роттердаме к вам подойдет представитель фирмы «Макс». Вот я и подумала — там Макс и тут Макс, — может, родственник, но не хочет признаться?

— Хорошо, я это учту.

Слегка ободрившись, Бронникова после некоторого колебания спросила:

— А как же теперь с моим путешествием? Все эти проклятые бумаги я вам отдала. А насчет денег могу написать записку маме. Деньги у нее. Четыре девятьсот. Я взяла оттуда только сотню... Как же, а? Ведь я еще не была в своей каюте и даже не знаю, где мой чемодан.

Майор посмотрел на Бронникову. Нет, она явно ничего не поняла.

— Ваше путешествие отменяется. Хорошо еще, если дело ограничится только этим. А чемодан уже на берегу. Мы тоже спустимся туда...

В каюту опять постучали. Это был недавний молодой человек.

— Серфик вышел на Комсомольскую набережную. Голосует, ловит такси.

— Ну вот и отлично, — поднимаясь, сказал майор. — Значит, можем отправиться и мы.

Насчет наблюдения за бородачом он не добавил ничего, все было известно.

Бронникову пришлось задержать в интересах следствия. Она отнеслась к этому сравнительно спокойно, только попросила пока ничего не говорить маме: пусть думает, что я путешествую.

25

В город, где жил майор Савин, рижский поезд приходил ранним утром. И майор с вокзала не спеша направился домой, наслаждаясь прозрачной утренней прохладой, свежестью ветерка.

Александр Степанович привык к этому городу, бывшему рыбацкому поселку, где люди берегли свое прошлое, как в добрых семьях берегут даже бабушкины очки, перевязанные суровой ниткой. В этом городе сохранились названия улиц, говорящие о далеком прошлом: Лодочная, Якорная, Весельная... Осталась даже совсем маленькая Солная улочка. Она выходила на площадь Космонавтов.

Ближе к окраинам в теплые предвечерние часы можно было на скамейках у домов увидеть старых рыбацких жен, вдов, по-деревенски повязанных платками. Широкие в кости, строгие, молчаливые, они сидели рядом по две-три, положив на колени узловатые, натруженные руки. Жаль, не было времени остановиться, поговорить, как не было времени посидеть у моря на огромном розово-сером валуне, наполовину вросшем в песок. По бытовавшей давней легенде, валун этот когда-то с грохотом обрушил на голову жадного и злого скупщика рыбы сам латышский бог Перконис. Много лет уткнуло, от скупщика рыбы следов на земле не осталось, а разгневанный Перконис все гремит над побережьем.

В голове майора еще не улеглись впечатления вчерашнего дня. Документы, о характере и значении которых специалисты должны были срочно сообщить полковнику Сторожеву. Странная Бронникова, которая определенно не поняла, в какое дело ввязалась; циничный молодой пройдоха Серфик, которого, по убеждению майора, можно было арестовать, но полковник не соглашался...

По пути домой, хотя это было совсем не по пути, Александр Степанович заглянул к себе на службу. Дежурный сказал:

— Только что звонил полковник Сторожев, он ждет вас.

— На этот раз мы поменяемся местами, — пошутил полковник, когда Савин, войдя в кабинет, доложил о своем прибытии. — Не вы, а я буду информировать о новостях.

Личность Виталия Иннокентьевича не укладывалась в стандартные представления о начальстве, и поэтому майор не удивился.

— Хотите кофе? — предложил полковник.

— Не откажусь.

— Тогда помогайте мне. Все необходимое в шкафу,

нижний правый ящик. Действуйте, а я пока открою окна. За ночь стало душно, как в финской бане. — Полковник терпеть не мог финских бань в том виде, в каком они нынче распространились.

Небольшой электрический чайник забурлил через считанные минуты. В каждый стакан полковник положил по две чайные ложки растворимого кофе.

— Сахар — по вкусу, — сказал он.

Обжигаясь, оба с острым ощущением удовольствия сделали несколько глотков.

— Ну, так вот, Александр Степанович, — сказал полковник, отодвигая пустой стакан. — Из леса вы полз...

— Кто??

— Розенберг, или, как он пишется в послевоенных документах, Рожалнс. Он сам, подчеркиваю, сам, добровольно покинул сторожку своего приятеля, лесника из Калининградской области, у которого отсиживался, приехал в Янтарное и явился в милицию: арестуйте меня, я бывший агент гестапо. Только, говорит, перед тем, как арестовать, выслушайте! Милиция связалась с лейтенантом Лактионовым, который, собственно, из-за Розенберга продолжал оставаться в Янтарном. Лактионов с Розенбергом ввизу, у дежурного.

Дело ведете вы, Александр Степанович, поэтому я не трогал Розенберга до вашего приезда. Чтобы сохранилась, как говорится, острота первой встречи. Савин чувствовал, что это не все и что Виталий Иннокентьевич удивит его еще. А тот после паузы продолжил:

— Нам с вами именно сейчас предстоит решить, будет ли Розенберг арестован вообще. У меня на сей счет имеются сомнения.

— Вот как! — совсем не по-служебному воскликнул майор.

Полковник нажал одну из кнопок блока связи.

— Дежурный? Скажите лейтенанту Лактионову, пусть поднимется ко мне вместе с задержанным. Замечательно, что лесники, стараясь, почти никогда не сутулятся, не горбятся, до конца дней они глядят прямо перед собой, и спины их прямые, как стволы величавых сосен. Розенберг же стоял согнувшись, как подбитое болезнью старое дерево, в котором еле пульсировала жизнь, и руки его были похожи на сучья, покрытые темной корой.

Странное впечатление производило его глаза. В них была пустота. И двигался Розенберг странно, как бы и четко, и вместе с тем это была привычная четкость механизма — души не было.

Виталий Иннокентьевич Сторожев внимательно наблюдал за лесником с первого момента, как тот вошел. Фуражку лесник снял у двери. Усаживался на стул не сразу, а сперва потрогал: крепок ли? Обвел кабинет долгим взглядом, внимательно посмотрел на полковника.

По правилам полагалось спросить фамилию, имя, отчество и так далее, но полковник неожиданно сказал:

— Покажите-ка вашу фуражку.

Лесник, не удивляясь, снял фуражку с колена, пристав, протянул полковнику. Это была когда-то модная в поселках Прибалтики «шестиклинка», нечто промежуточное между картузом и шахтерской фуражкой, сшитая из темно-синего сукна.

— Вы эту фуражку забыли у Бируты Маркевич? Помните? В тот раз, когда хозяйки не было дома?

— Помню, — с легким вздохом ответил Розенберг. — Нет, это другая, та была старая. Так и пропала.

— А почему вы не женились? — снова задал неожиданный вопрос полковник.

Лесник усмехнулся, но не удивился. Видно, вопросы полковника при их необычности были точны. Попадали по главному, о чем думалось в одиночестве.

— До войны не собрался. А после войны — где там! — Он опять усмехнулся, но уже по-другому.

Неожиданно для лесного отшельника Розенберг вполне сносно говорил по-русски.

— А теперь главный вопрос. Вы пришли в милицию и сказали: «Я бывший агент гестапо. Арестуйте меня, но сперва послушайте...» Что вы хотите сказать? Говорите, мы вас слушаем. Только давайте честно.

— Честно,— повторил Розенберг.— Когда я при немцах был лесник, тогда боялся партизан, но вред им не делал.

Полковник, услышав такое начало, кивнул, как бы поощряя говорившего. Лейтенант Лактионов, не отрываясь, глядел на Виталия Иннокентьевича, как студент в аудитории глядит на любимого профессора,—и внешность, и манера держаться, и форма обращения, и неожиданные вопросы—все было образцом, эталоном, откровением.

— Немцев я боялся тоже,—продолжал Розенберг.— Поэтому делал все, что они требовали: Zeige Weg — покажи дорогу — показывал. Возил на охоту. Вы знаете, они пробыли у нас не один месяц, а три с лишним года. Моя мать немка, они хотели записать меня в «Фольксдойч». Но я сам себе сказал: не соглашусь, а то партизаны убьют. Схитрил, стал носить фамилию матери, немцы на том успокоились.

Я из войны чистым бы вышел, но эсэсовцы собрали в нашем городке мальчишек, повезли в лес расстреливать. Взяти меня—показывать дорогу, где нет партизан. Я не поверил, что расстреливать будут по-настоящему, думал, погугают лишь, чтоб боялись, разбегутся мальчишки—и все.

А они расстреляли.

При мне. Я все видел.

У меня ноги подгибались от страха, язык совсем отнимался. Вот-вот повернул автомат и в меня — тр-рах! — убрать свидетеля.

А они сделали еще хуже. Старший подошел ко мне и сказал: «Ну вот, теперь ты наш! Теперь мы тебе доверяем совсем. За службу фюреру будешь получать «железный крест».

И в тот самый вечер прислали в мой дом на жительство шесть эсэсовцев. Тут как раз была бомбежка и партизанский налет. Один эсэсман говорит мне: «Помоги закопать в землю ящик, там ценные бумаги и твоё счастье тоже!» Дом загорелся, сгорел совсем. Я ушел жить в лес.

А когда после войны на месте пожара начала строиться одна женщина, одинокая, с сыном, я пришел. Познакомился. Это была Бирута. Я с ней любовью крутил. Через год хотел уходить. Она сказала: «Если будешь уходить, заявлю, что ты агент гестапо. Вот в огороде выкопала». И показала пачку бумаг с черным орлом. На меня опять страх напал. Спрашиваю: «Там и про меня написано?» Она говорит: «Написано!»

Я хотел бумаги взять без нее. Не нашел. Тогда стал прятаться. Официально перевел свою фамилию на латышский. Это было легко, документы дали сразу. Я сказал, что немцы меня называли Розенбергом наильно. И стал Рожкалнс. Лесник Рожкалнс. Работал на участке, где подальше. А когда услышал, что вдова умерла, сам пошел в милицию, потому что бумаги найдут—мне будет сто раз хуже. Вот и все! Немцам я служил, но людей не убивал. Что мне положено, готов получить.

Высказавшись, лесник опустил голову, уткнулся взглядом в пол.

— Что ж,— сказал полковник Сторожев,—показанная вами правдивы. Они подтверждают материалами и документами, которые имеются в нашем распоряжении. Но нам известно, что недавно группа молодых людей искала лесника Розенберга, а не Рожкалнса. Что вы можете сказать на это?

— Я там, в лесу, когда прятался, долго думал,— начал лесник, как бы размышляя сам с собой.— Про то, что я Розенберг, знал только один немец, и он меня заставлял закапывать ящик. Он расстрелом командовал, и он приехал ко мне на жительство вместе с другими, когда был партизанский налет. Партизаны перестреляли всех. Ушли в лес. Стало тихо. Только дом трещал, горел. Все они лежали во дворе, шесть. Приехали немцы с мотоциклами. Я прятался. Немцы постреляли немного в лес. Далеко не пошли. Потом взяли свои покойники и уехали. А который меня знал, может, был не покойник, а только раненый. Тяжело. Если легко, он бы пришел за ящиком. Немцы в городке стояли еще дней пять. Потом ушли. Совсем.

— И вы предполагаете, что уцелевший гитлеровец сейчас живет где-то за границей?— Полковник внимательно посмотрел на лесника: предполагает или знает?—И через своего агента ищет встречи с Розенбергом, чтобы...— Полковник похлопал себя по карманам, поискал глазами на столе... Лейтенант Лактионов мгновенно догадался — вытащил из кармана пачку «Риги», выщелкнул сигарету и протянул пачку Виталию Иннокентьевичу. Тот с удовольствием закурил.

— ...чтобы я показывал место, где был мой дом, мой двор,— закончил Розенберг.—И помогал выкопать ящик. Но я уехал подальше. Они меня не нашли.

— Какая связь между этим и вашей явкой в милицию?

— Очень просто. Я подумал: раз ящик с бумагами начали искать, значит, найдут. Подумал, раньше вы найдете. А в бумагах про меня—неправда.

— Все гладко, все совпадает с тем, что нам известно... Но ведь желание пойти в милицию у вас появилось раньше, а? Не прячьте глаза, отвечайте, Розенберг!

Лесник опять туло уставился в пол и молчал. Наконец он поднял глаза. Обветренное морщинистое лицо с ключьями седой щетины искажилось. Полковник спросил:

— Почему вы повезли гитлеровцев по безопасной дороге? Почему не направили машину в руки партизан? Боялись, начнется стрельба и вас могут убить? Вы трус, Розенберг! Матери застреленных мальчиков должны были ненавидеть вас за это! Если бы вы погибли, осталась бы добрая память, а так... Вы были потрясены тем, что произошло в лесу на ваших глазах, Розенберг! И вас начала мучить совесть...

Длинный, требовательный звонок междугородной станции прервал полковника. Он резко рванулся к трубке...

Да, именно этого звонка ждал Виталий Иннокентьевич! Рига отвечала на его вопросы. Сначала полковник напряженно слушал, потом улыбнулся, раза два кивнул, соглашаясь. Наконец поблагодарил и теперь уже не спеша положил трубку.

Когда он вновь обратился в сторону Розенберга, его, крупное, слегка загорелое лицо было спокойно, а лесник, тот сидел как на иголках.

— Вы сказали про меня верно,— прервал лесник свое молчание.— Но,— он хлопнул себя по левой стороне груди,— что у меня здесь, это мое дело. А ваше дело наказывать за службу у немцев.

— Все—наше дело!—отрезал полковник.— Ишь, хитрец! Раньше люди грехи молитвами замаливали, а он решил себя тюрьмой успокоить!.. Отсиджу, мол, сколько дадут, и совесть чиста! И вроде бы же ни в чем не виноват перед ней... Только из этого ничего не выйдет! В тюрьму мы вас сажать не будем.

— Почему?—вырвалось у лесника. То ли обрадовался он, то ли огорчился...

— А потому, что не за что. Мне только что сообщили, что вашей фамилии в списках нет. Вас когда-то жестоко обманули, чтобы всю жизнь держать на поводке.

— Как нет?—спросил лесник с недоумением.

— А вот так! Спросил для такой компании. В тех списках люди солидные, даже семейные, не вам чета! Так что оставайтесь наедине со своей совестью, пусть до конца жизни она будет вашим судьей... Вы свободны, Розенберг! Майор Савин вызовет вас для дачи свидетельских показаний, а теперь идите. Лейтенант, проводите его.

26

Солнце уже вовсю хозяйничало в кабинете. Полковник снял пиджак, остался в клетчатой рубашке. Если в пиджаке он походил на дипломата, какими их изображают в кино—респектабельный, непроницаемо-вежливый,—то теперь это был просто добродушный хозяин. Он, довольно потирая большие аккуратные руки, остановился, снова прошелся по кабинету.

Савин не задавал вопросов, ждал, когда Сторожев заговорит сам.

— Как мне в вашем присутствии, Александр Степанович, сообщили из Риги, это списки шпионской сети, оставленной гитлеровцами по Прибалтике. Передаю вам буквально, как мне было сказано по телефону: документ большого оперативного значения. Списки напечатаны в двух экземплярах. Об этом указано в них же. У нас—экземпляр номер два. Первый, видимо, утерян или уничтожен при бомбежке, иначе за этим так не охотились бы. Для западных спецслужб документ представляет большой интерес, потому что большая часть указанных в нем лиц жива. На них можно было воздействовать путем шантажа, дойти этот список до запланированного адресата. И, кроме того, гитлеровские вербовщики, стараясь связать изменников Родины по рукам и ногам, вносили в список и членов семьи. Включая детей, которые, как вы понимаете, сегодня уже взрослые люди и также могли бы стать объектом шантажа. Отсюда и наш интерес к спискам, вам это излишне говорить, вы вели не одно и не два дела на притаившихся гитлеровских прислужников.

В общем, Рига поздравляет с успешным завершением важного этапа дела, которое вы ведете, Александр Степанович, и я от души поздравляю вас. А теперь поговорим о Серфике.

— По-моему, его надо брать,—отозвался майор. Он проинформировал полковника о деталях, которые были тому неизвестны, а именно: описал сцену с Бронниковой в каюте, сигнал платочком Серфику с теплохода; рассказал и о том, как обозначился подошедший к Серфику парень, когда бородач и Бронникова сидели на скамейке.

Полковник внимательно слушал Савина.

— А этот обозначившийся парень вас не насторожил?—спросил полковник.—Что, если он не обозначился?

— Вы хотите сказать, он узнал кого-то в бородаче?—Майор удивился, как эта мысль не пришла ему в голову.

— Да,—подтвердил Сторожев.

— Тогда бы он не ушел так легко...—неуверенно проговорил майор.

— Тоже верно,—суховато сказал полковник. Ему, видно, не хотелось расставаться с внезапно возникшим предположением.

— Бородача надо арестовать,—повторил майор уже настойчивее.—Раньше не было списков. Теперь они у нас. Значит, пора.

— Ну, допустим, мы его возьмем,—размышляя, проговорил полковник.—А что же тогда будет со вторым нарушителем границы? Ведь Серфик—единственная ниточка к нему. Должны же они увидеться хоть раз!.. Сделаем так, Александр Степанович, понаблюдаем за бородачом еще несколько дней. Если за это время ничего не изменится, возьмем. Предъявим ему кое-что из вещественных доказательств, проведем очную ставку с Бронниковой, он поймет, что выхода нет, и заговорит.

На второй день поздно вечером майору позвонили на квартиру из Риги и доложили, что Серфик, выйдя из дома со своим чемоданчиком «атташе», направился на железнодорожный вокзал, купил билет в дежурной кассе и через двадцать минут отбыл в Таллин. Одному сотруднику удалось сесть в тот же вагон. Какие будут распоряжения?

— Пока никаких,—ответил Савин и взглянул на ручные часы. До поезда времени оставалось достаточно, чтобы собраться и позвонить Сторожеву.

— Бородач, видимо, отправился по главному адресу,—сказал Савин, имея в виду второго аквалангиста, до сих пор не обнаруженного. Я еду следом.

— На месте действуйте по собственному усмотрению. Войдите в контакт с эстонскими товарищами и принимайте решение в зависимости от обстоятельств!—сказал на прощание полковник.—Доброй дороги, Александр Степанович.

Встретивший майора на вокзале в Таллине сотрудник Юхан Тоом доложил, что лучше всего поселиться в гостинице на Черной Горке.

— Черная Горка так Черная Горка,—решил майор.—Поехали. А буфет там есть?—пошутил еще Савин.

— Отличный!—весело отозвался Юхан.

В гостинице, в номере, Тоом доложил о наблюдении за бородачом:

— Нашел невесту. Собирается жениться.

— Вы что, серьезно?—не поверил Александр Степанович.

— Совершенно серьезно, товарищ майор.

Серфик тоже остановился в гостинице, но в другом конце Таллина. Вчера в одиннадцать тридцать вышел на улицу. Через несколько минут подъехала машина, такси с пассажиркой, забрали Серфика и покатали прямо в загс.

— Что все это означает?—подумал вслух Савин.

— Влюбился?—предположил Юхан.—А девочка попалась неподатливая. Только через загс.

— Серфик здесь всего третий день,—продолжал размышлять майор, не возражая лейтенанту, но и не поддерживая его.

— А долго ли собираться, если был уговор?—шутливо гнул свое Юхан.—В первый день огляделся, договорился с невестой по телефону, и отправились.

— Не тот случай, лейтенант... Не тот случай! Не так все просто. Расскажите-ка подробнее. В загсе были?

— Конечно. В приемной очередь. Четыре влюбленные пары. Еще какие-то посетители, ну, я и присмотрелся к невесте незаметно.

— Какое впечатление?

— Какое впечатление?—повторил Юхан.—Прямо скажу, невеста не по мне. Крупная. Тяжеловата. И, знаете, по-моему, она старше его.

— Вот что, лейтенант,—распорядился майор Савин.—Нужно очень аккуратно, не вызывая ничьих подозрений, взять в загсе их заявление и принести мне.

— Сделаю, товарищ майор!—Юхан взглянул на свои часы.—Минут через сорок заявление будет у вас.

— Только, повторяю, лейтенант, никто из работников загса, кроме заведующего, ничего не должен знать. Не исключено, что невеста—прикрытие и у Серфика в загсе был контакт с агентом, которого мы ищем.

Проводив лейтенанта, Александр Степанович тоже ушел из гостиницы. Рядом разрастался молодой парк. И Савин направился туда. Сел на ближнюю скамейку, чтобы не пропустить Юхана, и задумался.

Поразительна была та легкость, с которой Серфик ориентировался в Таллине. Действует как дома. Без затруднений достал номер в гостинице. Девушку свою отыскал сразу. Звонил на память, за телефонной книжкой к администратору не обращался. С девушкой явно была предварительная договоренность. Но когда он успел это сделать? Может быть, звонил еще из Янтарного? Кое-какой свет на все это может пролить

личность самой невесты. Что же, будем ждать лейтенанта Тоома.

Тот вместо обещанных сорока минут приехал через час с лишним. Они опять поднялись в номер. Там Юхан Тоом подал майору папку. Майор вытащил вложенный в нее заполненный бланк. Быстро пробежал глазами, затем медленно повторил написанное:

— «О себе сообщаем следующие сведения... Серфик Виктор Леонидович», так, так... «Двадцать восемь лет», «в брак вступает впервые, геолог, адрес, паспорт, серия...» Стоп! Паспорт выдан Таллинским РОВД ровно два года назад. Любопытно. Выходит, что рижанином наш бородач стал совсем недавно? Но к этому мы еще вернемся. А пока познакомимся с невестой: «Мююр Лили Фридриховна, тридцать лет...» вы были правы, лейтенант, она старше. «В брак вступает вторично, экспедитор, место работы — транспортное предприятие...» Но почему она не указала название и адрес? Лейтенант, сколько в Таллине транспортных предприятий?

Юхан наморщил лоб, стараясь вспомнить побыстрее.

— Смотри каких, — начал нерешительно. — Крупных с десятком наберется... А мелких, затрудняюсь ответить, товарищ майор.

— Срочно установите, где работает Лили Мююр! «Транспортное предприятие» — эти слова обеспокоили Савина. «Транспортное? Уж не собирается ли бородач исчезнуть из города на грузовике или автобусе?» — думал Савин, моделируя и разрушая разные версии.

Назавтра Юхан Тоом разбудил Александра Степановича не телефонным звонком, как они условились, а примчался сам. Он был настолько обрадован новостью, которую предстояло сообщить майору, что начал не так, как следовало бы:

— А я напрасно над невестой подсмеивался — девица-то наверняка с «жирком» в виде одной, а то и двух сберкнижек. Она работает не где-нибудь, а возит продукты на советские суда, уходящие в загранику.

«Жирок» и «загранику» Савин отметил, но в конце концов дело в сути. Невеста Серфика имеет доступ на суда, уходящие в заграник. Это была важная новость. С помощью своей Лили Серфик, возможно, попытается отправить Арвида?

— Рассказывайте, лейтенант. — Александр Степанович включил бритву. Юхан стоял рядом и рассказывал.

...Серфик заночевал у невесты, около восьми утра к дому подошла такси. Бородач и Лили, весело переговариваясь, сели и укатили. Бородач был со своим «дипломатом».

Таксист доставил пассажиров в близкий порту район Таллина. Это был странный уголок в современном, давно уже отстроенном после войны городе. Что-то среднее между автомастерской и «обезьянником», куда автоинспекция свозит разбитые машины.

Мощенная брусчаткой небольшая площадь была обнесена двухметровой оградой из металлической сетки. На площадке стояли десять или двенадцать грузовиков. У одних не хватало колес, у других отсутствовали кузова. Под старой трехтонкой, расстелив брезент, возился слесарь. Асфальтовая полоса шла вокруг ограды. Там, зажатые новыми соседями, стояли два приземистых серых дома, много лет назад пострадавшие не то от бомбежки, не то от пожара, да так по-настоящему до сих пор и не восстановленные. В этих двух домах были общие ворота, куда и нырнул таксист.

Лейтенант Тоом обошел вокруг ограды. Прочитал табличку на стене, узнал, что за контора здесь находится. Видно, оба дома были приспособлены под складские помещения. Юхан хотел повнимательнее взглянуть на двор, но из ворот выехал таксист. Машина была пуста.

Какие-то два парня, судя по одежде, рабочие, вошли в ворота. Юхан пристроился за ними. Задержавшись, оглядел двор. Там было еще два склада с длинной рампой для грузовых машин. Крытый фургон-полупортка пятился к рампе, треща мотором и отравляя выхлопными газами воздух. В освещенной электричеством глубине распахнутых складов двигались люди. Дальше идти было рискованно.

— Значит, в данный момент оба они находятся на складе, — полувопросительно сказал майор. — Надо срочно сделать вот что. Справиться, какие суда уходят сегодня. Таких наверняка несколько, но и экспедиторов тоже не один. Надо узнать, на какое судно повезет продукты Лили Мююр.

— Первый вопрос я выясню сейчас, — быстро поднялся Юхан. — Позвоню пограничникам.

Переговорив по телефону, он доложил:

— Сегодня до нуля уходят семь судов. Из них советских — два: рейсовый пассажирский теплоход Таллин — Хельсинки, тот, что пришел вчера, и архангельский лесовоз «Илья Мечников», который идет в Гамбург.

— Что ж, отлично. Постарайтесь в течение часа выяснить остальное.

Ровно через час Юхан, явно в хорошем от точно выполненного задания настроении, рапортовал:

— Наша Лили сегодня свободна. А завтра она везет продукты на банановоз «Лариса Рейснер».

— Долго ждали, еще день подождем, — неторопливо ответил майор. — А куда направляется банановоз?

— На Канарские острова. Только вот...

— Что? — насторожился майор.

— Он отсюда идет на Ленинград. Там догрузится, а потом уж рванет на Канары за бананами.

Так. Лили Мююр — невеста бородача — связана с судном, которое идет на Ленинград, а потом за границу...

Что это?

Случай?

Ход?

Майор сел к Юхану в знакомый серенький «Москвич».

— Давайте к складу, — сказал Савин.

Они довольно долго колесили по городу. Проезжая по новому микрорайону, где все дома были похожи один на другой, как близнецы, Юхан указал на один из них.

— Вон на третьем этаже, три правых окна, двухкомнатная квартира Лили Мююр. В одной комнате она, в другой сестра с мужем.

— А что за люди сестра с мужем?

— Он буфетчик в вагоне-ресторане «Таллин — Москва», она продавщица, сейчас поправляется после операции — вырезали часть легкого.

— «Торговая семейка», — усмехнулся Савин.

Они опять колесили по Таллину, постояли под красными светофорами на перекрестках, попали в лабиринт каких-то узких улочек, вырвались из них. Александр Степанович издали увидел сетчатую ограду автомастерской, которую так точно описал Юхан Тоом.

Кроме полуразобранных машин и двух рабочих, во дворе не было больше никого.

— А где же ваши люди?

Юхан выключил мотор, пожал плечами.

— Сам не пойму. Нашей машины нет. Значит...

...значит, — подхватил майор, — Мююр покинула склад, и они поехали следом за ней. Немедленно ступайте к заведующему базой, узнайте под благовидным предлогом, где Мююр.

Тоом не возвращался довольно долго. А ведь расторопный, толковый парень. Значит, есть какая-то причина, которая задержала.

Юхан показался из ворот.

— Все изменилось, — были первые его слова. — Заведующий сказал, что сегодняшний экспедитор заболел, и Мююр повезла продукты на пассажирский теплоход Таллин — Хельсинки вместо него.

Юхан хотел что-то добавить, но майор перебил его:

— Немедленно к теплоходу!

Окончание следует.

ПОДПИСКА
НА «СМЕНУ»
ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!
ЕСЛИ ВЫ ЗАХОТИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА НАШ ЖУРНАЛ В ТЕЧЕНИЕ 1984 ГОДА,
ТО МОЖЕТЕ ЭТО СДЕЛАТЬ В ЛЮБОМ ПОЧТОВОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ,
В АГЕНТСТВЕ «СОЮЗПЕЧАТИ» ДО 1-ГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
(НАПРИМЕР, В ТЕЧЕНИЕ МАЯ ДО 1 ИЮНЯ—НА ИЮЛЬ И ДАЛЕЕ).

Подписка проводится свободно, без ограничений.
Цена номера 35 копеек.

Не забудьте при этом, что «Смена» выходит два раза в месяц.

ШАШКИШАХМАТЫШАШКИ

26 шахматная ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Все на одного!

Шахматисты не очень-то любят задачи с «голым» черным королем. Все на одного—какая уж тут борьба! Действительно, защищаться черным нечем. В подобных задачах самое трудное—дать мат в заданное число ходов. Однако заметим, что и задачи с одиноким черным королем не всегда легки для решения. Все дело в том, насколько неожиданна или необычна идея задачи, ее авторский замысел.

Так, приводимая ниже задача вроде бы несложна, но только для тех читателей, которым знакома идея обходного маневра.

Мат в 4 хода

1. f3 Kph5 2. Cf1! Kpg5 3. Ce2! Kph5 4. f4x.

В заданиях сегодняшнего тура участники олимпиады встретят идеи, знакомые им по предыдущим турам.

Девятый тур

Белые: Kpf4, Fb3, Ce6 (3)
Черные: Kpd2 (1)
Белые начинают и дают мат в 3 хода (2 балла).

Белые: Kpb6, Ch2, Kc5, Kc6, n. a3 (5).
Черные: Kpd5 (1).
Белые начинают и дают мат в 6 ходов (2 балла).

Белые: Кра4, Лг7, Кf2, Кf4, пп. c5, e3 (6)
Черные: Kpc3 (1)
Белые начинают и дают мат в 4 хода (3 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «26-я шахматная олимпиада. 9-й тур». Последний срок присылки ответов (по почтовому штемпелю)—1 июля.

2 шашечная ОЛИМПИАДА

Под редакцией
мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

Этюды

В издательстве «Детская литература» вышла «Книга о шашках» гроссмейстера В. Городецкого, в одной из глав которой автор рассказывает о шашечных этюдах.

Шашечный этюд—такое положение, когда одна из сторон (обычно белые) добивается победы (или ничьей) единственным путем. Различный путь решения, зависящий от ответов черных, называется вариантом. Вариантов должно быть не меньше двух. Каждая шашка активно участвует в

борьбе во всех вариантах, и если даже она стоит на месте, то все равно выполняет определенные функции. В этюде не должно быть ничего лишнего. В этом случае говорят, что этюд экономичен. Очень важна экономичность финалов, когда борьба уже завершается. Наличие лишнего материала в финалах принижает ценность этюда.

Каждый этюд имеет основную идею и определенную тему. Их-то и надо отыскать. Сделать это не легко, ибо количество возможностей, особенно в «дамочных» этюдах, неизмеримо велико.

Решение этюда обычно связано с неожиданными ходами, которые часто как будто противоречат здравому смыслу. Но именно они, эти парадоксальные ходы,—единственно правильные, ведущие к цели.

Особенно затрудняют поиски решения ложные следы. Как часто приходится сталкиваться с ними!

В этюдах у сильнейшей стороны должно быть не более четырех единиц. Количество шашек у противника не ограничивается.

Слово «эюд» французского происхождения. Оно означает «изучение», «исследование».

Девятый тур

1—2. Б. Блиндер (Киев)
Публикуются впервые.

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 4 балла).
Последний срок отправления ответов на задания девятого тура 1 июля (по почтовому штемпелю). Не забудьте сделать пометку «2-я шашечная олимпиада. 9-й тур».

КОНКУРС ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РИСУНКОВ

Рисунок
Т. ЮНАКА,
Киев

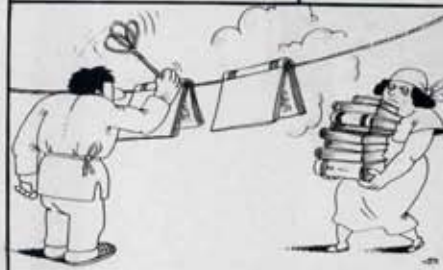
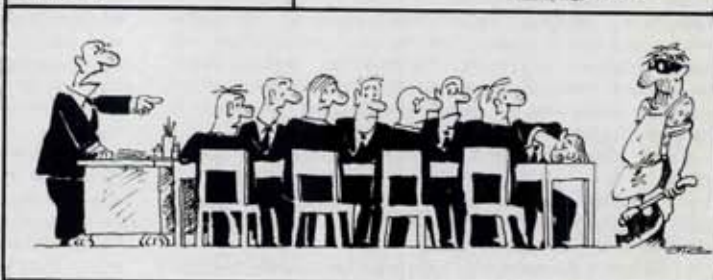

Рисунок
Валентина
ДРУЖИНИНА,
Загорск

Рисунок
Игоря СУРОВЦЕВА,
Воронеж

Рисунок
Олега ТЕСЛЕРА,
Москва

Дорогие читатели! Сетку, которую мы предлагаем вам во втором задании, надо заполнить словами на самые разные темы. Но при этом старайтесь отбирать из них такие, в которых бы как можно чаще встречалась буква «н».

Если условия первого задания ни в чем не отступали от общих правил для кроссвордистов «Смены», то во втором задании, учитывая его необычность, мы несколько отступим от них. Условия на этот раз таковы:

в кроссворд нельзя включать больше пяти однородных понятий и однокоренные слова; имен собственных, как и слов с правильным чередованием согласных и гласных звуков, не должно быть больше половины от всех загаданных; ни на какую букву не загадывайте больше пяти слов, только на «н» их можно брать любое число; названия болезней, религиозные и вызывающие неприятные ассоциации слова не берите; загадывайте слова в единственном числе именительного падежа, кроме тех, у которых единственного числа нет, а также кроме названий народов, парных предметов, названий произведений; пересекать слова старайтесь на согласных буквах.

Толкование слов оформляйте так:

1. Анаконда— крупная бразильская змея (СЭС, 553).

Каждую позицию начинайте с новой строки и

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07.
Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.03.84. Подписано к печати 30.03.84. А 09956. Формат 70×108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1150. Заказ № 2448. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Еще до встречи вышла нам разлука,
И все же о тебе я вижу сны.
Ну разве мы прожили б друг без
друга,
Мой милый, если б не было войны,
Мой милый, если б не было войны.

Наверно, я до срока стала старой,
Да только в этом нет твоей вины.
Какой бы мы красивой были парой,
Мой милый, если б не было войны.
Мой милый, если б не было войны.

И снова ты протягиваешь руки,
Зовешь из невозвратной стороны,
Уже ходили б в школу наши внуки,
Мой милый, если б не было войны,
Мой милый, если б не было войны.

Никто калитку стуком не тревожит,
И глухну я от этой тишины.
Ты б старше был,
а я была б моложе,
Мой милый, если б не было войны,
Мой милый, если б не было войны.

если б не было войны

1	2	3	4	5	6	7	8	9	
11			10				12		
			13						
14	15	16					17		
	18			19					
20				21			22	23	
24							25		
							26		
27				28					
			29						
30	31	32				33		34	35
36						37		38	
			39					40	
41								42	
			43						
44								45	

пишите при этом только на одной стороне листа. Толковать слова старайтесь в известной степени творчески, емко, точно. В конце работы расшифруйте источники толкования слов. В данном случае: Советский энциклопедический словарь, М., 1981 (страницу указывайте сразу).

К домашнему заданию обязательно приложите четко выполненный рисунок, заполненный заданными словами.

Обязательно укажите, причем желательнее другим цветом чернил, общую сумму букв «н», встречающихся в загаданных словах вашей работы.

Победителями в этом задании станут те участники, у которых в загаданных словах окажется больше всего букв «н». Разумеется, если при этом в их работах не будет отступлений от приведенных условий.

Лучшая конкурсная работа будет опубликована в «Смене». Ее автор, как и пять других победителей, получит памятный приз — книгу. Еще пятерых участников конкурса редакция наградит почетными дипломами.

Последний день отсылки домашнего задания — 30 июня. На конкурсе обязательно пометьте: Конкурс кроссвордистов, 2-е задание.

Успехов вам, дорогие читатели! Надеемся, это задание позволит вам интересно провести досуг, узнать много нового.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

- Ростбиф. 5. Маэстро. 9. Бройлер. 10. Рикошет. 11. Кинди. 14. Квиринал. 15. Инцидент. 16. Шляпа. 17. Ногата. 20. Чистик. 22. Карамболина. 23. Ориенталист. 26. Лигнин. 28. Саррот. 31. Отлив. 33. Науменко. 34. Кандидат. 35. Трдат. 36. Трибуна. 37. Соковар. 38. Правота. 39. Нанайка.

По вертикали:

- Рубакин. 2. Смокинг. 3. Баллиста. 4. Фаркаш. 5. Марина. 6. Эсквилин. 7. Ташкент. 8. Остаток. 12. Иллюминатор. 13. Дипломатика. 18. Аксон. 19. Аршин. 20. Чибис. 21. Сартр. 24. Ригенуто. 25. Сандакан. 26. Линотип. 27. Глубина. 29. Рядовой. 30. Татарка. 31. Октава. 32. Ватсон.

ВЫШИТО КАК НАРИСОВАНО

НА ОЗЕРЕ.

ЛЕТО.

ских друзей и на орловской земле, подарили им немало своих работ.

Увезла с собой красочные подарки и японская делегация. Картины орловских мастериц демонстрировались на выставках в Чехословакии, Анголе, ФРГ, на Кубе. И везде — восторженные отзывы.

Думаем, можно не делать скидки на необычность техники исполнения работ, на юность самодеятельных художников: они, на наш взгляд, выдерживают оценку по самому строгому, профессиональному счету. Ограниченность «палитры» (отходы все же!), кажется, совсем не мешает ученицам этого ТУ передать и

ку. Самое необычное в этих картинах то, что выполнены они не пером или кистью, а ... иголкой и ниткой. И вместо красок — отходы трикотажного производства...

Десять лет назад Анна Семеновна Колупаева, преподаватель черчения и рисования, заслуженный учитель РСФСР, организовала в своем училище кружок художественного творчества. За это время создано столько картин, что ими можно было бы украсить все стены училища. Правда, сейчас здесь нет ни одной картины: все они или подарены, или находятся на выставках.

ТУ-6 дружит с родственным училищем из болгарского города Кубрата. Не так давно была там Анна Семеновна со своими ученицами; встречали болгар-

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА.

ЗАКАТ.

В СТЕПИ.

Перед вами картины, созданные учащимися ТУ-6 из города Орла. Училище это — не художественное, а самое рядовое: готовит трикотажниц, швей, обувщиков. Но, как считают здесь, эстетический вкус, чувство цвета и пропорций нужны будущим работникам легкой промышленности не меньше, чем художни-

богатство красок, оттенков и очарование природы.

Авторов назвать трудно, поскольку над каждой картиной работают несколько человек — это в прямом смысле коллективное творчество. Среди самых активных участниц кружка Надежда Довгаль. Она недавно окончила ТУ-6 и теперь работает здесь же мастером производственного обучения. Анна Семеновна Колупаева готовит ее к руководству художественным кружком...

**Владимир
НИКОЛАЕВ.**